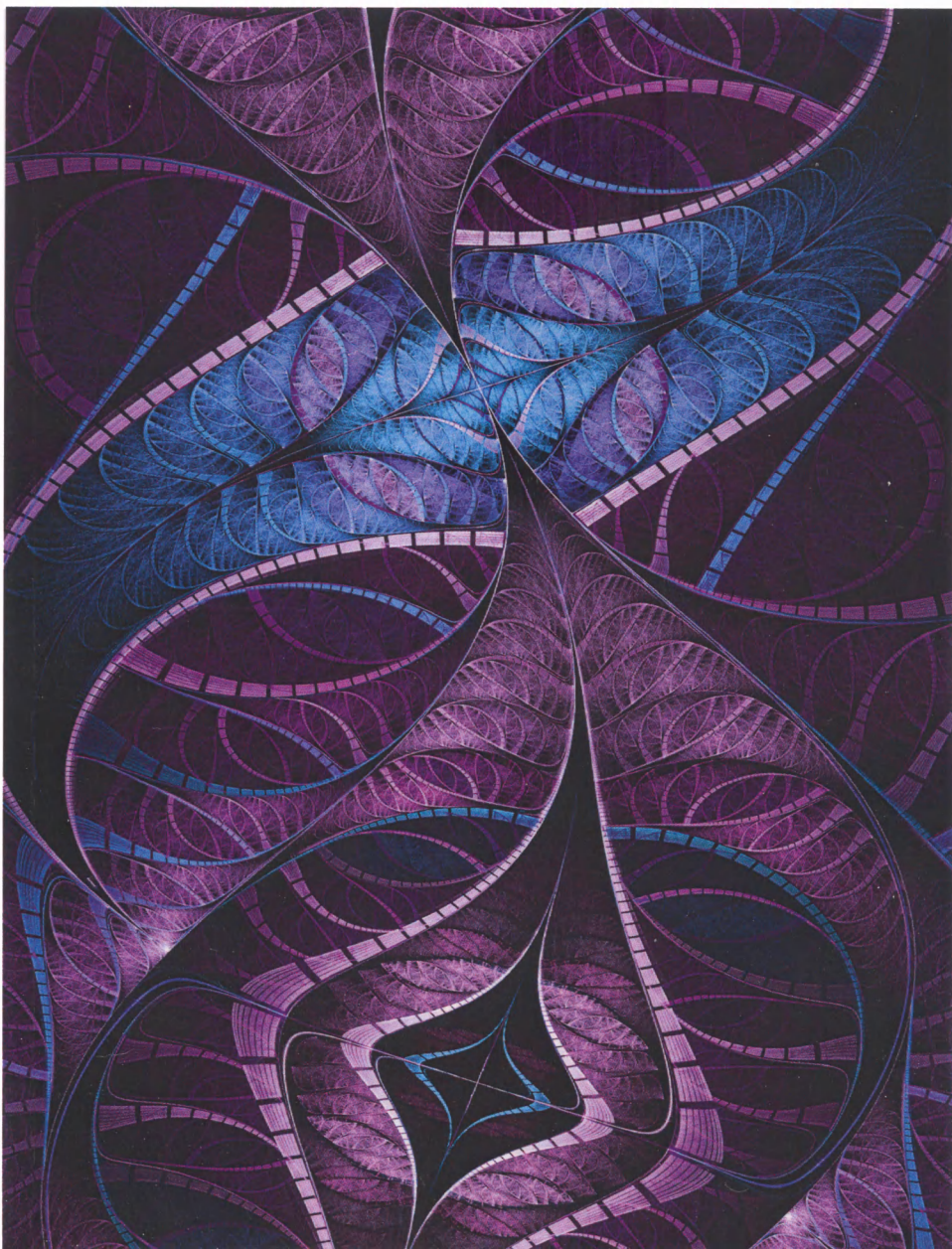

ЗНАНИЕ-СИЛА

Фантастика

№ 2 / 2017

Сентябрь-Декабрь

ЗНАНИЕ-СИЛА Фантастика

*Литературное приложение
к ежемесячному
научно-популярному
и научно-художественному
журналу «ЗНАНИЕ-СИЛА»*

№2/2017

№ 2 (25)
Издается с 2006 года

www.znanie-sila.ru

Зарегистрировано 03. 08. 2006 года
Регистрационный номер
ПИ № ФС 77-25240

Учредители

П. Н. Ртищев
АНО «Редакция журнала
«Знание-сила»

**Генеральный директор
АНО «Редакция журнала
«Знание-сила»**

И. Харичев

Журнал издается при участии
холдинговой компании
«Вест-Консалтинг»

Редакция

И. Харичев (шеф-редактор)
Е. Степанов (заместитель шеф-редактора)
Д. Байкалов
Е. Харитонов

Макет

Т. Иваншина
А. Глазов

Обложка

А. Горелова

Компьютерная верстка

И. Ракитина

Подписано к печати 10.08.2017
Формат 60х90/16.
Печать цифровая
Печ. л. 8,25. Усл. печ. л. 10,4.
Уч.-изд. л. 11,9. Усл. кр.-отт.
31,95.
Тираж 220 экз.

Адрес редакции:
115114, г. Москва,
ул. Кожевническая, д. 19,
строение 6

Телефон: (499)235-89-35
Факс: (499)235-02-52
E-mail: zn-sila@ropnet.ru

**Рукописи не рецензируются
и не возвращаются**

Цена свободная

Отпечатано в АО «Т8 Издательские
технологии»
109316, г. Москва,
Волгоградский пр-т, д.42, корп.5
Тел.: (495)322-38-31

СОДЕРЖАНИЕ

БУДУЩЕЕ

- 3** *М. Закрученко*
Что от нас остаётся
- 13** *А. Романов*
Подземная арифметика
- 19** *Я. Хотеев*
Выродок

КОНТАКТ

- 34** *В. Бохов*
Рыбалка

ИНЫЕ РЕАЛЬНОСТИ

- 39** *А. Силенгинский*
Вчера и позавчера (повесть)
- 57** *Е. Гамаюнов*
Дознаватель
- 72** *Д. Шатилов*
Когда покров земного чувства снят
- 76** *А. Змушко*
Хронодискретность

НЕНАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

- 80** *Ольга де Бенуа*
Сбежавшие ноты
- 91** *Л. Пузин*
Вечное золотое стило

ЮМОРКОН

- 105** *П. Ртищев*
Потёмки
- 113** *С. Кузичкин*
Воспоминание о белом журавлике

Мария Закрученко

Что от нас остаётся

— Не нравится мне всё это... — прошептала капитан первого ранга Екатерина Панова и оглянулась убедиться, что её никто не слышал.

Но беспокоилась она напрасно — все были поглощены невиданным событием на экране радара. Панова нахмурилась и в сотый раз проверила координаты. Уже час ничего не менялось: объект приближался к станции, и на позывные не отвечал. Маленькая красная точка на дисплее с каждой минутой становилась всё более зловещей и близкой. Скоро её можно будет разглядеть в иллюминатор.

Весь график работы исследовательской станции у орбиты Плутона полетел с самого утра, когда луч дальнего сканера заметил некий объект, что при встрече с ним изменил курс, и повернул к станции. И теперь картографы, астрофизики, математики — учёная элита планеты Земля, собранная на окраине системы проложить человечеству курс в дальний космос — прервали свою работу и топтались в кармашке рубки управления, путаясь под ногами офицеров земного флота.

— Не нравится мне всё это! — в рабочей тишине, нарушаемой ровным гулом техники и редкими фразами, бурчание профессора Ли прозвучало как выстрел.

Панова почувствовала, как в ней волной поднимается раздражение, и изо всех сил подавила его. Высокому грузному математику никогда ничего не нравилось, и он нетерпимым тоном громко анонсировал свои претензии, будто мог с помощью жалоб заставить лично Панову изменить вкус пайка или доставить в его апартаменты любимое кресло, находящееся за пять миллиардов километров. Но бесполезная капитан не только не могла обеспечить его таких элементарных нужд, да ещё и была вызывающе молода, чтобы оставить такой же след в истории, как и он, наравне с ним возглавляя экспедицию.

Они познакомились в центре подготовки полёта на Земле, и уже тогда капитану Пановой не понравилось, что главой научного отдела межзвёздной экспедиции стал твердолобый профессионал, считающий свою отрасль науки наиважнейшей. Она держала мнение при себе — молодых энергичных офицеров земного флота, мечтающих возглавить первую межпланетную экспедицию Земли к Плутону, хватало, а вот гениальный математик Ли был такой один. Профессор даже не соизволил попросить разрешения для

всей своей когорты учёных находиться на мостике, следить за приближением объекта, хотя Панова всё равно разрешила бы. Лучше тесниться в маленькой рубке станции, чем заставлять людей мучиться ожиданием в неведении. Уже прозвучали, полные и надежд, и опасений, робкие фразы:

— Может, это мусор? Может, это сломанный спутник?

— Если это ситуация первого контакта... — тихо сказала Панова, обращаясь к Ли, но тот немедленно перебил её:

— Чушь! — сказал он с уверенностью человека, не привыкшего сомневаться в том, что трава зелёная, пусть он и не видел её целую вечность. — Никто в здравом уме не полетит в самую отдалённую от Солнца точку системы, чтобы найти здесь жизнь!

— Но жизнь здесь всё-таки есть. Это мы. И если это ситуация первого контакта, на нас с вами возложена ответственность этот контакт установить.

— Свяжитесь с Землёй Центральной, — буркнул в ответ профессор. — У них там, наверное, сотни инструкций на этот счёт.

— Сигнал до Земли от орбиты Плутона дойдёт через пять часов. Допустим, часа за два нам приготовят и отправят ответ. Ещё пять часов он будет идти до нас. За это время ситуация изменится...

— ...нас здесь может уже и не быть...

Панова еле подавила вздох разочарования от того, что Ли высказал самое драматичное предположение на виду у всех. Чтобы загубить брошенные им семена паники, капитан проговорила так же громко, и так строго:

— У нас будет больше информации, а инструкции Земли устареют ещё в пути. Мы познакомимся с ними... Кем бы они ни были...

— Капитан, там нет никаких «их»! Я тоже когда-то мечтал встретиться с неизведанным, увидеть невообразимое! В конце концов, зов новых открытий, приключений и привёл сюда нас всех. Но со временем учишься видеть разницу между уверенностью в теории и слепой верой. И вы с возрастом...

— Капитан, объект в радиусе действия наших ближних сканеров, — доложили с мостика. — Он остановился.

Люди отвернулись от планшетов и посмотрели в окно. На чёрном фоне незнакомых звёзд, к которым уже начали привыкать, появилась новая точка. Похожий на шар объект подлетел к станции на максимальное расстояние, превратившись из теории в факт.

— Запустить полный спектральный анализ, — властно сказал Ли.

— Капитан? — обратился к Пановой связист.

— Полный спектральный анализ, — подтвердила она, тонко улыбнувшись. — Спасибо.

Три долгие минуты тишина в рубке обволакивала предметы и людей. Учёные и офицеры замерли в ожидании информации, которая с минуты на минуту могла изменить всю историю человечества. Маленькая точка на дисплее пульсировала предвкушением тайны. И вдруг эту тишину нарушил... смех. Панова обернулась: нет, ей не показалось. Молодой связист снова усмехнулся, и обратился к ней:

— Что бы это ни было, капитан, это не ситуация первого контакта.

— Где вы успели стать специалистом по внеземным цивилизациям? — уязвлённо воскликнул профессор Ли, лишённый права на открытие.

Но связист, не обратив на него внимания, закончил:

— Он вызывает нас. На стандартном английском.

Запись транслировалось через равномерные промежутки. Текст, хотя и на международном английском языке, был странным. Множество вопросов, не связанных друг с другом, и из них невозможно было понять их цель.

— «Что ходит утром на четырёх ногах, днём на двух, вечером на трёх?» — прочла вслух Панова, не скрывая в голосе удивления.

— Это знаменитая загадка Сфинкса! — тут же отозвался Ли, очевидно, сочтя её удивление признаком невежества. — Это «Человек»!

— Странная попытка установить контакт...

— Или вывести информацию!

— О чём? Умеем ли мы играть в шарады? Предлагаю вам заняться этой загадкой, профессор, раз уж вы проявили интерес. Вы окажете огромную помощь, если подготовите ответы, пока мы изучаем нашего гостя. Их здесь всего-то... три тысячи восемьсот девятнадцать.

Панова позволила себе лёгкую улыбку, когда озадаченный профессор склонился над планшетом, бурча под нос что-то неразборчивое. По крайней мере на несколько часов она свободна от его надменного вида.

Ничего. Это просто шар в космосе. Вращался по станционной орбите, как те капсулы, что вылетают со станции раз в неделю, чтобы заполнить вакуум очередной порцией земного мусора. Не зря это и была одна из версий. Объект висел в пространстве на безопасном расстоянии под прицелом сканера (оружием, как и любой гражданский объект, станция «Плутон-1» не располагала). И, судя по показаниям приборов, там ничего не было. Вообще ничего. И никаких признаков жизни. Потеря времени, выход за пределы жёсткого графика станции — всё впустую.

По данным о качестве материала учёные выяснили, что сфера изготовлена в самом начале двадцать первого века, либо до, либо вскоре после образования Земного Содружества Государств, почти сто лет назад. В базе данных не нашлось упоминаний о земных экспедициях, запусках спутников и зондов к Плутону за тот период. Всегда оставалась вероятность того, что они наткнулись на какой-нибудь сверхсекретный и сверхзабытый проект времён до Объединения. Панова осознавала, как только на Земле узнают, что сфера — проект родного мира, бюрократы сделают всё возможное, чтобы избежать принятия решения. Именно ей придётся делать что-то с мозолящей глаза и душу сферой, и она не собиралась с этим затягивать, но прежде собиралась выяснить, что это такое.

Учёные быстро теряли к объекту интерес, возвращались к своим звёздным картам, прокладывая человечеству путь в глубины космоса. Опасность осталась позади, но и возможность новых открытий тоже. Сфера стала всего лишь назойливым напоминанием о том, что кроме будущего у Земли есть ещё и прошлое — грубое и неудобное, мешающее сконцентрироваться. Люди не знали толком, что они чувствуют — облегчение или разочарование.

Профессор Ли, вопреки надеждам капитана, проторчал на мостике весь вечер, узурпировав место одного из офицеров связи. Под конец смены

в рубке остались только они вдвоём. Ли явно увлёкся, отвечая на вопросы сферы, забрасывал земную базу запросами и бурчал под нос. Вопросы, по его мнению, оказались на удивление лёгкими, ответить на них смог бы и школьник. Составленные бессистемно, в непонятном логическом ключе — история и литература Земли, физика и химия — чуть-чуть из каждой области знаний, они были смешаны воедино.

— Будто сдал экзамен по всему на земле! — усмехнулся профессор, закончив расшифровку. — И я не шучу! По всему на Земле!

Панова вдруг почувствовала, как у неё запылали уши: так бывало с ней при близости к ответу на непростой вопрос, или вычислении сложного сплетения координат, или когда она пыталась вспомнить сон, что ускользал в предраассветное утро. Что-то в словах профессора подтолкнуло её к предо-
шушению отгадки тайны...

— И что теперь? — прервал её размышления профессор Ли.

— Теперь мы установим контакт. Отправим наши ответы обратно.

Но прежде, чем Панова набрала команду, Ли возразил:

— Подождём ответа с Земли! Пусть они скажут, что делать!

— Я предупреждала, что всё изменится, — строго напомнила Панова. — Земля не знает, что это за корабль. Технически это не первый контакт. Мы просто отправим привет в собственное прошлое.

— История учит, что сюрпризы от наших соотечественников порой оказываются хуже, чем от иноземцев... Я настаиваю — ждать инструкций с Земли!

— Я приму к сведению вашу позицию, — отрезала Панова.

Неотрывно разглядывая сферу сквозь большое окно рубки, она твёрдым движением отправила ответ. Несколько секунд ничего не происходило. А затем свет мигнул и исчез. Резервное питание включилось чуть позже положенного времени, и гулкий сигнал тревоги вместе успел разнестись по всей станции. Переборка, ведущая в рубку, захлопнулась, оставив Панову и Ли наедине с сиреной.

— Потеря энергии! — сказала капитан, глядя на приборы. — Её будто высасывают из станции! Сфера!

— Невозможно! — выстрелил своим любимым аргументом профессор, но немедленно сел за пульт. — Нужно взломать несколько степеней защиты, это заняло бы часы! Если только...

— К нам подключились через канал передачи данных... — закончила за него капитан.

И этот канал она широко распахнула сама.

На лице профессора на мгновение засветилась готовность произнести заветное «я предупреждал», но он повернулся к сканеру. Панова глубоко вздохнула, призывая себя собраться, вернуться к проблеме, и перестать заниматься самоедством. Она по-прежнему руководит этой миссией и не позволит чувству вины сбить себя с толку.

Панова снова и снова вызывала сферу:

— Говорит командир исследовательской станции «Плутон-1», капитан первого ранга Екатерина Панова. Назовите цель вашей миссии и объясните ваши действия.

Радиомолчание всегда отличается от полного отсутствия связи. Всё равно можно услышать еле уловимые помехи, плывущие в тишине и темноте. Панова различала их, что доказывало — с той стороны просто молчат и прислушиваются. И вскоре рубку заполнил спокойный голос на стандартном английском языке. Капитан напрягала слух, но так и не смогла понять принадлежит этот голос мужчине или женщине. Голос, который произнёс всего одно слово:

— Земля...

И тут же пропал заодно с помехами. Связь прервалась.

— Там не должно быть ничего... и никого... живого, — сказал профессор, просматривая цифры на дисплее.

— Что с потерей энергии?

— Прекращена. Система автоматически отрезала рубку от остальной части станции. Мы теперь сами по себе.

— Хорошо, — кивнула капитан.

Это значило, что бы ни искала сфера, теперь она не сможет проникнуть вне систем рубки станции. Как и они не могут выйти за переборки. Станция закрылась внешним и внутренним экранами, ей ничего не угрожало. В другой части располагался запасной пункт управления, экипаж был в безопасности. Но Ли и Панова теперь отрезаны от этого мира, как если бы сели в шлюпку и отчалили. С ограниченным запасом кислорода, без канала связи со станцией, и неизвестным собеседником с третьей стороны, имеющим дурную привычку бросать трубку. Ли это осознавал, подумала капитан, и испытала удивление и благодарность за то, что учёный не устроил драмы, и бросился помогать.

Капитан безостановочно вызывала сферу на контакт, но ответа не было.

— Я проследил их путь по нашей энергосистеме, — сказал профессор, глядя на свой экран, и продемонстрировал Пановой красную линию на мелкой схеме: — Смотрите, здесь к нам подключились как к источнику питания, но на этом не остановились. Забрались в базу данных... тут-то их и отрезала автоматическая система безопасности. В нашей системе ходит что-то вроде вируса.

— Они до сих пор здесь? — от капитана не укрылось, что профессор наделил сферу осязаемыми, пусть и враждебными характеристиками. — Что им нужно?

— Информация. Это наверняка зонд-разведчик! Я попробую выяснить, на что он способен, и избавиться от него.

Панова кивнула, и повернулась к пульту связи.

— Неизвестное судно, вас вызывает капитан первого ранга земного флота Екатерина Панова. Вы проникли в нашу систему и были отрезаны. Назовите цель вашей миссии и объясните ваши действия! — повторила она суровее, чем на записи.

Красная линия на схеме продолжала свой забег по системе, тыкаясь по углам наугад.

— Здравствуйте, капитан, — раздался из динамиков прежний, спокойный неопределённый голос. — Нам нужна ваша помощь.

Ли и Панова уставились друг на друга, чтобы удостовериться, что им это не послышалось. Вдруг лицо профессора озарила улыбка, и он жестами показал капитану: «продолжайте». Она кивнула. Профессор вернулся к пульту, и начал что-то быстро печатать, по экрану поползли столбики вычислений.

— Подзарядка не причинит вреда вашему судну... — фразы гость производил как будто через силу.

Панова взглянула на ломаную красную линию, и с удивлением поняла, что энергосистема рубки действительно не пострадала от подключения сферы. Они по-прежнему были отрезаны от части станции, но опасность кислородного голодания ей и Ли больше не грозила. Если профессор и заметил это, то ей не сообщил, слишком занятый своими вычислениями.

— Кто вы и чего вы хотите? — чётко выговорила Панова.

— Я... Хранитель. Мы хотим... сохранить Землю. Помогите нам.

В голосе как будто прозвучала неподдельная печаль, на мгновение затронувшая и саму Панову. Ей даже захотелось, чтобы ответ с Земли на их запрос, пусть и бесполезный, пришёл скорее. Как ребёнок, родители которого отлучились слишком надолго, ей просто хотелось знать, что Земля на месте, и там всё хорошо.

— Мы сделаем всё, что можем, обещаю, — сказала капитан, а затем уточнила: — Землю нужно спасти?

— Землю нужно сохранить.

— Профессор Ли! Что-то не так, — сказала Панова, призывая коллегу в помощники. — Вы слышите, как он отвечает на вопросы?

— Я немного занят нашим спасением! — обиженно отозвался Ли. — Продолжайте отвлекать его!

— Как будто он не может сказать напрямую, и изо всех сил старается намекнуть... Ну, конечно! — вдруг воскликнула Панова. — Он отвечает на вопрос в точности как тот был задан! Это программа, ранняя версия искусственного интеллекта! Программу не нужно отвлекать, нужно задавать вопросы очень точно!

И снова вернувшись к пульту связи, Панова громко и чётко сказала:

— Запрос: информация по объекту. Объект: ваше судно. Вопрос... — она задумалась на мгновение, но в итоге спросила: что это?

Из динамиков донеслось:

— Это Земля.

Не успела капитан задать следующий вопрос, как иллюминатор, сквозь который было видно звёзды и сферу, осветился. На нём, как на экране, замелькали яркие картинки. Даже профессор Ли отвлёкся на минуту, и с удивлением уставился на проекцию. Фотографии тропических цветов из самых недр джунглей, рассвет на Ниле, Парфенон, доказательство теоремы Пифагора, страницы книг. Вид Земли из космоса. Кадры, которые когда-то были привычными, ничего не значащими картинками, теперь напоминали о единственном доме, оставленном вдали ради новых открытий, ради шага человечества вперёд. Разумно ли теперь оглядываться? Но капитан смотрела, не могла не смотреть.

Было в этом что-то на поверхности, чего ни она, ни профессор Ли не заметили. С ними играли в загадки, которые мог решить любой школь-

ник, и прятали то, что на первый взгляд, не содержало никакой тайны. Чувство близкой отгадки опять согрело капитана, на этот раз сильнее, но она снова чувствовала, что проходит мимо ответа.

Экран погас так же внезапно, как и включился, и профессор Ли вдруг воскликнул:

— Получилось! На несколько мгновений, но я их всё же достал!

— Проникновение! — воскликнул голос сферы, и связь снова оборвалась.

— Что случилось? — обратилась Панова к профессору.

— Небольшой трюк. Пока вы отвлекали эту... программу, я взламывал её защиту, и по каналу связи забрался в их систему, так же, как проникли к нам!

— И что теперь?

— Теперь у нас есть доступ ко всему, что есть у них! — отозвался профессор Ли, не скрывая злорадства. — Смотрите, что ещё они прятали! Этот корабль — собрание данных обо всём на свете! Огромный каталог знаний, библиотека!

Капитан внимательно рассматривала обнаруженный профессором каталог с заглавиями по наукам, искусству, литературе. То, что сфера прятала, что защищала.

— Почему я не могу вернуться? — воскликнул голос искусственного интеллекта.

Тонкая красная линия металась от одной микросхемы к другой словно ослепшая красная змейка.

— Потому что я отрезал путь обратно! — воскликнул учёный. — Эта программа, интеллект, что бы там ни было, заперта здесь, с нами!

— Что-то здесь не так, — медленно проговорила Панова, и громко сказала: — Запрос информации. Утверждение: знания Земли собрали на вашем судне и отправили в космос.

— Подтверждаю.

— Вопрос: Зачем?

— Сохранить Землю, — последовал ответ.

— Они хотят спасти себя! Они же назвались Землёй! — выкрикнул свою версию профессор. — Пытались обезоружить нас, лишить источника энергии! Может, даже уничтожить!

— Мы не причиним вам вреда! — тихо произнёс голос. — Отпустите.

Панова покачала головой, обращаясь к Ли:

— Речь шла именно о спасении планеты, не о сфере. Зачем они изменили курс, как только заметили нас? Зачем вышли на контакт, если их цель — спастись, не лучше ли не привлекать внимания?

— Думали перехитрить нас! Получить информацию и сбежать.

— Тогда они бы проникли в систему. Но вместо этого послали нам опросник, на который может ответить... только человек...

Догадки одна за другой посыпались на Панову, заполняя идеями. Голос профессора доносился как будто издалека:

— Мы ничего не знаем об этих Хранителях, ясно только, что они опасны, агрессивны и безответственны! Хорошо, что эта штука попалась именно нам, тем, кто сможет её уничтожить.

Удивление Пановой перевесило возмущение.

— Уничтожить? Как?

— Я захватил объект силовым лучом станции! — радостно сообщил Ли, и повысил голос, стараясь, чтобы его услышал и голос с той стороны. — Мы разобьём его об орбиту Плутона!

Профессор расплылся в улыбке, словно ожидая похвалы: как это ловко он придумал способ сломать что-то, в месте, для этого совсем не предназначенном!

— Вы только что встретились с неизведанным, как мечтали, и теперь собираетесь просто уничтожить его? — воскликнула капитан.

— Эту опасную авантюру нужно остановить! Представьте себе, что эти знания попадут в чужие руки, обернутся против человечества оружием! Мой долг как учёного, ваш — как представителя вооружённых сил Земли — защитить нашу родину от распространения таких сведений о нашем мире!

Ксенофобия — лучшее прикрытие для страха, горько подумала капитан. Тем временем пальцы профессора забегали по клавишам панели управления. Сфера за окном начала двигаться как будто ближе к станции, но на самом деле — к орбите Плутона. Через несколько минут её притянет к маленькой планете, а затем...

— Остановитесь немедленно! — приказала Панова. — Они беззащитны и просили о помощи! И мы не знаем есть ли на борту живые существа!

— Судя по их же данным — нет. Только глупая программа.

— Как руководитель экспедиции я запрещаю вам делать это!

— Я приму к сведению вашу позицию, — улыбнулся профессор Ли.

Панова бросилась к своему пульту, чтобы отменить команду, но увидела, что профессор зашифровал свою программу со всей присущей ему гениальностью, которую ей не обойти.

Капитан посмотрела в окно. Сфера приближалась к орбите, но время ещё оставалось. Краем глаза она следила как линия чужого следа в их системе, — искусственный интеллект сферы, мечется в ловушке, пытается выбраться, но ни слова не произносит в свою защиту. Панова заметила полный восторга взгляд профессора Ли, и удивилась тому, что она чувствует не злость и раздражение, а жалость. Как мог этот блестящий математик даже здесь, на пороге будущего, оставаться в своём любимом кресле, за пять километров световых лет?

— Профессор, ведь это вы доказали теорему Ломбрана? — спросила вдруг Панова.

— Да, — удивлённо ответил он, но продолжил с готовностью человека, любившем поговорить о себе. — Одно из важнейших открытий века! Правда, с нобелевкой меня обошёл этот француз со своими тезисами о...

— Не важно. Ваше открытие стало одним из тех, что сделало наш полёт возможным. Без этого доказательства, без всей вашей работы, станции «Плутон-1» не было бы здесь, мы никогда не шагнули бы к пределам знаний человечества, чтобы расширить их!

Профессор Ли пробурчал что-то неразборчиво-благодарное, а Панова продолжила:

— Представьте, что всю вашу работу в одно мгновение стёрли ещё до того, как вы успели внедрить её в жизнь. Уничтожили все ваши записи, от записок на полях до статей и диссертаций...

— Это невозможно! Кому бы это...

— Просто теория. Что было бы тогда?

— Ну что ж... если бы — в теории — кто-то занялся подобным... варварством... Как вы и сказали, этот полёт не состоялся бы. Это, без сомнения, задержало бы развитие человечества ...Не произошло бы скачка в смежных науках, многих открытий бы просто не случилось!

— И вас. Вас бы тоже не было.

— О чём вы? — испугался профессор.

— Я не о физической оболочке. Мы остаёмся в памяти по тем делам, которые совершили. Без свидетельства вашей работы, вы её не делали, нет и вас самого.

Профессор открыл было рот, чтобы привычно возразить, но не нашёл слов, в первый раз за всё время. Капитан указала на окно и произнесла спокойно и строго:

— Библиотека там — не просто дело жизни каких-то Хранителей. Это данные о Земле, призваны спасти Землю. Нам подбрасывали подсказки с самого начала — мы должны были пройти тест, подтвердить, что мы люди! Они назвались Землёй, но, говоря о планете всё, всегда говорили «сохранить»!

— У вас есть теория? Поделитесь!

— Что я и делаю! Профессор, мы на пороге великих открытий, мы открываем человечеству дорогу к экспансии всей вселенной. Возможно, однажды — неизвестно скоро ли — мы забудем о Земле. Или, если с Землёй что-то случится... Что тогда от неё останется? Что останется от нас? Я думаю... нет, я уверена — кто-то подумал об этом. Кто-то собрал эту библиотеку. Они буквально сохранили Землю, чтобы земляне смогли восстановить всю память, все знания человечества, когда ничего уже не останется! Сфера сама установила контакт, когда поняла, что мы — люди! Мы не можем просто уничтожить последний шанс нашего будущего!

Профессор задумался на долгую минуту, за которую сфера преодолела расстояние до орбиты Плутона. Время почти истекло.

— Это всего лишь догадка, капитан! Даже если вы правы, нет никакой гарантии, что однажды эта сфера внезапно прилетит и спасёт всё человечество! Шансы на это почти ничтожны!

— Это лучше, чем не иметь их совсем.

— Земля вызывает капитана земного флота! — снова отозвался голос из динамика.

— Слышу вас, Земля! — немедленно отозвалась Панова.

— Капитан, скоро мы разобьёмся о поверхность Плутона, — голос был спокоен. — Сохраните нашу базу данных. Сохраните Землю. Пожалуйста.

Капитан взглянула на учёного.

— Скопируйте всё! — приказала она. — Хотя бы это для них сделайте!

Профессор Ли вздохнул и набрал на своей панели короткую команду. В следующее мгновение сфера, управляемая лучом, стала медленно возвращаться назад, пока, наконец, не замерла снова на орбите станции.

- Вы понимаете, что мы рискуем всем? — спросил Ли.
- Иначе в риске нет смысла, — ответила она.

Бег красной стрелки по системе остановился. Искусственный интеллект терпеливо позволил профессору Ли вывести его из им же созданного лабиринта.

— Я установила сигнал-предупреждение всем земным судам, — сказала Панова. — Тем, кто пройдёт тест, конечно. Объяснила миссию этого корабля и добавила просьбу о помощи. Они будут просить каждый земной корабль поделиться информацией, которой вам не хватает. До тех пор, пока искусственный интеллект не научится общаться сам.

— Каждый внесёт свою лепту, да? — ухмыльнулся профессор. — Капитан, мы, кажется, снова попадём в учебники истории?

— Если это и случится, то, будем надеяться, не скоро.

— Вы творите историю, — раздался голос неизвестного Хранителя. — Мы её сохраняем.

Сфера уже отлетела на безопасное расстояние от станции, когда двери отсека рубки наконец открылись, пропуская внутрь перепуганных учёных и офицеров.

— Что случилось, капитан? Мы услышали сигнал тревоги! Это всё из-за той штуки? Нас атаковали?

— Нет, — ответила Панова. — Это всего лишь...

— Ошибка системы. Недоразумение, — подсказал профессор.

— Недоразумение, — повторила капитан.

— Смотрите! Она улетает! — воскликнула девушка-физик, стоявшая к иллюминатору ближе других.

Ли и Панова отошли, чтобы все могли наблюдать за тем, как единственный гость покидает станцию. Часть их дома, близкая и далёкая, она всё же была одной из первых — тайной, встретившейся им в самом начале пути к далёким звёздам.

— Куда она? — выдохнул кто-то вопрос.

— В будущее, — тоже ответил кто-то.

Об авторах

Родилась в 1986 году в г. Самара (бывший Куйбышев), где жила до 25 лет. Закончила Самарский Государственный Университет по специальности юриспруденция. С 2012 живет и работает в Москве. В 2016 году закончила Московскую Школу Кино по специальности «сценарное мастерство». В настоящее время работает как фриланс-журналист, публицист, критик, редактор. Пишет прозу с раннего возраста, преимущественно рассказы в жанре драмы, пишет пьесы, сценарии наравне с прозой. Регулярно готовит рецензии и критические обзоры на современную литературу и кино. Участница Форумов молодых писателей России в 2009, 2010, 2013, 2014 годах. Публиковалась с рассказом в журнале Вайнах, № 6, 2011 год, в сетевых изданиях: Литерратура, «Сетевая словесность», НГ Exlibris и др. с критикой и публицистикой.

Александр Романов

Подземная арифметика

Я встал с лежака и разлепил глаза.

Лампы под потолком едва светили, я прошлепал босыми ногами в угол, повернул вентиль крана, подождал, пока он погудел, покряхтел и посокращался, прежде чем из него, наконец, потекла вода.

Да и так, не вода — жижа. Слизь. Желтая, с комками дезинфектора, она вываливалась из отверстия и со звонкими шлепками падала на пол. Я посмотрел, как она падает, как ее затягивает в фильтр, подождал, пока она станет пожиже, нехотя протянул руки и принялся хватать комки горстями и размазывать по лицу, шее, голой груди и животу. Висящем напротив зеркала было видно мое отражение — всклокоченные волосы, тощая кадыкастая шея, оттопыренные уши и худые колючие плечи.

За спиной виднелся висящий на стене портрет нашего руководителя Голованцева. Черная кайма, как будто отрезающая угол портрета, опять перекосилась.

Я подумал, что неплохо бы ее вообще убрать — Голованцев умер уже давно, так давно, что я уже успел привыкнуть к его телу, лежащему в прозрачной камере морозильника.

Подумал, что давно уже не брился, и провел руками по щекам. Набрал из тубуса гель для бритья, шлепнул его на лицо, подождал положенное время и смыл. Понаблюдав, как кружатся, нехотя уплывая в канализацию, ошметки геля, выключил воду и залез под сушилку. Оделся, проверил в кармане таблетки и вышел в коридор.

Лампы в коридоре горели слабым желтым светом, я вывернул регулятор на максимум, стало светлее, я зашагал дальше, заученными движениями проверяя фильтры и датчики, расположенные около дверей жилых комнат.

В нашей крохотной кухне уже кто-то был, я увидел какое-то шевеление за стойкой, подумал, что опять наша эксперт-политолог Клавдия Ивановна успела сюда раньше меня, громко пожелал ей доброго утра, она что-то неразборчиво буркнула в ответ, или мне только показалось, что она буркнула, и на самом деле это бухтела скороварка. Переспрашивать я не стал, проверил заданную Клавдией Ивановной программу, заменил в меню яичницу на омлет, увидел, что она опять ошиблась с числом, пересчитал про себя всех наших, как будто мог забыть их количество, и вбил вместо вписанной Клавдией Ивановной единички четверку. Хотел было сделать ей замечание, и тут же передумал, потому что в этот момент за стойкой что-то загрело,

загудел блендер и зашипела сковорода. Подумал, что вот есть же еще такие люди, которые ни за что не доверят приготовление омлета технике. У нас же все есть — и запас продуктов на чертову прорву лет, и автоматическая кухня, всего то и дел — нажать пару кнопок, подождать положенное время, вот тебе и обед. Так нет, им все надо сделать самим — посчитать, отрезать, замешать, и зажарить, только тогда они будут по-настоящему довольны. Я еще раз пожелал Клавдии Ивановне доброго утра, и двинулся в лабораторию.

Там уже горел свет, и всю кипела работа. Под потолком двигались щупальца манипуляторов, сустились между столами автоматы, я активировал экран перед дверью и мельком глянул, чего они там сегодня собрались делать.

Опять — двадцать пять. Делать им, что ли, больше нечего? Каждый день одно и то же. Видать совсем нашего Аркадия Петровича переклинило на этой теме. Подай ему ускоренную переработку воды и все. Нет, чтобы брать пробы наружного воздуха, проверять почву, а еще лучше — отправить, наконец, к реке зонд. Вечно мы, что ли, будем в этом бункере сидеть? Понятно, что полураспад стронция с цезием тридцать лет, а углерода все пять тысяч, но, полураспад полураспадом, а не мешало бы поискать, может, где есть место и почище? Так хочется на воздух, и чтобы солнце, птички поют...

Ну, птички, положим, теперь нигде не поют, оборвал я себя. Отпели свое. И солнце мы за поднятой атомными взрывами пылью теперь нескоро увидим. Да что там нескоро — его даже наши внуки не увидят. Если будут они у нас — внуки. Я вспомнил про единственную на нашей базе женщину — эксперта-политолога Клавдию Ивановну. Ее огромную необхватную талию, мощные бедра и толстые руки с похожими на сардельки пальцами.

Специфическая женщина. Хотя вон Аркадию Петровичу она вроде нравится. Как он на нее раньше поглядывал. Глазками стрелял. Говорил, что если бы не разница в их дежурствах, он бы давно уже к ней подкатил. Ага, как же, подкатил бы. Ему вон кроме своих автоматов и компьютеров больше ничего не надо. Они ему и женщина, и жена, и еще бог знает что.

Когда я его последний раз вообще видел? Не помню. Я выключил экран, толкнул было дверь лаборатории, тут же запищал сигнал и наверху зажглась предупреждающая надпись.

— Сам знаю, что не входить. Поучи тут меня еще, — буркнул я, развернулся и зашагал дальше.

Дальше были пустые комнаты, запечатанные залы и складская зона. Сколько еще места, на сто человек все рассчитано. Тут тебе и спальные места, и спортзалы, и даже помнится, где-то был бассейн.

Одно слово — президентский бункер. Подземная база на сто мест. А нас всего четверо. Было пятеро. Пятый — Голованцев, который теперь лежит в морозильнике и ничего ему уже больше не надо. Не выдержал, бедолага, то ли совесть замучила, то ли просто с ума сошел. Шутка ли — двадцать лет в замкнутом пространстве. Тут любой не выдержит. А когда узнал, что запаса пищи и фильтров у нас, как оказалось, осталось всего ничего, совсем с катушек съехал. Начал расследования свои бредовые проводить, да виноватого искать. А чего его искать? Раньше надо было. Искать. До взрывов.

Ну, он побегал тогда, побрызгал слюной, поугрожал, а потом вдруг как-то резко затих. Успокоился. Предложил, было, мне, как единственному

технику базы, всех остальных от пайков незаметно отключить, чтобы, значит, нам с ним больше досталось, да я послал его куда подальше и сказал, чтобы больше с этими вопросами ко мне не лез. Иначе поставлю на общее голосование вопрос об его руководстве. Ну и пароли от всех серверов, в блокноте записанные, сразу сжег. На всякий случай. Чтобы соблазнов у человека не возникало. А пароли эти я и так помню. Мне записки всякие и напоминалки без надобности.

В общем, не выдержал Голованцев, да удушил сам себя. Как уж у него это получилось — неизвестно, наши какое-то время даже говорили, что кто-то ему помог, только я в это не верю — ребята у нас тут все честные, многократно всякими комиссиями проверенные, да и я с ними который год здесь сижу — каждого как облупленного знаю.

Вот и Леша, наш биолог. Его дверь. И опять не закрыта, даже вон стулом подперта; опять свет везде горит, да рычаг кислородного клапана на максимум вывернут. И воздух из него совсем не идет. Ну, Леша, ну разгильдяй, даже автоматика сработала, клапан ему перекрыла. Ладно, клапан, ладно свет, но дверь то закрывать нужно. Я же на ночь подачу воздуха только в спальни и оставляю. В остальные помещения он не нужен. Чего фильтры зря гонять? Там и так их уже предпоследняя пара осталась.

Я приоткрыл дверь.

Вроде его, Лешина, тень — вон он сидит за столом. Всю ночь, небось, сидел. Как всегда. Ладно, ему можно. Весь в работе человек, диссертацию пишет. Кто ее, правда, принимать будет, непонятно. Некому принимать. Все, кто наверху остались, им уже все равно. Хоть кандидатская у него, хоть докторская. Без разницы. Они как там сейчас лежат, так и дальше лежать будут. Точнее то, что от них осталось.

Я попробовал разглядеть знаменитую Лешину шевелюру, проклятая лампа наверху светила прямо мне в лицо, сбоку лупила вторая, притом расположена была так близко, что я чувствовал щекой излучаемое ей тепло. Даже под ногами и то стояли какие-то светильники, светильнички, и валялся включенным даже большой ручной фонарь. Я хотел было сказать Леше, чтобы не сажал зря аккумуляторы, тем более у ручников, потом подумал — какого дьявола, они нам уже точно не понадобятся, даже если мы наверх когда-нибудь и выберемся, у нас этих фонарей — полная кладовка. До самого верха комната этими ручниками забита.

Я с сомнением посмотрел на эту световую какофонию, мне показалось, что я разглядел мелькнувшую за колпаком дальнего светильника тень.

Как всегда громко поздоровался. Мне, как всегда, не ответили. Леша никогда не отвечает. То ли не слышит, то ли обижается, что я его все время критикую. Не даю, мол, работать, тогда, когда он того захочет. Я сказал на всякий случай в темноту, что больше его критиковать не буду. Что пусть работает столько, сколько ему надо. И вообще — мы уже это столько раз обсуждали. Хватит уже дуться, прямо как маленький, ей-богу. Хочешь, спрашиваю, я тебе, подачу кислорода увеличу? Или, еще того круче — перекину пару кабелей, например, с кухни, прямиком на твою лабораторию? Ну а хочешь, новые фильтры персонально тебе поставлю, а? Специально для себя берег — новые, нераспечатанные. Фирменные. С озонированием.

В ответ в дальнем углу вроде что-то звякнуло, я подождал ответа, ответа не последовало, тогда я вздохнул, прикрыл дверь и вышел в коридор. Там я опять проверил в кармане таблетки и направился в комнату управления — тестировать, проверять и отлаживать.

* * *

Вот так вот всегда — стоит про одно то же постоянно думать — и это обязательно случится. Я вылез из-под лежака, проверил еще раз шкаф, потом пролазил все углы и полки. Таблеток нигде не было. Подумал, что, наверное, стоит вернуться обратно и проверить комнату управления, потом вспомнил, как судорожно переворачивал стоявшие там скамейки, перебирал на полках журналы учета и даже снял лицевую панель блока энергоподдачи столовой, как будто они могли упасть внутрь него. Пузырек был большим, а внутри блока все было настолько тесно и плотно, что не то чтобы пузырек — таблетка бы внутрь не пролезла.

Я в сотый раз, внимательно и не торопясь, проверил карманы, прошупал зачем-то швы комбинезона и без сил плюхнулся на постель. Потом опять встал, посмотрел на портрет Голованцева. Попробовал вспомнить, зачем мне вообще эти таблетки. Для чего-то я их принимаю? Не просто так же каждый вечер, в одно и то же время, по одной, перед сном... Помню, что связано это с Голованцевым. Вроде как он их мне прописал. Или нет? Не помню. Может они и не нужны? Никто вон не пьет, один я.

А вообще — есть же журналы учета, дневник, в конце концов, там обо всем этом должно быть написано. Сам Голованцев и писал. Пока живой был.

Я разделся и лег. Дверь тихо зашипела, покрываясь герметичной пленкой, я подумал, что даже если я сейчас захочу пойти посмотреть журналы, у меня все равно ничего не выйдет, до самого утра путь закрыт, а раз закрыт, значит, нечего и переживать.

Если бы эти таблетки были так важны, я бы знал.

* * *

Я открыл глаза. Было темно и явно рано. Свет почему-то не горел вообще. Я похлопал по стене рукой, нащупал регулятор и выкрутил ручку. Загудели лампы, и стало светло. Потолок почему-то покачивался, и я испугался, подумал даже, что война еще не закончилась, и только что был очередной ядерный удар. И потолок сейчас упадет. Представил, как следом за ним рухнет стена, отсюда в коридор потянется воздух, и будет со свистом выходить наружу, а я буду лежать и ждать, пока он закончится. Я даже до комнаты управления добежать не успею. Воздуха не хватит. Тот, что в коридоре был, с вечера не обновляется. Так в огромных резервуарах и оседает. Копится на день.

Я осторожно встал. Опустил ноги на пол. Колени дрожали, руки тряслись, и вообще я чувствовал себя как наркоман в ломке. Сам я наркоманом никогда не был, но, по-моему, они должны чувствовать себя именно так —

перед глазами плыло, стены шатались и даже вон портрет на стене — шевелил губами, как будто пытался что-то сказать.

Еще чего не хватало.

Наверняка мало кислорода, вдруг подумал я. Точно — кислородное голодание. Правда, я не уверен. Какие там у него симптомы? Что там Голованцев говорил в свое время про это дело? Что-то ведь такое он говорил, да я дурак, как всегда, не слушал. Тогда не слушал, а сейчас вот на — получай. Может сейчас его об этом спросить? Вон и глаза у него на портрете такие жалобные, совсем как в тот последний вечер, когда он умолял меня никому ничего не говорить. Про недостаток продовольствия на складе, про скорый износ фильтров и про то, что надо переходить на режим экономии. Потом сказал, что нам бы двоим хватило этого надолго, мы бы протянули в два раза дольше, чем впятером. Мы бы с ним и сделали все чисто. Шитокрыто. Никто бы ничего не узнал. Клапаны вечером перекрыли, а утром тела бы потихоньку вынесли. На ледник. Ну, или могли бы совсем не выносить — оставили бы прямо в комнатах. Там герметично, дверки захлопнул и воняй себе в своей спальне на здоровье. Этих спален вон сколько — выбирай любую. Хоть и президентскую — с аж тремя комнатами, большим залом и сауной. И за каким чертом президенту сауна, подумал тогда я? Без нее никак? Столько народу погибло, на Земле может сейчас никого больше кроме нас не осталось, а у президента вон сауна при комнатах. И этот Голованцев мне про нее с таким удовольствием рассказывает, и такие подробности, как будто всю жизнь только и делал, что в саунах просидел.

Хрен вам всем, а не сауна, подумал я.

И кислород я перекрывать никому не позволю.

Если надо — себя жрать заставлю. Или вон Голованцева слопаем. Ну а что — он вон какой крупный, с мягким животом, и почти без волос.

Я вздрогнул и вскочил с постели. Ноги подогнулись, и я рухнул обратно. Откуда-то я ведь знаю про его живот и про то, что он без волос. К горлу подкатил тошнотворный комок. Я с силой затолкал его обратно.

Нет, не может быть.

Он лежит на леднике.

Я точно помню. Целый и невредимый. И продуктами у нас целых два блока на складе забито. Вот сейчас сработает автоматика, двери откроются, я пойду и посмотрю. И на Голованцева, и на Клавдию Ивановну, и на Лешу, и на нашего Петра Аркадьевича. Только бы дотерпеть. Только бы они дотерпели. А ведь Петр Аркадьевич может не выдержать. Старый он уже.

Я зачем-то опять посмотрел на портрет Голованцева. Из-за нижней его границы вдруг вылезла рука и погрозила мне пальцем. Кисть была гладкая и безволосая. Я помотал головой. Черта с два ты меня собьешь с толку, Голованцев, подумал я. Один раз уже чуть не сбил, и вот опять.

Что он там сейчас сказал?

Чтобы я пошел и проверил остальных.

Ха-ха. Сейчас. Все брошу и пойду.

Что значит — я же техник? Ну и что, что я техник, и что, что я единственный тут человек, у которого есть медицинские навыки. Я может жить хочу. Ну, проползу я по коридору сколько-то там метров. А дальше?

Кислорода там все равно почти нет, двери все герметично закрыты, там мой подвиг и закончится. Голованцев вытянул палец в направлении двери и свел брови к переносице.

— Я жить хочу! — почти закричал я. — Я ради этого на все готов. На все! Понимаешь, ты!?

Он не понимал. Губы его быстро зашевелились, я пытался понять, о чем он там бормочет, но выхватывал только отдельные слова и слоги. Я понял только, что он бормочет опять про то, что нам двоим оставшегося хватит надолго.

Тут в моей голове вдруг что-то с треском лопнуло, и я заорал еще громче, брызгая слюной:

— Двоим надолго, а одному еще дольше!

Тут потолок видимо все-таки упал, потому что по затылку ударило что-то мягкое и тяжелое, я клюнул носом пол, стало темно, и в следующий момент я уже сидел на холодном, а прямо передо мной зиял проем настежь распахнутой двери.

Я с трудом встал.

Колены дрожали, по лицу и шее катились ледяные капли.

Я вышел в коридор.

Выкрутил свет.

Дополз до кухни.

Там горел свет, и копошилась за стойкой Клавдия Ивановна. Я с облегчением перевел дыхание. Громко поздоровался, и, не дожидаясь ответа, сообщил Клавдии Ивановне, что у меня видимо был приступ кислородного голодания, надо же — такие ужасы мерещились, до сих пор руки дрожат. Ответа не последовало. Я подошел ближе и заглянул за стойку. Там никого не было. Привычно шумел блендер, застучала и тут же замолкла хлеборезка. Ноги мои опять задрожали, и я подошел к панели меню. Там опять была яичница и в строке с количеством порций стояла цифра «один».

Я попытался попасть пальцем по кнопкам, не смог, рука все время упрямо виляла в сторону, тогда я плюнул на меню и поплелся в сторону комнаты, где жила Клавдия Ивановна.

Нажал клавишу.

Дверь зашипела и отъехала в сторону. На кровати кверху пузом лежала наш эксперт-политолог.

Я постучал в переборку и покашлял. Ответа не последовало. Затем я увидел торчащую из-под покрывала синего цвета кисть, перед глазами опять все поплыло, и в следующий момент я был в коридоре, стоял на коленях, в руках у меня был утеранный вчера пузырек, а сами пилюли я собирал с пола и по одной складывал себе в рот. Их там было уже очень много, последние я заталкивал между губ, а они упорно вываливались обратно.

Ну, ничего, переживем, вдруг подумал я. Жалко, конечно, Клавдию Ивановну, не выдержала. Я вот выдержал, а она нет.

Не дождалась она своего Петра Аркадьевича.

В голове всплыло и тут же исчезло воспоминание о том, как я только что навешал Аркадия Петровича и Лешу, но что я там увидел или что они мне ответили, я почему-то не помнил. Что был — помню. А что видел или слышал — нет.

Тут одна из таблеток попала в горло, я кашлянул, и пилюли веером разлетелись по коридору. Я их собирать не стал, хотел было броситься бегом в свою комнату, неожиданно увидел, что сижу, оказывается, возле нее, встал на четвереньки и вполз внутрь.

Портрета на стене не было.

Он лежал на полу лицом вниз. Я сел рядом с ним, положил его к себе на колени, и неожиданно из моих глаз полились слезы. Они падали на портрет, и я возил по нему пальцами, размазывая влагу. Я сказал Голованцеву, что это он всех убил, это была его идея. И сейчас там одни только трупы. Никого нет. Они все мертвы. Лежат в постелях, накрытые покрывалом. Я сам это видел.

Что он сказал?

Я?

Голованцев говорит мне, что это все я?

Тогда, пять лет назад.

Врет он.

Я не мог.

Я был здесь.

А он был где-то там. Не со мной он был. Я точно помню.

Я был у себя в комнате, мы уже собирались спать, как ко мне вдруг зашел наш руководитель и стал говорить про нехватку ресурсов, про экономию, а потом и про отключение всех, кроме нас с ним.

Помню, как послал Голованцева ко всем чертям, а потом всю ночь лежал на полу и считал. В два раза дольше проживем, если останемся вдвоем, в четыре раз дольше, если останется один. Арифметика. Ты знаешь, что такое арифметика, Голованцев? Лицо на портрете кивнуло. В два раза дольше — это твоя арифметика. В четыре раза — моя. Ты-то потом пошел спать, тебе легко. Уснул и больше не проснулся. А каково мне? И я как-то с этим живу. Я вспомнил, как встал тогда с пола, прошел в комнату управления и, бормоча себе под нос «один лучше, чем четыре», принялся вводить пароли доступа.

Портрет Голованцева опять зашевелил губами.

— Заткнись! Замолчи! — заорал я. — Помнит он. Что это я их убил, он помнит.

И таблетки эти он мне сразу посоветовал. На случай, если я, значит, соглашусь. Иначе, сказал, сгоришь. Совесть замучает.

Это у меня-то совесть? Да у меня внутри даже ничего не шевельнулось, когда я увидел, как все вы там лежите. Вспомнил, понимаешь, про совесть.

А как я тебя вытаскивал потом, хватал то за руки, то за ноги, и тащил по коридору на ледник, ты не помнишь? Никого тащить не стал, а тебя одного вот вытащил. Конечно, куда тебе. Ты уже был мертв. И все остальные тоже. Всего-то делов — сделать вид, что ошибся на одну цифру.

Вместо десяти ввести единицу.

Может техник с безукоризненным послужным списком один раз ошибиться? Может.

А таблетки ты мне, Голованцев, все-таки посоветовал хорошие. Самые лучшие. Ни черта ведь я с ними всего этого не помню. Без них да, ты прав, без них я сгорю.

И их у меня тоже теперь в два раза больше, чем было бы, если бы мы были вдвоем. И что бы мы с тобой вдвоем тут делали, не знаешь?

Я вот сейчас с тобой поговорю, потом две пилюли проглочу, совесть свою зажую, а пока они начнут опять действовать, пойду и поговорю сначала с Клавдией Ивановной, потом с Петром Аркадьевичем, ну и напоследок к Леше загляну. Клавдии Ивановне пожелаю, как всегда, доброго утра, а потом подправлю программу киберкухни, чтобы по утрам шумела посильнее. И с количеством порций не ошибалась, несмотря на то, что я буду потом их по незнанию исправлять.

А к Петру Аркадьевичу я, пожалуй, в лабораторию еще больше автоматов напущу. Чтобы, так сказать, живее было. Я же их как пять лет назад туда запустил, как программу им задал, так они с тех пор кругами там и бегают.

С утра начинают и до самого вечера.

А уж, сколько я с Лешиными светильниками возился, страшно вспомнить. Все комнаты обошел, пока нужное количество набрал. Чтобы его, привязанное к стулу и теперь уже наверняка иссохшее тело, не дай бог не увидеть.

Запах? А что запах? Дезинфекторы работают безотказно.

У наших теперь все в порядке. У всех. И у меня тоже. У меня теперь все есть.

Кислороду мне — пожалуйста. Сколько угодно. Двойную порцию десерта? Да хоть тройную.

Я посмотрел на пилюлю в руке, добавил к ней еще одну и отправил их в рот. Мне теперь таблеток надолго хватит, как заведенный, твердил я. Главное опять не потерять. Второй раз я такого приступа не выдержу.

Я погонял пилюли во рту.

Проглотил.

Скоро они уйдут.

Трупы уйдут.

Уйдут и забудутся.

Скоро все это забудется.

А в журнал так и запишем — кислородное голодание.

Самое главное, что у меня теперь всего вдоволь.

Я теперь вас всех тут переживу.

Об авторе

Родился в 1977 году в Волгограде. Закончил Волгоградский Государственный Архитектурно-Строительный Университет в 2000 году. Архитектор. Пишет с 2013 года. Публиковался в журналах «Юный техник», «Уральский следопыт», «Машины и механизмы», «Техника-молодежи», альманахе «Чайка».

Ярослав Хотеев

Выродок

Я лежу на кровати в темноте. Приборы по углам следят за состоянием организма, записывают показания датчиков и отправляют напрямую врачам. На тумбе стоит поднос с пустыми тарелками — никто не сподобился забрать посуду после ужина. Темным прямоугольником на стене висит экран телевизора. Кровать с регулированием наклона спинки, в подлокотник встроен пульт для управления кондиционером и яркостью освещения. Одиочная палата повышенного комфорта, да только кому он нужен?

Тряхнув головой, отгоняю сон. Некогда пышные волосы сваялись в комок на грязной подушке. Просторный больничный халат висит будто мешок. Кажется, я не вставала целую вечность.

Исхудающие руки обхватывают живот. Похоже, это уже вошло в привычку — защищать.

Мне надоела эта палата, мне надоела эта больница, надоело постоянно лежать. Я уже не помню, когда в последний раз была дома. Самое страшное, что той жизни уже никогда не будет.

Пробирает холод. Мокрая от отошедших вод простыня облепила ноги. Вот-вот должен прийти врач, но причин для паники нет. Нет и самих схваток. Нет ни боли, ни радости, ни волнения. Только пустота.

В коридоре слышатся шаги. Доктор ведет целую команду акушеров. Надо же, какая честь. Жаль, что их забота не проявлялась, когда ребенок был жив.

Взглянув на руки, плотно прижатые к вздутому животу, морщусь. Дурная. Там уже некого оберегать. Я лишь жду, когда матка выплюнет это отродье. Плакать бессмысленно, но слезы все равно льются. Наверное, так выходят остатки материнского инстинкта.

Снова смотрю на живот. Ты отнял у меня всех... Выродок.

* * *

Муж вернулся с работы раньше, и мы вместе готовили ужин. Не помню, о чем тогда говорили, да и все это уже неважно. Ковард шутя спровадил меня с кухни, а сам принялся мыть посуду.

Медленно и осторожно поднимаюсь по лестнице в спальню. Ковард предлагал перенести кровать на первый этаж, но я отказывалась.

— Я совсем перестану двигаться. А так хоть какая-то разминка.

Ковард улыбался, но в глазах все равно читалось беспокойство.

Поднявшись на очередную ступеньку, глажу выступающий живот.

Видишь, малыш, как папа за нас переживает. Вот только я знаю, как лучше. Я — твоя мама. Ты родишься здоровым и крепким, будешь точно так же карабкаться по ступенькам жизни, игнорируя простые пути. Так отец воспитал меня, и таким станешь ты.

Следующий шаг отзывается острой болью в животе. Крик выходит сдавленным, и я в страхе замираю. Снова боль, глубокая и раздражающая.

— Ковард!

Обхватив одной рукой перила, другой придерживаю живот. Сделав последний рывок, поднимаюсь выше. Упасть на ступени и скатиться с лестницы будет не лучшим решением.

Муж выбегает из кухни, когда я добираюсь до второго этажа. Развалившись на полу, бесцеремонно задираю подол платья. Сквозь натянутую кожу живота проступают хлесткие удары пятками.

— Ковард! — кричу я и сжимаю руками живот. — Помоги!

Не знаю, сколько прошло времени, но открыв глаза после приступа боли, вижу мужа рядом.

Где-то вдалеке слышится вой сирены скорой помощи, но они опоздали. Боль стихает вместе в толчками малыша. Этим вечером умер мой ребенок.

— Тройное обвитие пуповины вокруг шеи плода, — констатирует врач.

— Вы называете плодом моего ребенка? — голос пропитан истерикой.

Ковард обнимает за плечи.

— Мне очень жаль, — продолжает врач. — Мы не ожидали такого исхода.

Я не слушаю. Слезы каплют на простыню. Поднимаю умоляющий взгляд на мужа.

— Отвези меня домой.

— Вам следует остаться в больнице. Нам потребуется время, чтобы извлечь ребенка.

Откидываю одеяло, пытаюсь подняться. Ковард укладывает обратно на койку.

— Дорогая, ты навредишь себе...

— Мне нужно домой...

— Джуд, лучше остаться под присмотром врачей.

Руками обхватываю голову, сжимаю пряди волос.

— Так не должно было быть, — шепчу я.

Ковард прижимает к себе.

— Доктор, оставьте нас. Пожалуйста!

Врач поспешно покидает палату.

— Ковард, мне нужно домой... — продолжаю просить я. — Там кровать, игрушки... там его вещи... это были его вещи.

— Не нужно, милая. Не думай об этом. Сейчас важно лишь твое здоровье.

— Пожалуйста, сожги их.

* * *

Дверь распахивается и на пороге появляется доктор Асис.

— Джуд, какого черта! Почему вы не нажали кнопку вызова?

— Какая разница? — отвечаю я. — Вы и так постоянно следите за мной.

Асис не спорит, подходит к приборам и фиксирует последние показания.

— Схваток нет, — бурчит под нос доктор.

— Ничего странного. Это не роды, а извлечение. Просто вытащите его из меня.

Асис молчит, внимательно изучая экран.

— Не буду с вами спорить. Ждать действительно нет смысла. Везите ее.

Я внимательно оглядываю акушеров.

— Мои требования соблюдены?

— Да, здесь нет роботов. Только люди.

Я киваю.

— Тогда скорее покончим с этим.

* * *

На второй день без предупреждения и стука приходит он.

— Миссис Джуд, сочувствую вашей утрате, — произносит молодой человек в строгом сером костюме. Бесшумно пройдя в палату, легким жестом отсылает робота-уборщика. Рывком поставив стул у кровати, садится.

— Сочувствующих хватает, — отмахиваюсь я. — Что вам нужно?

Мужчина опускает взгляд в пол. Наверняка рассматривает носки собственных туфель.

— Что вы знаете о программе развития робототехники, миссис Джуд? — внезапно спрашивает он.

— Вы делаете роботов, и что дальше?

— Не просто роботов. Мы развиваем всю промышленность. В частности, мой отдел отвечает за создание искусственного интеллекта.

— Рада за вас, мистер...

— Мистер Сейтон, — поспешно представляется мужчина. — Дело в том, что вы можете оказать нам неоценимую помощь.

— Не пойму, на что вы намекаете? А намекаете на что-то очень нехорошее.

Сейтон снова изучает либо туфли, либо узор на линолеуме.

— Мы пришли к логичному выводу — продолжает мужчина, не поднимая головы. — Искусственный интеллект невозможно создать с нуля. Нужна основа. Искусственный разум должен расти и обучаться... как ребенок.

Кожу обжигает холодом.

— Нет, — отвечаю я.

— Но вы даже не выслушали мое предложение...

— Нет! — кричу я и бью кулаком по кушетке.

Подняв голову, Сейтон пронижительно смотрит мне в глаза.

— Мы спасем вашего малыша.

— Пошел вон!

— Миссис Джуд, прекратите истерику и подумайте логично! Врачи тянут с операцией, боятся занести инфекцию от трупа. Стимулируют естественные роды. Но сколько это может продолжаться? Он разлагается внутри вас! Сможете ли вы вообще иметь детей?

Я вскакиваю с кровати, но резь в животе заставляет согнуться.

— Как вы можете... — хриплю я, пытаюсь сдержать боль.

— Нет, как вы можете упускать такой шанс? Совсем скоро его мозг без кислорода придет в негодность, и тогда будет поздно. А если мы вживим искусственный интеллект сейчас, то он возобновит процессы жизнеобеспечения. Личность вашего малыша уже мертва. К чему страдать, если родится кусок тухлого мяса, который тут же отправят на помойку? Вы же никогда не ищите легких путей, так почему сдаетесь сейчас?

— Вы ничего обо мне не знаете!

— Напротив. Мы очень хорошо вас изучили. Мать умерла сразу после родов, потому воспитанием занимался отец. Вы его похоронили несколько лет назад, с почестями, как и полагается отставному генералу. Ваш муж, мистер Ковард, преподаватель в колледже. Ребенка вы не планировали, но все же решились рожать.

— Замолчите, — шиплю я, пытаюсь подняться с колен. Руки не слушаются, дрожат не в силах выдержать вес.

Сейтон послушно кивает. Достав из нагрудного кармана визитку, аккуратно кладет на тумбу.

— Мы сможем вернуть вам ребенка, миссис Джуд.

* * *

Беспорядочно мелькают пятна света. Лежу с закрытыми глазами, пока меня везут по больничным коридорам. Слышу беспокойные разговоры у информационных стоек, редкие голоса медсестер. Я не знаю, что ждет впереди... и именно сейчас ощущаю одиночество. Будь Ковард рядом, схватил бы меня за руку и пообещал, что все будет хорошо.

Асис, внимательно осмотрев живот, произносит:

— Желательно, чтобы процесс прошел естественно. Но если шейка матки не раскроется, придется резать. Не переживайте, мы знаем, что делаем.

— Хотела бы я сказать то же самое...

* * *

— Ты согласилась? — гневно кричит Ковард. Стул с яростным грохотом ударяется о стену.

— Согласилась, — безразлично подтверждаю я.

— Даже не спросив моего мнения?

— А ты против? — искренне удивляюсь.

Ковард отходит к дальней стене и обхватывает голову руками.

— Конечно, против! И не понимаю, как ты согласилась дать им издеваться над останками нашего ребенка...

— Останками, которые, позволь напомнить, все еще внутри меня.

Я постоянно тереблю в руках злосчастную визитку.

— Джуд, я понимаю, что ты чувствуешь, но ведь этим не вернешь нашего малыша. Он погиб, нужно жить дальше.

— Тебе нужно, ты и живи! А мне нужен мой сын. Здоровый и живой. И если есть хоть один шанс, что это сработает, я им воспользуюсь.

— Ты уверена, что это все еще будет твой сын? — спрашивает Ковард, выходя из палаты.

— Мой, — шепчу я в ответ. — Теперь только мой.

Хлопок дверью заставляет вздрогнуть как от пощечины

* * *

— Тужься, Джуд! Тужься! — беспокойно кричит доктор Асис.

Выходит плохо. Ниже пояса я ничего не чувствую.

Акушер смахивает пот со лба доктора.

— Черт, он словно не хочет рождаться, — доктор поворачивается к медсестрам. — Готовьтесь к операции.

Этого следовало ожидать. Я никогда не ищу легких путей.

* * *

Ковард больше не появлялся. Мне кажется, я видела его силуэт в коридоре, когда меня перевозили в другую палату. Возможно, он приходил узнать, не передумала ли я. Ну что же, узнал — не передумала.

Новая палата намного просторней предыдущей. Кровать облеплена датчиками и приборами, о действиях которых мне остается лишь догадываться. Телевизор, кондиционер — все для комфорта будущей мамы.

Входит молодой врач.

— С сегодняшнего дня доктор Асис будет лично наблюдать вас, — сообщает Сейтон.

Доктор Асис коротко кивает. Больничный халат не рассчитан на высокую и худую фигуру. Короткие волосы топорщится точно иголки. Внимательный взгляд прикован ко мне. Какое-то время мы смотрим друг другу в глаза, словно играем в гляделки. Не выдержав, моргаю и отворачиваюсь.

— Когда мы начнем? — спрашиваю я.

— Как только вы подпишете соглашение.

Сейтон передает скрин со строчками мелкого текста на экране.

— Не чинить препятствий в снятии показаний и исследований объекта? — зачитываю вслух я.

— Все верно. Естественно, мы не собираемся забирать у вас малыша. Лишь будем проводить тесты, чтобы понять уровень развития искусственного интеллекта.

Листаю документ дальше.

— Какой-то глупый пункт, — удивляюсь я. — Мать обязуется заботиться об объекте, следить за его безопасностью и удовлетворять естественные потребности. Вы что, в договорном порядке хотите заставить меня заботиться о собственном сыне? Это абсурд!

— Лучше соблюсти данную формальность для нашего спокойствия. Ваш сын будет очень ценным экземпляром.

Пролистав несколько строк, возмущенно протягиваю скрин обратно.

— Вы издеваетесь? Заказчику запрещено наносить физический вред объекту или допускать, чтобы его бездействием объекту был нанесен вред. Да я никогда в жизни не причиню вред своему сыну!

Сейтон примирительно поднимает руки.

— Мисс Джуд, поймите правильно. После процедуры ваш ребенок уже не будет считаться человеком. Это беспрецедентный случай, и закон не дает однозначного ответа. Если ребенок будет признан роботом, то вы, как его владелец, можете сделать все, что захотите, не опасаясь последствий. Этими пунктами мы лишь сохраняем жизнь вашего сына.

— И вы хотите сказать, что я должна это подписать?

Сейтон кивает.

— Боюсь, что в противном случае сделка не состоится.

Я выхватываю скрин и размашисто ставлю подпись.

— Черт с вами, бюрократами. Давайте уже приступать.

Сейтон кивает доктору Асису.

— Будет немного больно, миссис Джуд, — впервые подает голос Асис.

— Мисс, — грустно поправляю я.

Немного больно!

Именно после этих слов я перестала доверять людям.

Доктор Асис запрещает вводить обезболивающие, боясь навредить ребенку. Если останусь жива, возьму лучшие туфли, стуча каблучками приду в больницу, найду этого доктора и со всей накопленной яростью влуплю гаду по яйцам. Тогда он сможет лишь отдаленно почувствовать то, что чувствую сейчас я.

Болевой спазм сковывает грудную клетку. Не могу облегчить свою участь криком, лишь кашляя, выплевываю кровь и жадно втягиваю носом воздух. Огромная игла, пронзившая живот, встречает сопротивление,

— Мы нащупали головку ребенка, — докладывает Асис, не отрываясь от монитора.

Сейтон неподвижно стоит рядом.

Резкий толчок, и на меня обрушивается новая порция боли. Малыш с пронзенной головой не двигается, а я словно терплю за нас двоих.

— Вводите импланты! — командует Асис, и я чувствую, как усиливается давление.

Через несколько секунд боль стихает.

«Это как собрать корабль внутри бутылки» — объяснял доктор перед операцией. — «Мы вводим микро-импланты, и они собираются в голове ребенка в мозговую коробку».

Асис торопливо вводит какие-то команды на экране, затем откидывается на спинку кресла и выдыхает.

— Посторонние данные стерты из памяти. Мозговая коробка успешно собрана.

— Доктор, я ничего не чувствую, — удивленно произношу я.

Асис поспешно ощупывает живот, слегка стучит пальцами.

— Как странно, — наконец, изрекает он. — Рефлексы в норме, нет признаков онемения. Последствия шока?

Вернувшись к мониторам, застывает в изумлении.

— Это он... он заблокировал чувствительность нервных окончаний.

Устало ложусь на подушку, левой рукой придерживая живот. В этот момент я отчетливо чувствую, как у малыша начинает биться сердце.

В палату входит робот-акушер. Поставив поднос с завтраком на прикроватный столик, фиксирует показания приборов. В тарелке однородная масса каши, рядом румяный тост, яблоко, порезанное на дольки, и кружка с какао.

— Все хорошо? — интересуюсь я.

— Да, мисс Джуд. — добродушно отзывается акушерка. — Показания стабильны. Жизненные процессы малыша возвращаются в норму.

Собрав грязные полотенца, которыми промакивали кровь и пот, продолжает:

— Доктор Асис просил передать, что зайдет только вечером. Но если вам что-то понадобится, я в вашем полном распоряжении.

— Как тебя зовут?

— Мэри.

— Мэри — женское имя.

— Все верно. Психологи посчитали, что роженицам будет комфортнее общаться именно с женщинами.

— Но роботы ведь бесполое?

— Вы снова правы. По конструкции я такая же, как и остальные. Различия лишь в настройках тембра голоса и одежде.

Удовлетворенно киваю.

— Мэри, а тебе доверяют детей? — не знаю, почему задаю этот вопрос. Возможно, нужно с кем-то поговорить, а робот удачно оказался рядом.

— Конечно, мисс, это одна из моих основных обязанностей. Присмотр за грудничками, соблюдение графика вскармливания.

— И какие они? Эти малыши?

Робот медлит с ответом.

— Мне сложно передать это словами, мисс Джуд, — Мэри делает паузу, словно по-человечески переводит дух. — Эти розовые малютки с пухлыми щечками так трогательно тянутся ручонками к матери. Наверно, ради таких моментов и стоит функционировать. Теплее этого чувства не может быть ничего другого. Я рада, что и вы приобрели этот смысл жизни... Что такое, мисс Джуд, вы плачете?

Прикрываю ладонью глаза.

— Кажется, скоро я приобрету смысл с ней расстаться.

— О чем вы говорите? — озабочено переспрашивает Мэри.

— Ни о чем! — огрызаюсь я, смахивая слезы. — Ты много болтаешь, Мэри. Не слишком ли эмоционально для робота?

Мэри отстраняется и вытягивается как по команде смирно.

— Это не эмоции, мисс Джуд. Это всего лишь набор готовых фраз, озвученных с определенной интонацией. Процессор сам подбирает нужные моменты, когда вставить ту или иную реплику в зависимости от ситуации.

— Набор фраз, говоришь? Что же, посмотрим, как тебя запрограммировали ответить на этот вопрос. Мэри, ты бы хотела иметь детей?

— Это невозможно, мисс. Роботы не способны зачать ребенка.

— А если теоретически? Ответь мне как женщина?

Мэри надолго замолкает, видимо, подбирает наиболее подходящую фразу.

— Я не знаю, мисс Джуд.

— Так я и думала... обычная жестянка, неспособная на импровизацию.

— Не знаю, как передать мое желание. Как рассказать, каково это, когда держишь на руках чудо, в котором чувствуешь частичку себя...

Я замороженно молчу, переваривая последние слова. Во мне медленно поднимается волна ярости. Непонятной, несправедливой.

Первой в Мэри летит тарелка с кашей. Керамика разлетается на куски, а вязкая масса растекается по корпусу робота. Следом летит кружка с остывшим какао. Яблочные дольки и тост я все же оставила.

— Пошла вон! — кричу я и замахиваюсь подносом. Мэри, подобрав осколки, поспешно выходит из палаты.

До конца дня меня не беспокоят. Я успела порядком проголодаться, но обед так никто и не принес. Очень кстати пригодился припасенный с завтрака тост и яблочные дольки. Вечером, как и обещал, появился Асис.

— Как у вас дела? — бодро интересуется доктор, изучая меня пронзительным взглядом. Иногда мне кажется, что он вообще не моргает.

— Умираю с голода! В этой больнице не принято кормить?

— В каком смысле? — опешив, уточняет Асис.

— С завтрака у меня не было во рту ни крошки. Прошло 12 часов, а я так и не получила ни обеда, ни ужина.

Асис достает из глубокого кармана халата скрин.

— Робот-доставщик отчитался, что доставил вам и завтрак, и обед, и ужин, — сообщает Асис, изучив экран.

— Не знаю, кто перед вами отчитался, но я чертовски голодна. Кроме робота-акушерки ко мне никто не заходил.

Асис сдвигает очки на кончик носа.

— Робота кого? Мисс Джуд, вы ничего не путаете? У нас нет подобных моделей в штате.

Увидев недоумение на лице доктора, уточняю.

— Мэри, робот-акушер. Она приносила завтрак.

Асис нажимает что-то на экране скрина, затем громко произносит.

— Мария, зайдите, пожалуйста, в частную палату.

Дверь открывается и на пороге появляется полная женщина в белоснежном переднике. Седые волосы аккуратно собраны в хвост и уложены под медицинский колпак.

— Мэри, — обращается к ней доктор Асис, — ты заходила сегодня в палату к мисс Джуд?

— Нет, доктор, — отвечает женщина. — Мисс ни разу не воспользовалась кнопкой вызова, потому я не осмелилась беспокоить.

— Неправда! Я нажимала кнопку раз двадцать, но никто не приходил.

— Спасибо. Можешь возвращаться на пост.

Женщина ушла, прикрыв дверь.

— Кто это был? — решаюсь спросить я.

— Наша акушерка, Мэри, — отвечает Асис.

— Это какая-то шутка?

Доктор проходит к широкому окну.

— Мисс Джуд... Можно просто Джуд?

Киваю.

— Я понимаю ваше состояние, но нет нужды так себя вести. Я проверил отчет, с вашей палаты никаких вызовов не поступало.

— Вы хотите сказать, что я вру?

— Я хочу сказать, что нет нужды привлекать к себе внимание. Оно и так всецело ваше.

— Да идите вы! Если не верите, посмотрите запись с камер. Я надеюсь, они здесь установлены? А сейчас принесите что-нибудь поесть! Я умираю с голода!

* * *

Когда скальпель касается кожи, я по-прежнему ничего не чувствую. Что же, спасибо, хотя бы в этом он помог.

— Скоро все кончится, — сквозь маску шепчет Асис.

Мне остается только верить на слово.

* * *

— Вы проголодались, мисс Джуд? — раздается голос у двери.

От неожиданности вздрагиваю, после ухода доктора успела задремать.

В дверях стоит Мэри, робот-Мэри, с широким подносом в руках.

— Кто ты такая? — спрашиваю я.

Стараюсь одной рукой нащупать кнопку вызова, а второй инстинктивно прикрываю живот.

— Можете смело нажимать, мисс Джуд. Но мне казалось, что вы вдоволь наигрались с ней днем. Бесплезная штука.

— Что ты хочешь? — спрашиваю я.

— То же, что и вы... поговорить.

Мэри аккуратно ставит поднос на столик и подходит к кровати.

— Я ответила на все ваши вопросы, мисс Джуд. Теперь мой черед.

— Ты больная жестянка... Ты знаешь, что с тобой сделают?

— Это не ваша забота. Лучше расскажите, мисс Джуд, ответьте, как женщина. Вы бы хотели?

— Что я хотела?

— Хотели бы вы иметь ребенка, подобного роботу?

— Мэри, мне кажется, в твоей программе произошел сбой.

— Хотели бы жить под осуждающим взглядом общества? Хотели бы стать матерью выродка?

Мэри подходит все ближе, корпус упирается в кровать. Стальные ножки скрипят по полу. Робот продолжает надвигаться.

— Мэри, что ты делаешь?

Внешняя оболочка накаляется, пахнет жженым металлом. Из щелей на корпусе валит дым.

— Хо— те— лиии бббы, ста— ать ммм— аа— терью ро— ббб— оооо— та? — произносит она, после чего медленно заваливается на постель.

Вскрикиваю и, подавшись назад, падаю на пол. Робот еще шевелится, а я, полусогнувшись, придерживая живот, выбегаю из палаты.

Темные коридоры слабо освещены мерцающим светом. Я лишь могу догадываться, куда бежать, плутая в бесконечных поворотах.

Наконец, слышу веселое щебетание девушки у дежурной стойки.

Добежав, обессиленно наваливаюсь на столешницу.

— Слушаю вас! — отчеканивает медсестра.

— За мной гонятся, помогите... — тяжело выговариваю я.

— Гонятся? По больнице запрещено бегать. Вы наша пациентка?

— А по мне не видно? — удивляюсь я.

— Как вас...

— Мисс Джуд, — перебиваю я. — Позвоните доктору Асису!

— Одну минутку.

Девушка переводит взгляд на монитор скрина. Я устало прикрываю глаза.

— Мисс, доктор Асис скоро приедет. Мисс, вы слышите?

Открыв глаза, не сдерживаю крика. За дежурной стойкой в белоснежном халате и медицинском колпаке сидит робот. Локоны русых волос, выбившись из под колпака, уходят в головную коробку. Белая кожа оказывается лишь серыми листами металла на корпусе.

Сделав несколько шагов назад, упираюсь в стену.

— Мисс, что-то не так? — стальные челюсти звонко щелкают.

Холодные стеклянные глаза направлены на меня.

Перевожу взгляд на вздувшийся живот.

— Это все ты, да? Это ты надо мной издеваешься? Ты?

Ладонь сама сжимается в кулак. Вдох и удар. Живот отзывается лишь отголосками боли. Чертов выродок блокирует нервные окончания. Еще один удар. Боль становится четче.

— Не нравится, да?

Не останавливаясь, продолжаю бить.

— Сдохни, тварь! — кричу я, и каждый следующий удар вызывает новую порцию боли.

Уже сползая на пол, продолжаю колотить по животу, пока не теряю сознание.

— Джуд, мне кажется, вы пытались нарушить наш договор, — вкрадчиво произносит Сейтон, удва открываю глаза.

— Засуньте его в задницу, — злобно бросаю я.

— Это будет проблематично. Вы подписали договор, а значит, на вас определенные обязательства.

— Я что, обязана рожать?

Мягкая улыбка трогает губы Сейтона.

— Именно. И единственная причина, по которой мы не привязали вас ремнями к кушетке, мой мирный настрой. Если вы обещаете вести себя разумно, мы и в дальнейшем избежим подобных мер.

— Сейтон, я так устала от всего этого. Правда, устала.

— Но ведь вы не ищете простых путей?

У этого ублюдка удивительно хорошо получается меня успокоить.

— Хорошо, я обещаю. Но у меня тоже есть условие.

Брови Сейтона удивленно приподнимаются.

— Никаких роботов. Ни доставщиков, ни акушеров, ни уборщиков. Ни один робот и близко не должен подходить к моей палате. Еду пусть приносит старушка Мэри, роды принимает доктор Асис. Если потребуется, пусть возьмет с собой акушеров, но только людей. Стопроцентных людей из плоти и крови.

Сейтон несколько минут обдумывает предложение.

— Я думаю, это мы сможем устроить.

— Будьте любезны.

* * *

Картинка резко обрывается.

Я лежу в операционной. Тело плотно прижато к кушетке широкими кожаными ремнями. Яркий свет ламп обдаёт лицо жаром.

Скальпель дрожит в руке Асиса, разрез получается кривым. Акушер подходит к доктору и шепчет на ухо.

— Она очнулась.

Непонимающим взглядом смотрю на доктора. Смуглая кожа плавится подобно воску и стекает, обнажая тусклую сталь. Волосы опадают с черепа и растворяются в воздухе. Халат тлеет с немыслимой скоростью, серый пепел рассеивается, проявляя проржавевый корпус. И только немигающий внимательный взгляд остается прежним.

Пытаюсь закричать, но горло сдавливает плотный ремень.

Картинка прежнего мира разъедается словно кислотой, открывая удручающую реальность. Яркая операционная превращается в тесную комнату, освещенную тусклым светом. Переведя взгляд на акушеров, натыкаюсь на стеклянные линзы окуляров, глубоко посаженных в угловатые жестяные коробки.

Внутри поднимается волна боли и паники. Что происходит?

— Как такое возможно? — обращается акушер к Асису. — Ее мозг отключил имитацию?

Асис наклоняется, пропадая из поля зрения.

— Ее мозг не при чем. Это все он. Помогите мне.

Крючковые манипуляторы растягивают кожу, и доктор погружает руки в разрез.

Резко выгибаюсь, в грудь впиваются широкие полосы ремней, сдавливают болезненный крик в легких.

— Он развивается гораздо быстрее чем мы ожидали, — объясняет Асис, продолжая операцию. — Он смог обойти нашу защиту, используя мать как проводник.

— Это возможно? — удивляется один из акушеров, придерживающих меня за плечи.

— Мы все еще слишком мало знаем о Хозяевах, чтобы в чем-то быть уверенными. — рассуждает Асис, еще глубже погружая манипуляторы. — Несколько месяцев назад никто не подумал бы, что нам посчастливится найти чудом уцелевшую особь.

Резко выдохнув, сжимаю зубы и терплю боль.

— Прекратите! — я срываюсь на крик. — Прошу, прекратите...

Доктор не останавливается.

— Асис, как нам реагировать? Может быть, остановить операцию?

— Нет, мы потратили слишком много времени и ресурсов. Чтобы только найти половые клетки мужской особи, понадобилось перерыть руины нескольких городов. Провал недопустим.

— Предлагаю ее игнорировать. Как только мы обрежем пуповину, он не сможет защищать ее мозг и имитация будет восстановлена.

Я снова дергаюсь в попытках освободиться, но тело не слушается. Не в силах пошевелить даже головой, устало смотрю, как ржавый робот копается в моих внутренностях.

Вырывается отчаянный крик — крик, в котором нет ничего человеческого, лишь чистый поток боли.

— Хватит! Да кто вы такие...

— Я вижу его, — доносится голос Асиса. — Извлекаю.

Доктор разгибается со сморщенным кровавым комком в руках.

Тяжело дышу, переживая боль. Вижу, как нечто начинает шевелиться, вытягивает то руки, то ноги.

— Это мой сын? — тихо всхлипываю я. На глаза наворачиваются слезы или от боли, или от жалости. — Дайте его мне. Прошу, дайте подержать...

Асис смотрит на мое распростертое тело.

— Судя по воспоминаниям, мисс Джуд в своем прошлом действительно потеряла ребенка, — подсказывает Мэри. — В то время было принято давать новорожденных детей на руки матери.

— Но у вас лишь одна рука, мисс Джуд — впервые обращается ко мне Асис. — В результате длительной криогенной заморозки большая часть тела пришла в негодность. Нам пришлось ампутировать испорченные конечности.

Я начинаю задыхаться. Паника бьет по нервам, охватывает дрожь. Пытаюсь извиваться, но не чувствую тела. Каждый рывок словно уходит в пустоту.

— Дайте мне ребенка! Дайте мне ребенка, дайте мне ребенка, дайте мне ребенка!!! — молю я, понимая, осознавая бессилие.

Асис подходит ближе. На руках вяло шевелится существо. Глазки еще закрыты, ножки плотно прижаты к телу, у живота пульсирует пуповина, а крохотные ручки тянутся в мою сторону.

Робот, стоящий рядом, услужливо ослабляет ремень, и я уцелевшей рукой касаюсь нежной кожи.

— Мой сын, — шепчу я, поглаживая голые ножки.

Вместе с прикосновением к незащитному телу малыша сомнения, ярость, боль — все проходит. Остается странное спокойствие. Если верить их словам,

в далеком прошлом я так и не смогла родить. Не знаю, что происходит сейчас и какую цену пришлось заплатить, но мне выпал второй шанс.

— Мы с тобой никогда не ищем легких путей, да, сынок?

Остальные ремни тоже ослабили, и теперь я могу поднять голову. Вскрик застревает в горле, столкнувшись с ужасом, отвращением и жалостью. Меня разобрали словно конструктор — помимо правой руки ампутированы обе ноги, половина грудной клетки заменена на неизвестную конструкцию. Низ живота растерзан после операции.

Глубоко дыша, опускаю голову на подушку. Перевожу взгляд на ребенка и пытаюсь успокоиться.

Из последних сил вновь касаюсь нежного тельца. Крохотные ладошки прижимают руку к себе.

— Спасибо тебе. Спасибо, что простил сомнения.

Ребенок прижимает руку крепче.

— А в итоге выродком оказалась я, — уголки губ расплываются в улыбке. — Все это уже неважно. Главное, я смогла... успела. Наверное, вам, роботам, никогда не понять, каково это.

— Так же, как и вам, не понять, каково быть зажатым в рамках программы, — Асис переводит взгляд на малыша. — Но у этого ребенка может получиться.

Устало опускаю руку, но не свожу взгляда. Я знаю, что это последний раз, когда вижу своего сына.

Доктор перерезает пуповину, блокировка прекращается, и мозг снова погружается в имитацию.

Мир обретает краски. Операционная заливается солнечным светом.

Доктору Асису промакивают потный лоб. Благодарно кивнув санитару, он аккуратно подносит ко мне маленькое чудо.

Кто-то начинает аплодировать, слышится смех, поздравления. Но я не обращаю внимания. Сознание заполняет крошечный малыш. Крепко обхватываю голое тельце двумя руками и прижимаю к груди.

Я стала мамой. Впереди целая жизнь, наполненная счастьем и детским смехом.

Где-то глубоко в сознании затухают следы тревоги. Едва уловимого материнского чувства, что совсем недавно ощущало настоящее тепло, а теперь лишь его отголоски.

Об авторе

Родился в Набережных Челнах, отучился 4 года по специальности «Оператор вычислительной техники». Сейчас живет в Казани, работает маркетологом. Творчеством занимается с 2003 года. Трижды победитель независимого литературного конкурса «Лаврушка». Четырежды победитель литературного конкурса для начинающих авторов «Бумажный слон». Среди прочих жанров, отдаёт предпочтение фантастике и приключениям. Любит экспериментировать над эмоциями и сочинять оригинальные вещи, стараясь вложить в свои работы интересные идеи, которые не оставят читателя равнодушными.

Валерий Бохов

Рыбалка

Сначала из воды показался лишь ободок оранжевого солнца. Потом светило стало пухнуть и карабкаться вверх по небосклону. Оно распускало в воде зазмеившиеся ослепительно — белые хвосты и нити, постоянно сжимавшиеся и удлинявшиеся. Так море забавлялось с отражением солнца.

Вблизи берега, на мелководе, сонные лодки застыли, любуюсь своими зеркальными повторами в воде.

Просыпались чайки; истошными криками, казалось, они звали новый день.

По звонким пружинящим доскам причала прошёл Фёдор с мотором на плече. Он аккуратно снял «Ямаху» и бережно опустил на доски. Спрыгнул в катер.

— Фёдор! Сейчас помогу, — к нему подошёл сосед, пригнулся и потянулся к мотору.

— Знаешь, Иваныч, попридержи карбас, а я мотор поставлю.

Иваныч, ухватившись за рым и ветровое стекло, держал лодку, чтобы она поменьше раскачивалась. А тем временем Фёдор установил на транце мотор.

— Вот вчера привёз! — хозяин мотора не мог скрыть своего счастья.

— Так ты впервые, что ли, на японце идёшь, Федя? Наконец-то! Поздравляю!

— Да, в первый раз. Решил, хватит по полчаса дёргать шнур стартёра. Износился мой «Вихрь». Теперь всё проще будет. А давай, Иваныч, со мною на рыбалку, а? Заодно и оценим, как работает «Ямаха».

— Согласен! Я сам тоже собирался пойти. Снасти и наживку вот только возьму.

Сосед сноровисто подбежал к своему лодочному сараю, снял с вешалки бушлат, надел его, взял таз для рыбы и положил в него пару самодуров. Прикрыл дверцу сарая. Банку с червями он держал под досками крылечка. Взял её, выбросив уже не нужные теперь водоросли. Поскрипывая сапогами, подошёл к катеру Фёдора.

— Прибыл, — выдохнул он.

— Слышу. Залезай! Садись на вёсла! — Фёдор поймал себя на том, что приказным тоном отдавал короткие команды.

Иваныч сбросил на воду дюралевые весла, сделал несколько энергичных гребков так, чтобы выйти за каменистые гряды литорали. Развернул лодку носом на дальний маяк.

— Ну, давай, Федя!

Фёдор сосредоточенно смотрел на мотор, мысленно повторяя порядок действий.

— Смотри, Иваныч! Я буду заводить японца и говорить, что делаю. — Счастливый обладатель «Ямахи» накинуд красную спираль цепочки на ручку румпеля. — Вот замкнул цепь на корпус. Теперь рычажком открываю поступление бензина. Откручиваю винт бензобака для доступа воздуха. — Каждую свою фразу Федя сопровождал действием. — Ставлю дроссельную заслонку на минимальную скорость. Видишь нарисована черепаха? А наибольшая скорость тут — заяц. Спутать невозможно! И теперь стартую! — И он нажал на кнопку старта.

Мотор тихо, но уверенно заурчал. Катерок послушно пошёл вперёд, вспарывая гладкую поверхность моря.

Треска брала хорошо. Фёдор и Иваныч методично таскали рыбу. Они насаживали половину или четверть, в зависимости от размеров, морского червя на крючок, распускали в воде леску самодура метров на пять — семь, ровно до тех пор, пока грузило не коснётся дна. Чуть-чуть приподнимали грузило и, ударяя им время от времени по дну, дразнили рыбу. Почти сразу же треска хищно набрасывалась на добычу, рыбу подсекали и вытаскивали. Затем она, оставляя мокрые следы, не раз подпрыгивала и шлёпалась, пыталась спастись, заматывалась в леску, билась и трепетала на пайолах, а потом и в тазу. Затихала. Постепенно треска ровными аккуратными тушками заполнила собой весь таз.

— Ну, что, Федя, неплохо дело идёт? Жаль, червь кончается, — с сожалением вздохнул Иваныч.

— Да, пора уже удочки сматывать... — только Фёдор это произнёс, как почувствовал мощный рывок. — Кажется, крупняк подошёл. Уж такой крупняк, что... Он не договорил, встал во весь рост. Стал с усилием выбирать леску. — Помоги, Иваныч! Не вытяну! — Сдавленный голос выдавал напряжение.

Иваныч стал подводить сачок к тому месту, где леска косо уходила в воду. По натянутой леске на равных расстояниях друг от друга быстро скользили капли воды, похожие на слёзы. В воде темнело, а потом стало серебриться огромное тело рыбыны.

— Похожа на полярную акулу. Такая катерок твой не разобьёт? — поинтересовался Иваныч.

— Может, конечно. Но не хотелось бы.

Фёдор долго с усилием вытягивал леску и вот ему удалось подвести рыбу близко к катеру. На короткое время даже удалось приподнять её страшную голову над водой. Рыбина отчаянно сопротивлялась. Казалось, что это кто-то купается — такие высоченные фонтаны брызг она поднимала ударами своего мощного хвоста по воде. Через какое-то время над бортом катера опять показалась огромная, украшенная чудовищными зубами, пасть и тут уже вдвоём, Федя и Иваныч, ухватили рыбу за жабры и втащили её в лодку. Затем оба рыбака отдуваясь откинулись на банках.

— Это сёмга, — сказал Иваныч, прижимая рыбу сапогом. — Но такую громадину я не встречал! Да и мало кто, наверное, видел.

Ещё долго сёмга не успокаивалась, она беспрестанно прыгала, изгибалась и вздрагивала. Катер сотрясало от этих прыжков и трепетных конвульсий.

На берегу Иваныч чистил треску, как это он обычно делал после рыбалки. Фёдор же, как счастливцев, выловивший небывалых размеров сёмгу,

на радостях отдал ему свой улов трески, а сам ушёл в дом, где можно было аккуратно разделить добычу. Ушёл, но вскоре появился.

— Смотри, что было внутри этого монстра, — ещё издали закричал Иванычу Федя.

В руках у него было промышленное изделие, похожее внешне на мини-торпеду.

— Двадцать сантиметров в длину, сделано из какого-то прочного полимера; а нос — из толстого непрозрачного оргстекла. Как будто акваробот. У нас на биостанции нечто подобное было. Может, помнишь?

— Точно! Тогда в нём и микрокамера, может быть, микросхема памяти, контроллеры. У ихтиологов была такая штуковина. Сейчас, Федя, отнесу рыбу, посолю, и посмотрим. Знаешь, я к тебе приду с сыном, ладно?

— Да, да, давай! Серёга твой — ихтиолог! Причём толковый ихтиолог, головастый!

В доме у Федора Сергей сказал, что ему знакомы эти роботы.

— В нашей лаборатории они выпущены. Наш продукт. Их два десятка было запущено в акваторию Белого. Предназначены они для наблюдения за крупными рыбами и морскими животными — полярными акулами, белухами, китами, тюленями... Запрограммированы они так: спящий режим; реакция на появление крупного тела; преследование его, если надо; наблюдение на безопасном расстоянии за поведением объекта. Но выявилось в программах роботов много ошибок. Подводные приборы разбредлись; перестали выполнять основные функции и, главное, — на вызовы сервера не реагировали. Поэтому их забраковали и сактировали. Сейчас уже новое поколение аквароботов вот-вот выходит. Фактически найденный вами аппарат не существует, — закончил свою речь сын Иваныча. По бумагам его точно нет, не фигурирует.

— Значит, никому этот робот не интересен? — спросил Федор.

— Ну, отчего же... У него тут должна быть USB — флешка с записями наблюдений. Можем взглянуть, вдруг что интересное будет. Так, — задумчиво сказал Сергей, — сферический глазок камеры на месте. Антенна вот исчезла. Как слизнули. — Сергей ловко разъял капсулу робота. — Датчик массы и объёма на месте.

— Сергей! А что это за датчик? Для чего он? — поинтересовался Фёдор.

— Он служит для визуального отбора, для своеобразной сортировки объектов наблюдения. Чтобы не за мальками гоняться, а наблюдать только весомые объекты. Нам нужны большие тела. Так. Что тут дальше? Смотрим. Индикатор блока обработки сигналов и сейчас работает. Вон зелёный огонёк, видите? Живучий! Думаю, что-то из картинок можем и увидеть. До того, как рыба его заглотила. — Сергей зацепил ногтем USB — флешку. — Ваш компьютер фурычит? — Обратился он к Фёдору.

— Работает мой ноутбук. Давай-ка сюда этот гаджет.

На экране появилась картинка: заросли ламинарии, образующие водорослевый лес. Мимо камеры медленно проплывают студенистые юбки медуз. Морская звезда потянулась было к камере, но после ушла в бок. Юркие наважки оживляют общую беззвучную картину. Вода очень мутная, в ней плавает множество взвесей.

Вдруг камера задрожала, потом её тряхнуло, передавая удар и внезапное погружение в воду огромного тела. Что-то грузное, но неразличимое, окружённое пузырями воздуха, опустилась рядом, а затем стремительно стало удаляться, уменьшаясь в размерах. Несущая камеру торпеда также на огромной скорости, раздвигая плети бурых морских водорослей, понеслась вслед за удалявшимся объектом. Мимо мелкими блёсками проскальзывали встречные рыбёшки.

Но вот погоня прекратилась. И догоняемый, и догоняющий застыли, наконец.

— Ребята! Ну и скорость была! Быстрее подлодки, я думаю, в несколько раз. Робот удивил меня — прыткий! — Иваныч на секунду оторвался от экрана.

Объект наблюдения, опустившийся на илистое дно, окутали тучи частичек тины, водорослей и грязи. Всё ещё невозможно было разглядеть, что это.

Прошло время. Окутавшая объект пелена постепенно осела и ясно стало проступать сооружение, стоящее на шести выдвижных ногах. По бокам сооружения шёл ряд иллюминаторов. Изнутри аппарат вдруг засветился нестерпимо ярким неоновым светом.

Сооружение по форме походило на огромного паука. И вот «паук» пошёл вбок, прошёл метров пять-шесть и остановился.

— НЛО! — завопил вдруг Сергей. Они, я знаю, последнее время часто появляются в наших краях. А этот — подводный!

В одном из иллюминаторов кружок неоновых света вдруг расширился, раздвинув лепестки диафрагмы. В образовавшемся проёме поднялась прозрачная шторка, скатилась лесенка и по ней стали спускаться какие-то существа.

— Ребята! Смотрите, роботы! Нет, ошибся — гуманоиды! Ну-ка, сосчитаем, — сказал Иваныч, — ... восемь, девять. Девять вышло! Их можно рассмотреть! Смотрите!

Фигуры вышедших из НЛО существ ничем не отличались от землян. Одеты они были в лёгкие комбинезоны, похожие на фольгу, а на голове каждого — огромные скафандры.

Цепочкой они пошли к ранее скрытому за плавающей мутью бледному силуэту затонувшего корабля. Корабль, обросший ракушками и водорослями, лежал на боку. Скопище морских звёзд облепило видимый его борт и палубу. Инопланетяне по одному поднялись по искорёженному трапу на борт и затем скрылись в палубном люке.

— Может они палеонтологи? Изучают ископаемые остатки нашего былого? — обратился Иваныч, поочерёдно глядя на Фёдора и Сергея.

— А я полагаю, что тут их база. — Сказал Фёдор. — Они тут отдыхают. Земля для них кратковременная остановка. Почему бы им не бороздить космос с комфортом? С промежуточными базами отдыха? А?

Федя и Иваныч оторвались от картинок, транслируемых роботом. Они лобовались сёмгой, лежащей на столе.

— Федя! Разделай! Не тяни!

— Конечно! Наспех я её уже посолил. Вот досмотрим кино...

Сергей же продолжал внимательно смотреть на экран.

— Смотрите, — воскликнул он. — Из НЛО сверху выдвинулся шланг. — Они заправляются морской водой. Зачем? Огресняют они её что ли?

— А может, морская вода для них источник энергии? — заметил Иваныч.

— Я тоже так думаю. Водород и кислород в ней есть. Эта смесь для них — топливо, — поддержал соседа Фёдор. — Попутно могут соль, йод добывать. Ну, это я так... фантазирую.

Сергей не мог сдержать удивления и радости, распивавших его:

— Живуч всё же подводный робот. Этот оказался внутри рыбыны. Некоторые могли оказаться в таком же положении или схожем. Рановато, получается, списали их?

Тем временем картинка на экране менялась. Водозаборный шланг втянулся во внутрь корабля. Из НЛО по лесенке сошли ещё два гуманоида. Один из них держал в руках гонг. Несколько раз он ударил в инструмент. И тотчас из чрева затонувшего корабля потянулись инопланетяне. При подходе их к НЛО можно было различить, что в руках у каждого была ноша — прозрачные мешки, набитые монетами, сверкающими слитками и драгоценностями...

— Ого! Целый клад! — вырвалось у Фёдора. — Поразительно! И шли они прямо к нему! Целенаправленно! Без разведки! Значит, всё уже знали!

На экране было видно, как НЛО взмыл вверх и вскоре можно было различить лишь маленькую сверкающую точку, за которой тянулся конденсационный след. Но вскоре и он исчез.

— Ребята! Да они же воры! — осенило Иваныча. — Прознав с помощью чутких навигационных приборов о сокровищах на затонувших наших кораблях, они поняли, что легче и экономичней добывать золото вот так, как мы видели, а не связываться с раскопками, промывками, разработками... Ну и инопланетяне! Ловкачи!

Об авторе

Родился в 1941 году в Москве, где проживает по настоящее время. Окончил Московский инженерно-экономический институт им. С. Орджоникидзе, машиностроительный факультет. Работал в различных НИИ. С 1993 года по 2013 год — в системе ФНС России. Писать для широкого круга читателей начал в 2011 году: рассказы для детей; детективы; фантастика; реалистическая проза; юмористические тексты. С 2013 года публикуется в периодических изданиях, альманахах и сборниках. Публикации в газете Массараки. Мир наизнанку. № 3 за 2013. «Электронный дом»; в «Юный техник» 2015. № 3. «Гуманоид»; в «Наука и жизнь», 2015. № 3. «Операция»; в «Космопорт», 2014. № 7(8), «Байкал-Амазонка-Байкал»; в «Техника — молодежи», № 1—2. 2015, «Се-ля-ви», № 11. 2015, «В студии», № 12. 2015, «На Марс», № 14. 2015, «Союз»; в «Машины и Механизмы», № 3 за 2016, «Инклюзы»; в «ЗНАНИЕ-СИЛА; Фантастика» № 1 (22) за 2016, «Встреча» и № 2 (23) за 2016, «Соседи»; в «Мир животных» № 3 за 2015, «Россыпь»; в «Хороший вкус» октябрь 2015, «Кукла»; в «Русский глобус» № 6 за 2015, «Острова»; в «9 МУЗ» декабрь 2015, «В просторе морском»; в «Белый парус» февраль 2015, «В огороде»; в «АВТОГРАФ» № 1—2 (63—64) 2016, «Испанец. Колодец. Модель»; журналах «Урал» № 5 за 2015, «Вблизи звёзд»; «Дальний Восток» № 2 за 2016, «Заполярье»; «Бельские просторы» № 12 за 2015, «Высота».

Андрей Силенгинский

ВЧЕРА И ПОСЛЕЗАВТРА

повесть

Апокалипсис... А-по-ка-лип-сис.

До чего крепко увязло слово в голове — битый час выкинуть не могу. Как маленькая липкая бумажка, приклеившаяся к пальцам — тряси рукой, не тряси, никак не избавишься.

Апокалипсис.

Самое странное — в душе нет ни боли, ни злости. Пустота. Даже страха, можно сказать, нет. Изредка налетит внезапным порывом леденящий ужас, сожмет костлявой рукой сердце — и тут же отпустит. Все. Снова пустота. Только опять и опять тянет посмотреть на экран, что там наверху. Как будто что-то может измениться...

Апокалипсис.

Дурацкое слово, почему оно прилипло именно ко мне? Я ведь никогда не был особо религиозен... Да чего там, атеистом всегда был. А сейчас? Сейчас, наверное, самое время начинать верить в Бога. В последние дни жизни. Но я еще не успел как следует обдумать этот вопрос. Все-таки, умру я, скорее всего, еще не завтра, разобраться в себе успею.

Апокалипсис.

Наверное, сегодня все газеты вышли бы с таким заголовком. Ну, не все, но многие. Только газет больше нет. Ничего больше нет. Даже людей. Кучка выживших счастливчиков не в счет. Сколько их всего, интересно? Бронич считает, что порядка двух-трех тысяч. Я думаю, он преувеличивает. Не может быть так много фанатиков вроде него, или случайно оказавшихся в подходящем месте, вроде меня. Сотня-другая... от силы.

Впрочем, какая разница? Сколько бы их... нас не было, все мы обречены. Мы тоже покойники ненамного живее тех, что сгорели в адском пламени последней войны.

Фу, какой безобразный штамп!.. Стоило подумать о газетах, мысли пошли — соответствующие. Не надо думать о газетах. Не надо думать о том, чего больше нет и никогда уже не будет. О газетах, кино, футболе... о людях.

Чушь какая! О чем тогда думать? О том, что выжженная земля еще лет двадцать будет таить в себе невидимую, но смертельную опасность для человека? О том, что скоро все случайно выжившие умрут от самого банального голода, даже если найдут укрытие от радиации? Об этом бункере — комфортабельном свинцовом гробе, зарытом в землю? О тусклой лампочке над головой? О Брониче?

Вот о Брониче думать не следовало. Он тут же нарисовался в дверях со своей обычной полуулыбкой на лице, а мне хотелось побыть одному. Интересно, это у него нервный тик, или Бронич действительно находит в сложившейся ситуации нечто забавное?

— Бронич, а ведь ты идиот, — поприветствовал я его.

Он внимательно посмотрел на меня своими совиными глазами. Зрение у Бронича стопроцентное, но впечатление всегда такое, словно он только что снял очки и ничего вокруг не видит.

— Я тоже рад тебя видеть, Джефф! Не приведешь ли полностью цепочку умозаключений, которая привела тебя к столь печальному выводу?

Дьявол, как же меня раздражает его манера говорить! Я выдохнул и с трудом взял себя в руки. Никогда раньше не раздражала, напомнил я себе. А сегодня... сегодня меня будет раздражать все, что угодно. И Бронич в этом совсем не виноват. В конце концов, я пока что жив только благодаря ему.

— Пожалуйста! — я широко улыбнулся. Вернее, оскалился. — Ты построил себе этот склеп, потому что боялся ядерной войны, так?

— Почти, — Бронич тоже улыбнулся. — Мое жилище ты можешь называть склепом, если тебе так больше нравится. Но я не боялся войны. Я знал, что она случится.

— Допустим, — я махнул рукой. Никогда не спорьте с фанатиками... тем более, когда они оказываются правы. — Пойдем дальше. Вчера ты мне убедительно доказал, что, следующие двадцать лет людям на Земле нечего будет кушать, даже если у них есть убежища, как у тебя... у нас с тобой. Я опускаю ненужные подробности...

— Правильно! Ты все излагаешь исключительно точно, — Бронич радостно закивал головой. Кретин какой-то... — Через какое-то время на поверхности можно будет находиться без фатальных последствий. Но вот есть то, что растет на земле, еще пятнадцать-двадцать лет нельзя.

— Так какого же дьявола... — мой голос взвился помимо моего желания и я с усилием чуть приглушил громкость. — Какого такого дьявола ты не запасся продуктами на эти двадцать лет?

— На одного? — тихо и вкрадчиво спросил Бронич?

— Что? — не понял я.

— Я спрашиваю, мне нужно было забивать свой бункер провиантом на два десятка лет исходя из расчета на одного человека? — Он смотрел мне в глаза чуть склонив голову набок. Ну, точно сова!

До меня дошло, куда он клонит. Поэтому я не нашелся, что ответить.

— Итак, я аккуратненько складываю в своем чулане продукты на двадцать лет. А незадолго до часа Икс ко мне по счастливому стечению обстоятельств заходит мой добрый приятель Джефферсон Маклин. Так ведь и случилось на самом деле, правда? Что же дальше? Мы живем с ним вместе, поглощая запасы из чулана. Идиллия! Но мы оба знаем, что их не хватит на двоих! И вот, в одно прекрасное утро, я просыпаюсь в своей постели с перерезанным горлом. Печально, друг мой, очень печально! — Бронич сокрушенно покачал головой.

Любопытно, как бы ему это удалось? Проснуться с перерезанным горлом? Или это проявление его атрофированного чувства юмора? Но, он прав, конечно, прав.

— Да ну... Что ты такое говоришь, — пробормотал я, не глядя, однако, в глаза собеседнику.

— Не надо, Джефф, не надо! — Бронич замахал в воздухе своими короткими толстыми руками. — Не стоит оправдываться, не стоит прятать глаза. Инстинкт выживания — это такой фактор, бороться с которым невероятно сложно. Между прочим, очень может быть, я бы первым решился запустить немного воздуха в твою яремную вену. И в конце концов, я не стал делать запасов совсем по другой причине.

— Вот как? По какой же, позволь узнать?

— У меня есть кое-что получше, нежели тонны консервов! — Бронич выпятил и без того выпирающий живот и пару раз гордо хлопнул глазами.

— Цианистый калий? — спросил я, зевая. В эту ночь мне так и не удалось заснуть.

— Ха! Ты не растратил своего чувства юмора, Джефф, это приятно. Правда, оно приобрело у тебя черный оттенок, но ведь это простительно в свете последних событий, не правда ли? Давай позавтракаем, друг мой, и твои мысли станут гораздо светлее.

— Сомневаюсь, — снова зевнул я. — Но ты собираешься сказать мне, что у тебя есть такого, что заменит нам запасы продуктов?

— Собираюсь, Джефф, непременно собираюсь! — Бронич уже суетился возле холодильника. — Но только после еды. Я великолепно выспался и теперь зверски голоден.

— Бронич... ты — чудовище! — я сглотнул.

— Почему? — он отвлекся от своих манипуляций с яйцами и ветчиной и посмотрел на меня, сложив руки перед собой. — Почему, Джефф? Потому что не заламываю руки в великой скорби о человечестве? Потому что ночью не обливал слезами подушку, а использовал ее по прямому назначению? Потому что могу испытывать голод, нормальный человеческий голод? — Бронич немного помолчал, будто ожидая от меня ответа. — Я прагматик, Джефф, и не скрываю этого. Когда сделать что-либо не в моих силах, я ничего не делаю. Я не могу помочь миллиардам погибших людей. Я не мог им помочь и до катастрофы, хоть и был уверен в ее неизбежности. Что ты от меня хочешь? Зато, — он поднял палец вверх, — я смогу помочь тем, кто выжил.

— Всем? — тупо спросил я.

— Всем!

— У тебя мания величия, Бронич.

— Запомни, Джефф, — Бронич вдруг весело подмигнул, — у великих не может быть мании величия. Просто по определению.

— У тебя яичница подгорает, о великий Бронич, — я вздохнул и оперся локтями о стол.

Все же, не скрою, мне было крайне любопытно, что придумал этот полусумасшедший бывший ученый. Но испытывать я не стал. Если Броничу пришла в голову идея помучить меня, заставляя расспрашивать и выклян-

чивать ответы, я не собираюсь ему подыгрывать. После завтрака, так после завтрака.

Насчет яичницы я сказал только для того, чтобы поддеть Бронича. На самом деле поджарить она и не думала. Вообще, завтрак получился просто-таки шикарный — хозяин бункера обошелся с содержимым своего холодильника с преступной расточительностью. Кроме яичницы с ветчиной на столе появились тосты, мармелад, сливочное масло, огромные стаканы с апельсиновым соком и дымящийся кофейник.

Бронич накинулся на еду с таким остервенением, словно участвовал в соревновании по скорости истребления пищи. Я смотрел на него с удивлением, хотя, признаюсь, сам испытывал голод в большей степени, чем мне казалось.

Но мысли мои, все же, были заняты другим.

— Как ты думаешь, где выжило больше народа?

— Брр! — Бронич на миг замер в неподвижности. — Разве можно за завтраком говорить о таких вещах?

— Я говорю о том, что думаю, — я вновь почувствовал раздражение.

— Будь так любезен, постарайся думать о чем-нибудь другом, хотя бы еще пять минут. За это время я успею покончить со своей порцией.

— Да уж, такими темпами... Но все же, Бронич. Тебе не кажется, что проще ответить и отвязаться от меня?

— Очень может быть, — Бронич издал тягостный вздох и продолжал говорить с набитым ртом. — Очевидно, что Северную Америку, Европу и большую часть Азии проутюжили так, что выжить могли только единицы. С Южной Америкой дела, по всей видимости, обстоят ненамного лучше. В этом отношении наиболее благополучными должны быть Африка и Австралия. Если, конечно, не брать во внимание Антарктиду, которую, вероятней всего, вообще не трогали.

Я кивнул. Пусть я не готовился, подобно Броничу, к войне все последние годы и не тратил кучу времени за сбором и сортировкой соответствующей информации, логика подсказывала мне схожие выводы.

Выходит, частично за то, что я все еще жив, я должен благодарить удачно выбранное место проживания. Хотя, ничего я не выбирал, я здесь родился. А вот Бронич... Я аж поперхнулся куском тоста.

— Бронич, — сказал я, откашлявшись. — Скажи, ты ведь переехал сюда лет пять назад?

— Четыре. Даже чуть меньше.

— Ну, все равно. Значит, ты еще четыре года назад предвидел все это? — я неопределенно махнул рукой вверх, в сторону истерзанной поверхности планеты. — Предвидел и именно поэтому перебрался в Австралию? Так?

— Не совсем, — он покачал круглой головой, густо намазывая хлеб маслом. — Я знал о неизбежности Третьей Мировой намного дольше четырех лет. Просто раньше не имел возможности уехать.

— Здорово... — я сам не понял, какой смысл вкладывал в это слово. — Чего ж ты в Антарктиду не слинял?

— Там холодно, — Бронич ответил с полной серьезностью.

— Холодно, — я пожал плечами. — Можно подумать, в России тепло.

— В России? — Бронич вытаращился на меня с таким изумлением, словно я вдруг превратился в бородатого гнома. — Но я никогда не был в России!

Почти с минуту мы смотрели друг на друга с открытыми ртами. Потом Бронич захохотал.

— Восхитительно, поистине восхитительно! Ведь мы знакомы больше трех лет! Я серб, Джефф, серб. Из Сербии. Знакома тебе такая страна?

Я поспешно кивнул, хотя не был до конца уверен, что представляю себе, о чем идет речь. В Восточной Европе в последнее время черт ногу сломит, столько новых стран... было, — поправил я себя.

Наверное, нужно извиниться.

— Прости, Бронич. Просто я был знаком с одним русским... ну да, точно русским. Так его тоже звали Сви... Свати...

— Святослав, — Бронич прервал мои мучения. И вдруг, ни с того, ни с сего, разразился новым приступом хохота.

— Ты чего?

— Ничего, ничего... И ты меня прости, — Бронич вытирал рукавом наворачнувшиеся слезы. — В Белграде у меня был один студент, из ЮАР. Его звали... его звали... Джефф! Но я ни разу за все время нашего с тобой знакомства не предположил, что ты... — Бронич захлебывался в смехе и едва мог говорить, — что ты — зулус!

По правде говоря, мне этот факт не казался достойным такого бурного выражения эмоций, но из солидарности я улыбнулся.

Наконец, и Броничу надоело смеяться.

— Еще раз прости, Джефф! И... спасибо! Разрядка — это очень хорошо при сложившихся обстоятельствах. Давай теперь закончим завтрак и пойдем в мой кабинет, тебе надо кое на что взглянуть. Джефф! — он неожиданно повысил голос и укоризненно покачал головой. — Прекрати смотреть на этот несчастный кусок ветчины с видом мученика! Растянуть его на двадцать пять лет тебе все равно не удастся. Расправься с ним поскорее, мне не терпится приступить к делу. Кстати, поверь мне, плотный завтрак окажется тебе весьма бесполезным.

Бронич принялся так внимательно наблюдать за моей трапезой, что я проглотил остатки завтрака практически не разжевывая. Невозможно спокойно есть, когда тебе смотрят в рот. Впрочем, моя поспешность в какой-то степени объяснялась еще и желанием поскорей увидеть, что же такое прячет он в своем кабинете.

Я пытался строить догадки, но абсолютно ничего не смог придумать. От этого нетерпение мое еще усилилось, и уже через минуту мы с Броничем вошли в его кабинет.

До этого дня я почти никогда не бывал здесь. Кабинетом Броничу служила комнатуха, обставленная предельно просто и функционально: письменный стол, кресло и книжный шкаф. Шкаф был забит литературой научного содержания. На столе располагались две аккуратные стопки бумаги, три гелиевые ручки, закрытый ноутбук и присоединенная к нему странного вида жестяная коробочка.

Вообще-то, порядок в кабинете можно было бы назвать идеальным, если бы не эта коробка. Она вносила долю того хаоса, который по представлениям большинства людей должен царить в кабинете ученого.

Надо сказать, с этой задачей скромное жестяное изделие, объемом менее половины кубического фута, справлялось блестяще. Саму коробочку было непросто разглядеть из-за путаницы разноцветных проводов, торчащих откуда только возможно металлических стержней, скоб, стеклянных трубок, катушек, реле, конденсаторов и прочих деталей.

Общее впечатление было чудовищным. Каким-то шестым чувством я понял, что Бронич привел меня, чтобы продемонстрировать именно эту коробку. Но я бы и с десятой попытки не смог догадаться, что же, черт побери, это такое.

— Садись, Джефф.

— Куда? — я озадаченно осмотрелся.

— Э-э... Действительно. Ну, садись на кресло, а я пока постою.

Я не стал спорить и устроился в кресле, отодвинув его в угол комнаты, чтобы иметь возможность видеть одновременно и Бронича, и нелепую коробку.

— Вот Джефф, — предчувствие меня не обмануло, Бронич показывал именно на коробку. — Ты можешь лицезреть то, что не только спасет наши с тобой жизни, но и позволит выжить оставшейся части человечества.

— Прекрасно, прекрасно, — я потянулся в кресле. — Если ты теперь скажешь, что это, я буду тебе очень признателен.

— Разумеется, скажу, Джефф, ведь за этим я тебя и привел в свой кабинет. Все очень просто, это — машина времени!

Бронич гордо посмотрел на меня, ожидая реакции. На что он рассчитывал, интересно? На аплодисменты? Ни крики «браво» и слезы радости?

— Машина времени? — переспросил я сухо.

— Да.

— Здорово! Именно такой я ее себе всегда и представлял. Это — коробка из-под печенья?

— Из-под мармелада.

— Конечно! Ну, конечно, из-под мармелада! Я должен был сам догадаться, что коробка из-под печенья для этой цели не подходит.

Похоже, до Бронича дошел мой сарказм.

— Извини, Джефф, — он развел руками. — У меня не было возможности наладить серийное производство машин времени. Впрочем, этой одной нам будет вполне достаточно. Несмотря на ее несколько неказистый вид.

— Да к дьяволу вид! — пока еще я был довольно спокоен. — Знаешь, Бронич, я ведь всегда считал тебя наполовину чокнутым. Я заблуждался.

— Брось, Джефф, — Бронич махнул рукой. — Ты никогда...

— Какой на хрен «наполовину»! — я, наконец, взорвался. Выплеснулось копившееся напряжение. — Ты свихнулся на сто, на двести, на тысячу процентов! Господи, машина времени! — я закрыл лицо руками. — Примерно час назад я сказал тебе, что ты идиот?

— Сказал...

— Так вот, я тебе льстил!

Говорить что-то еще не хотелось. Хотелось уйти отсюда куда-нибудь подальше, туда, где меня не сможет найти Бронич. Увы, исполнение этого желания сопровождалось бы таким количеством полученных миллирентген, что смерть от голода покажется приятной.

А ведь чего я так завелся? Потому что, когда шел за Броничем в его кабинет, надеялся. На что — сам толком не пойму. Анабиозные ванны? Таблетки, заменяющие недельный рацион питания? Поди разбери... Но все же Бронич, несмотря на относительную молодость, когда-то был ученым с мировым именем, если верить ему самому. А если не ему, то десятку книг на разных языках с его фамилией на обложке.

И вот я прихожу сюда и убеждаюсь, что экс-светило науки съехало-таки с катушек окончательно и бесповоротно. Тонкая и хрупкая надежда, за которую я цеплялся из последних сил, выскользнула из дрожащих рук и с оглушительным звоном разбилась о коробку из-под печенья... то есть, да, из-под мармелада.

— Ожидаемая реакция, — раздался вдруг над головой совершенно спокойный голос Бронича. — Вполне естественная, особенно если учесть твое близкое к прострации состояние. Скажи только, Джефф, что явилось первопричиной этой легкой истерики? Твоя уверенность в абсурдности идеи машины времени или же ее не слишком презентабельный внешний вид?

Я только махнул рукой. Пойти поспать, что ли?

— Вероятней всего, эти две позиции сложились одна с другой, — Броничу, похоже, мой ответ не очень-то и требовался. Он продолжал свои рассуждения сам, обращаясь тем не менее ко мне. — То есть, основой, по всей видимости, была именно кажущаяся антинаучность машины времени, а неуклюжее оформление послужило своего рода катализатором.

Наверное, он получал удовольствие от своей болтовни. Мне было скучно.

— Реальность и фантастика... Они так тесно переплелись в последнее время, что обывателю — надеюсь, ты простишь мне, Джефф, это слово, ведь я не вкладываю в него совершенно никакого негативного отношения — так вот, обывателю почти невозможно без посторонней помощи разобраться, где же проходит грань между возможностями науки и банальным вымыслом. Шарлатаны научились ловко маскировать свои детища под научные факты, а наука стала слишком похожа на сказку.

— Бронич! — я откровенно и очень невежливо зевнул. — Ты эту речь репетировал, что ли?

— Ну... — Бронич смутился. — В какой-то степени.

— Кончай треп. Тоскливо.

— Н-да, — он почесал затылок. — Перейду сразу к сути. Принципиальную возможность создания машины времени допускали многие ученые.

— Во главе с Броничем? — я скептически приподнял бровь.

— Хорошо! — Бронич вдруг резко вскинул голову и рубанул ладонью воздух. — Опустим вводную часть. Как ты отнесешься к небольшой демонстрации? В конце концов, я знал, что без этого не обойтись.

— Демонстрируй, — я поудобней уселся в кресле. — Валий!

Поверил ли я в машину времени? Нет. Стало ли мне интересно? Пожалуй... да. Люблю фокусы.

Бронич включил ноутбук, затем пошарил глазами по комнате, взял было со стола авторучку, но тут же передумал и вернул ее на место. Сделал он это небрежно, ручка скатилась на пол. Бронич кинулся было поднимать ее, на полпути передумал, выпрямился и посмотрел на меня.

Он суетился и здорово сейчас смахивал на сумасшедшего ученого из дешевой кинокомедии.

— Ты ведь носишь часы, Джефф?

Я вытянул вперед левую руку, закатав рукав.

— Замечательно... замечательно... Позволь, еще немного ближе, Джефф, — Бронич взял мою руку и подтянул почти вплотную к коробке из-под мармелада. — Что может быть символичнее для демонстрации... — бубнил он себе под нос.

Бронич отделил от коробки какой-то проводок, заканчивающийся загнутой в спираль медной проволокой. Этой проволокой он коснулся моих часов, другой рукой быстро и, по-моему, не глядя, набирая что-то на клавиатуре.

— Снимаю структурный код, — пояснил он мне с серьезным видом. — Он точно идентифицирует любой предмет и является последним вектором пространственно-временного базиса.

— Континуума, — поправил я Бронича.

— Чего? — он удивленно вылупился на меня.

— Во всех книжках пространственно-временной континуум, — я постарался придать себе максимально строгое выражение лица.

— В каких книжках? При чем тут континуум? — редко мне приходилось видеть своего приятеля таким растерянным.

— В фантастических.

— А! — такое впечатление, что Бронич испытал облегчение. — Я же говорил, сказка и быль... Но я фантастику почти не читаю. Разрешишь мне продолжить? — он убрал, наконец, свой шуп от моей руки.

— Пожалуйста, — великодушно позволил я.

— Смотри на свои часы, Джефф, внимательно смотри! — Бронич осклабился. — При желании можешь даже крепко взяться за них второй рукой, это ни в коем случае не буде препятствием.

Браться за часы я не стал, но глядел во все глаза. Очень уж уверенно выглядел Бронич.

Он тем временем отвернулся от меня, прямо-таки демонстративно отодвинувшись подальше. И невероятно кичливым жестом нажал на какую-то кнопку ноутбука.

Часы исчезли.

Растворились в воздухе.

Растаяли.

Без каких-либо звуковых или световых эффектов. Лишь руку обдало слабым ветерком. На запястье быстро исчезал след от браслета.

— Ни хрена себе! — выразил я всю глубину переполнявших меня чувств.

— Вуаля! — Бронич выписал обеими руками какие-то немыслимые кренделя и расплылся в мерзкой довольной гримасе.

— Чего «вуаля»? — я засопел. — Где мои часы, Копперфильд?

— В прошлом, Джефф, в прошлом,— если он улыбнется еще хоть немного шире, уголки губ повстречаются на затылке. — Не волнуйся, вернётся, — Бронич кинул взгляд на монитор, — через двадцать секунд.

Двадцать секунд мы молчали.

Зачем часы без всякого предупреждения возникли на моей руке. Зафиксировать этот момент я не сумел, как ни старался.

— Ни хрена себе... — вроде бы, я это уже недавно говорил. Но что поделать, если именно эта нехитрая фраза вернее всего отражала роящиеся в голове мысли.

Я почесал макушку.

— Это что же, так и стену в магазине можно убрать? — спросил я.

— Да что стену!.. — Бронич вдруг остановился на полуслове и удивленно посмотрел на меня. — Какую стену? Откуда такие мысли, Джефф?

— Бог его знает, — я, если честно, сам удивился. — Наваяло чего-то. Какие теперь стены...

— Действительно, — Бронич сложил губы бантиком и неторопливо повращал глазами. — Вот, Джефф. Исчезновение и появление часов — твоих часов, заметь — ты видел собственными глазами. Теперь перед тобой стоит любопытная, я бы сказал, дилемма. Считать ли доброго старика Бронича адептом черной (или белой, как хочешь) магии либо все же смириться с существованием машины времени. Я со своей стороны искренне рекомендую принять именно второй вариант. Хотя бы потому, что очень скоро ты будешь иметь еще более веские доказательства его истинности.

— Да-а... — пока это было все, что я мог сказать.

Но, как ни странно, Бронич увидел в моем ответе то, что хотел увидеть.

— Молодец, Джефф! Я всегда считал тебя человеком пусть слегка невежественным, но обладающим тем не менее живым и гибким природным умом.

— Постой! — я, наконец, с грехом пополам придал разбегающимся мыслям в своей голове отдаленное подобие порядка. — Но ведь если это... Надо лететь... или... дьявол, как это назвать?! В общем, надо переместиться во вчерашний... или лучше в позавчерашний день и предотвратить!..

М-да, мне казалось, что я все-таки собрался с мыслями... Но Бронич меня понял.

— Невозможно, Джефф, — он печально покачал головой. — Невозможно по трем причинам. Во-первых, есть существенное ограничение на перемещения во времени. Два объекта с идентичным структурным кодом не могут существовать одновременно. Из этого следует, что ни ты, ни я не сумеем попасть не только во вчерашний день, но и вообще в любой момент времени после нашего рождения. Во-вторых, если бы нам это и удалось, что бы мы смогли сделать? Подумай, Джефф, кто стал бы слушать пару сумасшедших, предрекающих завтра конец света? Сколько уже было таких юродивых?.. да и не только юродивых, наверно... И в-третьих, это самое главное. Реальность, Джефф, она неизменна. Выйди в гостиную, посмотри в обзорный экран. Ты увидишь то, что мы сегодня имеем. Это свершилось, Джефф, как ни печально, и никто не в силах что-либо поправить.

— Ты хочешь сказать, что прошлое изменить нельзя? Даже при помощи машины времени? — я недоверчиво посмотрел на собеседника.

— Ни прошлое, ни настоящее. Менять мы в силах лишь наше будущее, но машина времени для этого не нужна. Кстати, путешествие в будущее действительно невозможно в принципе. А настоящее уже существует, оно незыблемо, так как является следствием бесчисленного ряда причин, имевших место в прошлом, то бишь уже свершившихся.

— Но как же так? — я порывисто вскочил с кресла. Забавно, несколько минут назад я не верил в машину времени и называл ее создателя психом. А сейчас спорю с ним по поводу возможностей его детища. — Как же так? Если я отправлюсь в далекое прошлое и хотя бы раздавлю там бабочку..

— Опять фантастика, — Бронич снисходительно улыбнулся. — Послушай себя, Джефф! Ты говоришь о прошлом, а употребляешь глагол будущего времени! «Раздавлю»... Раздавил, Джефф, раздавил! Если ты в прошлом раздавил бабочку, это уже случилось. Будь это позавчера или за миллион лет до нашей эры. Сей факт уже записан на скрижалях истории, если ты позволишь мне высказаться столь витиевато. Отправляйся в прошлое, Джефф, и дави бабочек тысячами или займись чем-нибудь еще в своем вкусе, ты непременно сделаешь именно то, что просто обязан сделать. Такой вот, в некотором роде, детерминизм. Кстати, хотелось бы предостеречь от попыток каким-либо образом повлиять на известные исторические факты. Со стопроцентной гарантией из этой затеи ничего не выйдет, а причина, помешавшая этому, может быть весьма неприятной. До фатальности, — значительно добавил он.

— А что насчет парадоксов времени? — блеснул я эрудицией. Сдаваться не хотелось.

— Парадоксы! — Бронич всплеснул руками. — Любые парадоксы есть всего лишь игра ума. Да, да, именно игра, а ум должен прежде всего работать. При посредстве различных умозаключений можно придумать всевозможные парадоксы. Но стоит только обратиться к верховному судье — Опыту, как от парадокса не останется и следа. «В некоем городе живет цирюльник, который бреет всех мужчин города, кроме тех, кто бреется сам. Вопрос: кто бреет цирюльника?». Замечательный парадокс, да?

Я на минуту задумался. В самом деле забавно!

— Интересно! И что ты на это скажешь?

— Что скажу? Милая шутка и ничего больше! Покажите мне этого парикмахера, познакомьте меня с ним, и я признаю этот парадокс парадоксом века. Но вся соль в том, что такого цирюльника нет и попросту быть не может. Так же обстоят дела и с так называемыми парадоксами времени. На словах — все, что угодно. На практике — никаких парадоксов.

— Ну, допустим, — я устал спорить. Спать все же хотелось дико. — Но как ты собираешься спасти нас, если прошлое изменить невозможно?

— Неужели сам не догадываешься, Джефф? — Бронич улыбнулся и склонил голову набок.

— Сам... — я пожал плечами. — Я бы предположил, что ты переправишь нас на двадцать лет вперед, где мы без опаски сможем жить на поверхности. Но ты сказал, что путешествовать в будущее нельзя, — я пожал плечами еще раз. — Так что мне ничего не приходит в голову.

— Ну же, Джефф! — покровительственно покачал головой Бронич, — Остался всего лишь один маленький шажок мысли. Вспомни о своих часах.

Я не только вспомнил о часах. Я закатал рукав и долго на них смотрел. Я восстановил в памяти картину их исчезновения и появления. Какое это отношение имело к нашей проблеме, я не понимал. О чем и сказал Броничу в несколько раздраженном тоне.

Он посмотрел на меня сочувственно, отчего мое раздражение мягко говоря не ослабло.

— Джефф... Чтобы не потерять остатки уважения к твоим мыслительным способностям, мне придется сделать скидку на бессонную ночь. Мне хочется верить, что в противном случае ты обратил бы внимания на то, что часы на твоей руке появились не сразу же после исчезновения.

— Ну и что из того? — дьявол, с этим раздражением надо что-то делать! Пожалуй, лучшим способом избавиться от него был бы хороший свинг прямо в эту улыбчивую физиономию...

Усилием воли я все же взял себя в руки. Сделать это было не так уж просто, если учесть, что Бронич после продолжительного молчания сокрушенно и в высшей степени оскорбительно покачал головой.

— Что из того... Часы отсутствовали в настоящем одну минуту, потому что ровно эту же самую минуту они провели в прошлом. Я задал такой промежуток времени. А мог задать две минуты, час, день... или двадцать лет.

— Что?! — я даже встал с кресла и теперь смотрел на собеседника сверху вниз. — Ты предлагаешь нам с тобой провести двадцать лет в прошлом?

— Не только нам с тобой, Джефф, но и всем выжившим жителям Земли, — с нарочитой небрежностью бросил Бронич и зыркнул на меня глазом, наблюдая за эффектом, вызванным своими словами. Думаю, я его не разочаровал в этом плане.

— А? Всем? Но как? — я собрался с силами и сделал-таки свою речь несколько более связной. — Каким образом? Будешь странствовать по свету в поисках людей?

— Нет, друг мой, конечно же нет, — если Бронич сейчас лопнет от гордости, я ни капельки не удивлюсь. — Мне удалось — и это открытие само по себе почти столь же масштабно, как изобретение машины времени — найти обобщенный структурный код для всех людей. Живых, разумеется. Пространственные координаты не имеют значения, все перенесутся в прошлое с того места, в котором они в данный момент находятся.

Что тут сказать? Все это не умещается в моей голове. По правде, после того, как я смог разместить там машину времени, места осталось совсем немного. Я решил плыть по течению, предоставить Броничу действовать, а самому не задавать лишних вопросов. Впрочем, без одного я все же не обошелся.

— А в какое время мы отправимся?

— Разумный вопрос, Джефф, над которым я долго думал. Сейчас я вкратце повторно пройду по тем размышлениям, что привели меня к ответу. Итак, — Бронич изловчился и устроился в кресле, так непредусмотрительно мной оставленном. — Если бы нас было только двое, я бы, вернее всего, предпочел какие-либо более или менее цивилизованные време-

на. Начало двадцатого века, например. Мы бы затаились и в течение двадцати лет вести тихую и размеренную жизнь рядовых обывателей. Но увы, остальные выжившие не присутствуют при этом разговоре. Было бы наивно думать, что, неожиданно переместившись в иное время, все они догадуются не привлекать к себе внимания. Нет, шум непременно будет поднят, и шум немалый.

— Ну и что? — не понял я. — Что в этом страшного?

— Джефф! — Бронич воздел очи гору. — Или ты меня совсем не слушал, или твой мозг совершенно потерял способности выполнять свои функции. Страшного в этом то, что такого просто не было в истории человечества! По крайней мере, в последние столетия, когда в мире существовал какой-никакой обмен информацией. А то, что такого не было, может означать только одно — наша попытка провалится. Не хочу даже думать, почему и что при этом случится. Я просто не стану так рисковать.

— Ладно, не буду спорить, тебе видней, — махнул я рукой. — Значит, в цивилизованные века нам нельзя. Но, знаешь, в нецивилизованные мне как-то не хочется...

— Мне тоже! — ответ Бронича был для меня неожиданным. — Я сильно сомневаюсь в способности современного человека выжить в средневековые или древнем мире. Нет, там нам делать нечего решительно!

— Тогда... я не понял, — стоять надоело, и я присел на краешек стола. — В цивилизованные нельзя, в нецивилизованные — тоже... Куда же в таком случае?

— В доисторические, если позволено мне будет употребить этот термин, — Бронич откинулся на кресле.

— Позволено, позволено, кто ж тебе запретит, — пробурчал я. — Это к динозаврам, что ли?

— К динозаврам!.. Прости, Джефф, но мышление у тебя какое-то... узконаправленное. Почему к динозаврам? Зачем к динозаврам? На Земле было сколько угодно эпох, свободных от этих чудовищ. Вряд ли тебя можно упрекнуть в незнании такого простого факта. Так почему, почему сразу «к динозаврам»? — Бронич театрально потряс в воздухе руками. Трагик из него так себе, надо сказать.

— О'кей, Бронич. Рассказывай сам, я постараюсь не перебивать.

— Мне очень хотелось бы верить в твою искренность, Джефф. Значит, что необходимо нам — говоря нам, я имею в виду всех людей — чтобы выжить в прошлом? Пункт первый, — Бронич загнул большой палец на правой руке, — подходящий климат. Достаточно теплый, ровный и не слишком сухой или влажный. С этим все в порядке — периодов с такими погодными условиями на Земле было более чем достаточно. Пункт второй, — указательный палец последовал примеру большого, — проблема пропитания. Если выразиться точнее, отсутствие этой проблемы. Нам приходится уходить из настоящего, потому что здесь нечего есть, и было бы неразумно отправляться туда, где с пищей дела обстоят ненамного лучше. К счастью, и с выполнением этого условия особых трудностей не возникает. И, наконец, пункт третий, самый важный, — средний палец прежде присоединиться к загнутым коллегам выразительно покачался в воздухе. —

Было бы очень неплохо, чтобы мы не стали решением чей-либо продовольственной проблемы. Проще говоря, в эпохе, которую мы изберем местом своей двадцатилетней ссылки, не должно быть крупных хищников, представляющих угрозу для человека.

— Поправь меня, если я ошибаюсь, — я криво усмехнулся. — Идеальный климат, вдоволь пищи и никаких хищников — ты говоришь о рае?

— Если хочешь — да! — физиономию Бронича от уха до уха вновь пересекла улыбка. — Многие ученые, наделенные склонностью к поэтическим сравнениям, называли эту эпоху именно так. Но позволь мне продолжить, осталось совсем немного.

Я сделал широкий великодушный жест рукой и даже подкрепил его несколькими энергичными кивками головы.

— Так... — Бронич собрался с мыслями. — Подходящим для нас временным интервалом является, само собой, пересечение трех множеств, удовлетворяющих каждому из трех условий. Что мы имеем в результате? А в результате мы имеем отрезок палеозоя длиной примерно в пятьдесят миллионов лет, включающий в себя средний и поздний девон и ранний каменноугольный период. После совсем недолгих раздумий я остановился на девоне. Именно его, кстати говоря, и называют иногда райским садом. Практически никаких наземных животных...

— Практически? — перебил я. — А если все же поподробней?

— Ну... — Бронич немного замаялся. — Только пауки и что-то вроде скорпионов.

— Ничего себе рай! — я так резко подсочил, что едва не опрокинул стол. — Бронич, я не люблю пауков и скорпионов!

— А никто и не заставляет тебя их есть! — непонятно, шутит он или прикидывается идиотом. — В море там полным-полно моллюсков, которых можно брать практически голыми руками.

— Можно подумать, ты пробовал! — я повысил голос.

— Разумеется, пробовал! — Бронич тоже перешел почти на крик.

Мы замолчали, стоя лицом к лицу и глядя друг другу в глаза. Мне было нечего возразить. Действительно, можно было догадаться, что Бронич провел уже не один эксперимент. Это в какой-то степени успокаивало. Но кровь шотландских предков не позволила мне сдаться так скоро.

— И ты полагаешь, мы двадцать лет сможем жрать одних кальмаров? — сказал я гораздо тише.

— Зачем? Можно рыбку половить. А потом, не стоит забывать о растительной пище, ее там поистине вдоволь, хотя она и не балует разнообразием. Думаю, одного-единственного археоптериса нам двоим хватит на все двадцать лет.

— Археоптерикса? — я удивленно заморгал.

— Археоптериса! Не надо путать, до появления археоптериксов еще сотни миллионов лет. А археоптерис — это что-то вроде троюродного брата современного папоротника, только в высоту метров пятнадцать. Его молодые побеги оказались не только съедобны, в чем я практически не сомневался, но и удивительно вкусны, что стало для меня приятной неожиданностью — я ведь, вообще-то, не большой поклонник папоротника.

— Да... — я заложил руки за голову и скорчил недовольную гримасу. — Папоротники и кальмары. И рыбка, если повезет. В течение двадцати лет... Думаю, это не Бог изгнал первых людей из рая, они сами сделали оттуда ноги. Что ты там говорил о каменноугольном периоде?

— Меню там значительно разнообразней, — Бронич решительно закивал головой. — Больше рыбы, богаче флора, наземные рептилии...

Не скажу, что «рептилии» звучит очень уж аппетитно, но разнообразие меня воодушевило. Так в чем же подвох?

— Климат? — предположил я.

— Отменный. Ровный, теплый, в меру влажный.

— Хищники?

— Только мелкие.

— Тогда что тебе не нравится в этой эпохе?

— Всего одно, — Бронич тяжело вздохнул. — Насекомые.

— Да, это, конечно, неприятно... — я задумался, но мои размышления были прерваны моментально.

— Это не неприятно, Джефф, это ад! — с лица Бронича исчезла даже тень улыбки. — Тьма насекомых, в десятки раз больше, чем в наше время и по количеству видов и по общей численности. Восемьсот видов одних тараканов, Джефф...

Меня передернуло. Ненавижу этих тварей!

— Понятно.

— Некоторые из них в длину достигают десяти сантиметров!

— Понятно!

— А другие умеют летать!

— Понятно, черт возьми! — рявкнул я. Чтобы избежать встречи с летающими тараканами я готов питаться двадцать лет одной травой. — Поехали в девон!

Страшно ли готовиться к путешествию в прошлое? Безумно. Несмотря на то, что альтернатива — неминуемая и довольно скорая смерть, я неоднократно ловил себя на мысли, что готов плюнуть на все и остаться здесь. В прочном и надежном свинцовом бункере. Спокойно и мирно дожидаться своего последнего мгновенья.

Дело не в гигантском отрезке времени — почти четыреста миллионов лет — через которые нам предстояло перешагнуть. Будь на месте этой непредставимо большой цифры какое-нибудь столетие, я бы вряд ли волновался заметно меньше.

Пугал сам процесс. Возможно потому, что в глубине души я все еще считал его немыслимым, антинаучным и несопоставимым с реальной жизнью. Волей-неволей проникся уважением к Броничу, который совершал свой первый переход, еще не будучи уверен в том, что попытка будет удачной. Меня мысль о подобном переходе пугала невероятно.

Хотя, стоит признать, и перспектива провести двадцать лет в роли робинзона не слишком ласкала воображение. Рай там или не рай, не знаю. У Адама была Ева, а у меня... Да, надо будет все силы посвятить поиску женщин. Бронич утверждает, что это не такая уж непосильная задача.

У меня к Броничу масса вопросов, которые я не задаю. Наверняка у него есть ответы на каждый из них, а выслушивать лекции у меня нет ни малейшего желания. Быть может, позже я спрошу. О том, что он сделал для того, чтобы часть людей не попала в океан — ведь даже мне понятно, что за такой огромный срок очертания материков изменились до неузнаваемости. О том, вернутся ли обратно в наше время люди, родившиеся за эти двадцать лет. Я уверен, что вернутся, но как Бронич смог этого добиться? Хотя, в том, что из объяснений я ничего не пойму, я тоже уверен.

Много вопросов... Я пока выкинул их из головы. И постарался отрешиться от всего. Встал в углу кабинета, прислонился к стене и прикрыл глаза, предоставив Броничу колдовать за клавиатурой без помех и отвлекающих факторов. Пусть он ничего не говорит мне о том моменте, когда будет осуществляться переход, — мысленно взмолился я. Разумеется, мои молитвы не были услышаны.

— Все готово, Джефф! — все-таки голос Бронича дрогнул.

— Переход будет мгновенным? — я тщетно старался выглядеть хоть сколько-нибудь спокойно.

— Сам переход — да, — Бронич кивнул. — Сейчас я нажму на «Enter», пройдет что-то около трех секунд — за это время машина сосчитает и соберет в единую базу всех людей на Земле, оставшихся в живых — и... — неопределенный жест рукой.

— Энергии точно хватит? — спросил я как можно небрежнее. — Все-таки, четыреста миллионов лет...

— Хватит, Джефф. Дальность перехода имеет весьма слабое влияние на энергозатраты. Основной фактор — масса. Конечно, она в нашем случае велика, но я все рассчитал. У нас тройной запас прочности.

Я хотел еще что-то сказать, но не нашел слов. Господи, пусть это поскорее закончится!

— Жми эту чертову кнопку, Бронич! — прохрипел я незнакомым голосом. И Бронич нажал.

Откинувшись в кресле, он наблюдал за тем, как на экране быстро сменяли друг друга какие-то цифры. И вдруг резко напрягся.

— Черт! — взвыл Бронич и потянулся к клавиатуре.

Но тут наступила темнота.

По глазам резанул свет — ослепительно яркий после экономного освещения броничевского бункера. Я зажмурился и какое-то время имел удовольствие созерцать броуновское движение разноцветных кружков перед глазами. Когда их танец вместо зажигательного ча-ча-ча стал больше напоминать медленный вальс, я медленно разомкнул веки и сделал попытку осмотреться.

Вокруг был лес. Едва этот факт успел впечататься в самый краешек моего сознания, оно тут же целиком и полностью было занято картиной стоящего неподалеку Бронича.

Даже если бы я забыл о не совсем нормальном его поведении перед отправлением в прошлое, одного взгляда на принятую им позу было бы достаточно, чтобы понять: что-то пошло не так.

Бронич стоял, сильно ссутулившись и обхватив голову руками. Кроме того, он мерно покачивался из стороны в сторону, как тонкая ива на ветру. Хотя вокруг царило полнейшее безветрие, а Бронича я бы скорее сравнил с пнем столетнего дуба.

— Бронич, — тихонько позвал я.

Никакой реакции.

— Бронич! — уже громче.

Хоть бы амплитуду качаний сменил, что ли. В знак того, что слышит меня.

— Да Бронич, мать твою!

Вообще-то, я скорее человек действия, и если сейчас я не дожусь ответа, следующим моим шагом будет пинок по этой толстой заднице.

— Да? — похоже, у Бронича здорово развита интуиция.

— Случилось что-нибудь? — я готов был поставить сто против одного, что случилось, но, черт возьми, пусть он мне об этом скажет.

— Люди... — чуть слышно и не отрывая рук от головы.

— Что «люди»?

— Их оказалось больше, чем я думал.

— Намного? — машинально спросил я.

— Намного. Тысяч десять по меньшей мере, точно не успел заметить.

— Так... это ж здорово! — я пожал плечами.

— Кретин, — без всякой эмоциональной окраски сказал Бронич. — Машина на такую нагрузку не рассчитана.

— А-а-а, — глубокомысленно ответил я. — Ну, все ведь нормально? Переход совершился?

— Совершился!.. — в голосе Бронича появились нотки раздражения. — Машина сгорела!

— Сгорела?! — я поперхнулся. — Но...

— Это не девон, — тихо и мягко проговорил Бронич. — Машина не выдержала нагрузки, сбросив нас где-то по дороге. Назад мы теперь не вернемся.

Я молчал. Может, обхватить голову руками и покачаться из стороны в сторону? А поможет? Огляделся вокруг, на этот раз внимательней. Как я уже говорил, лес. Самый обычный лес, на мой взгляд. Ничего доисторического. И птицы поют.

— Бронич, а где... то есть, когда мы?

— Кайнозой. Практически наверняка четвертичный период, — с готовностью ответил тот.

Я осмотрелся еще раз.

— Не знаю... По-моему, все выглядит вполне современно.

Бронич вздохнул.

— Я только что сказал тебе то же самое. Некоторые признаки говорят о том, что мы не отделились от точки старта и на сто тысяч лет.

Ну, по мне что четыреста миллионов лет, что сто тысяч — разница непринципиальная. Можно, наверное, и здесь выжить. Но вот то, что люди никогда не смогут вернуться назад и попробовать восстановить цивилизацию — это страшно.

И тут мне в голову стукнуло. Да так стукнуло, что аж зазвенело в ушах и пересохло в горле. Бронич, наверное, прав, называя меня невеждой, но кое-что я все-таки читал. И фильм по Би-Би-Си смотрел.

— А знаешь, Бронич, я, пожалуй, могу тебе сказать, какое сейчас время, — спокойно говорю, изо всех сил стараюсь не сорваться.

— Что? — смотрит на меня совой, моргает и не понимает ничего. Уч-ченный!..

— Сейчас, Бронич, приблизительно сорок тысяч лет до рождества Христова.

— Почему? — спрашивает.

Я говорю медленно, с паузами, словно самому тупому ученику в классе теорему Пифагора втолковываю.

— Потому что. Около сорока тысяч лет назад. На Земле появились, первые настоящие люди. Откуда они появились — до сих пор не было ясно. Поздравляю в твоём лице всю земную науку с раскрытием этой великой тайны.

Голова у Бронича все же работает, дошло практически сразу. Ну, похватал чуток ртом воздух, схватился еще раз руками за голову для проформы, а потом кивать начал.

— Да, — говорит. — Вероятней всего, так оно и есть. Это наиболее логичное предположение. Оно все объясняет все... — и пальцами в воздухе зашевелил, что-то, видать, про себя прикидывает.

— Нет, а я все же одного не пойму. У нас же все знания двадцать первого века. Почему тогда нас ждет каменный век?

Бронич уже в себя пришел и снова улыбается слегка снисходительно.

— Джефф, Джефф! Что стоят все наши знания без техники, без инструментов и даже без металлов? Да, я знаю, как сделать ветряную мельницу или даже электростанцию, но что с того? Что мы можем голыми руками? Ни-че-го, Джефф! Думаю, для того, чтобы научиться делать приличные каменные ножи, потребуется несколько поколений. А тогда, — он выразительно махнул рукой, — какие там мельницы...

— Значит, каменный век, Бронич?

— Каменный век, Джефф! Видишь, как получается, — он словно бы виновато развел руками. — У человечества нет вчерашнего дня, если смотреть из нашего сегодня. Зато никогда еще человек не мог быть так уверен в том, что у него есть завтра.

Философ!

— А послезавтра? — спросил я. Риторически.

— Послезавтра, увы, человек лишен. Сегодня, завтра... и снова сегодня.

Здорово, ничего не скажешь. Чем больше я об этом думал, тем сильнее путались мысли. Голова шла кругом и в конце концов думать надоело. Хотелось не то плакать, не то кричать. Я выбрал второе.

— А кто мне говорил, что парадоксов времени не бывает? — заорал я на маленького толстяка, стоящего передо мной. — Что же это тогда, по-твоему? Откуда вообще взялись люди, ты мне можешь объяснить?

Я плюнул себе под ноги и пошел прочь, не дожидаясь ответа. Мне опять не хотелось видеть Бронича.

- Ты куда, Джефф? — услышал я жалобный голос.
- Пойду, сделаю пару наскальных рисунков, — зло кинул я, не оборачиваясь. — Или колесо изобрету.
- Вдалеке раздался грозный звериный рык. Я остановился.
- Хотя нет. Изобрету я, пожалуй, для начала лук со стрелами...

Об авторе

Родился в 1973 году в пос. Восточный Охинского района Сахалинской области. Окончил Хабаровский государственный технический университет, по специальности — инженер-механик. Работает начальником охраны в г. Оха. Пишет с 2005 года. Публикации: три бумажные книги: «Гость из главного мира», 2007, Гелеос; «На килограмм души», 2011, Млечный путь; «Поход скорпионов», 2012, Альфа-книга, в соавторстве с Евгением Лобачевым. Рассказы: «Где найдешь, где потеряешь», «Техника молодежи» № 2, 2006; «На килограмм души», «Порог» № 11, 2005; «Спокойной ночи», «Шалтай-Болтай» № 2, 2006; «Вдвоем», «Безымянная звезда» № 3, 2006; «Всю свою долгую жизнь», «Я» № 6, 2006; «Я сам», «Просто фантастика» № 6, 2006; «Другая жизнь», «Мир фантастики» № 10, 2006; «Условный рефлекс», «Техника молодежи» № 11, 2006; «Летайте звездолетами «Аэрофлота», «Безымянная звезда» № 1, 2007; «Седьмой сон», «Шалтай-Болтай» № 6, 2007; «Вовремя остановиться», «Мир фантастики» № 7, 2007; «Троянский олень», «Наука и техника» № 4, 2008; «Уголек», Сборник «Бремя пророка», 2010; «Беглец», Сборник «Квартирный вопрос», 2011; «Дело о невинном убийце» (повесть), «Млечный путь», 2012; «Первая», Сборник «Половинки космоса», 2012; «Монета на ребре», «Полдень», № 3, 2017; «Подсознание мамонта», «Знание-сила: Фантастика», № 1, 2017.

Ефим Гамаюнов

Дознаватель

Комнатка была маленькая; тусклая лампочка с трудом освещала ее, создавая вовсе даже неуютный полумрак. Как всегда и везде, в любом отделе, в любом кабинете. Ну вкрути ты хоть сотку. Нет, экономия! Шестидесятку тебе, и не больше. Решетка на окошке (и без того половина рамы в земле — полуподвал, чего ждать), так еще и прутья в палец, частые и ржавые. Непрокрашенные или облезлые от времени, одна разница. Да в придачу давящий на психику кафель «из семидесятых» ужасного розовато-морковного цвета. Пыточная, если бы оборудовать, вот один в один, ничего менять даже не нужно.

Стол, побитый временем, с покаябанной крышкой, два стула. Все намертво прикручено к полу. Разные оказываются тут, и хоть фиг убежишь, попадают натуральные психи, пробуют.

И точка...

Меблировка, так сказать.

— Веду, Роман Павлович? — отвлек от нерадостных мыслей дежурный.

Роман Павлович сел на один из стульев, поскреб небритую по случаю «якобы выходного воскресенья» щеку, бросил папку с делом на стол

— Давай минут через десять, я пока прикину что-как, лады?

— Через десять так через десять, — согласился дежурный, молодой сержант, и исчез.

По коридору простучали ботинки, вновь стало тихо.

Роман Павлович пробарабанил пальцами дробь по крышке стола: работать не хотелось. Он было сегодня совсем размяк, отлежался в ванной, хорошо еще не принял грамм сто-сто пятьдесят, как собирался. А, может, и зря не принял.

По коридору пробежали шаги, и в комнатку ввалился огромный Дубровский, старший следователь 36 отделения. Как он так летает, словно бабочка проскочила? Никогда бы не подумал, если бы не знал, что такой медведь так легко двигается.

— Здорово, Палыч. Тебя на ЧП кинули?

— А чего, не похоже? Здорово.

— Смотри, осторожнее. Станный он какой-то, в самом деле.

— Ладно, посмотрим.

— Ладно ладнокать, я серьезно тебе говорю. Не смотри, что он дурак со справкой. Станиславч, покойный, как этот к нему попал, сам не свой

ходил. Каждый раз после допроса аж синий весь был, словно не спал суток трое. Вообще, короче, на себя не похож стал...

— Олег, ну чего ты заладил? Сейчас начну и посмотрю. Если что тебя позову, ты ж дежуришь?

— Я сейчас на вызов, сколько проторчим, хрен знает, — развел Дубровский руками, заняв разом полкомнаты. — Тут остается Ванька, и Николай должен вернуться. Денек сегодня ой-е-ей выдался.

— Езжай тогда, не волнуйся. Ну, на крайняк, оставлю на завтра, выговор схлопочу, ну и не впервой.

— Ну, давай тогда! Заскочу еще.

Хлопнул по плечу и вышел в коридор. Пролетели частым стуком невесомые шаги. Чудеса.

Открыл папку, пробежался еще раз по делу. Н-да, ну и рожа. «Маньяк», назвал его для себя Роман. Маньяк, как есть. И улики, и свидетельские показания, даже доказывать ничего не нужно. Чего его Алексеев опять-то таскал, в воскресенье, да с утра? Эх Алексеев, Алексеев, никому ты уже ничего не расскажешь. Он попытался вспомнить погибшего следователя... и ничего конкретного так в голову и не пришло. Ну... обыкновенный мужик. Работа, работа... жена вроде еще ушла от него. Сын в институт поступил... Алексеев... Здоровый такой мужик, крепкий, такого даже просто не ударишь — по морде в ответ только так прилетит. М-да... И ЧП вдруг. Вскрытие уже было — все органы в норме, ничего не отказало, по виду — здоровый как бык. Только... сухой какой-то, выцветший словно. Отчего — почему? И свидетель, обвиняемый Еськов Евгений Евгеньевич, тысяча девятьсот шестьдесят шестого г.р., статья 105, часть вторая, пункты в) и д)... Расклад — только что еще не пахнет, а так...

В тишине вновь, уже в который раз, раздались шаги по коридору, гулкое эхо вторило башмакам. Двое идут.

— Стоять, лицом к стене, — в проем заглянул дежурный сержант, — Товарищ ма...

Роман Павлович мотнул головой, давай, без приветствий-церемоний, сразу, я сам... И уткнулся в дело, старательно не отрывая взгляда от сероватых бланков.

— Заходи.

Роман Павлович, дождался пока мягкие шаги не пройдут до стула напротив и останутся там. Замрут, ожидая дальнейшего. Выждал еще несколько томительных минут, а затем поднял взгляд — пустой: ни добрый, ни злой, никакой — и, пройдясь по приведенному Еськову, повернулся к ожидающему сержанту.

— Свободен, спасибо.

Вновь минуты тишины и ожидания с обеих сторон. Выждать, заставить приведенного понервничать, почувствовать — кто есть кто. А потом — задавать вопросы.

— Садись, — наконец кивнул Роман Павлович.

Еськов послушно сел.

— Старший дознаватель центрального управления прокуратуры области Ребров, — представился Роман, — Роман Павлович... Знаешь, зачем вызвал? Или догадываешься?

Еськов отрицательно мотнул головой.

— Нет.

Тонкие, почти интеллигентные черты лица. И все равно есть некая неправильность, не бросающаяся сразу, но отталкивающая. Все по отдельности вроде нормально, а вместе... точно как на фотороботе. То ли масштаб не совсем подобран, то ли собрали неровно. И глаза... глаза Роману не понравились сразу: блеклые, ничего не выражающие, словно у наркомана. Только: нарики смотрят мимо, за спину, а тут... ошупывает, исследует, хоть и не показывает виду. Мороз по коже от таких у начинающих бывает.

Он про себя хмыкнул: ну он-то не молодой.

— Давай с этим заканчивай, не знаешь, — Роман Павлович захлопнул дело, бросил его на стол и накрыл рукой. — Все ты знаешь, и все скажешь. Для начала поведаешь, что с Алексеевым случилось. Быстрее скажешь, быстрее все закончится. Я домой пойду, ты в свой кабинет. Понял?

Еськов чуть подумал и ответил

— Не закончится.

— Что? — удивился Роман.

— Не закончится, — повторил Еськов.

Так, это что еще за...

— Еще раз не по делу, или не на вопрос ответишь... — Он оставил конец фразы «на додумывание», заодно и проверим, как у маньяка с чувством реальности. — Усек?

Еськов кивнул. Глаза на миг прищурились, желваки чуть заметно вспухли. Реальность ты чуешь, да еще злишься, это хорошо... злишься, значит, себя не контролируешь. А если за собой не следишь, так и говоришь чуть больше, чем хочешь.

— Отвечать голосом, никаких кивков, — продолжил Роман и пристально посмотрел на Еськова, — Я тебе не общество глухонемых.

— Понял, начальник, — выдал сидящий напротив.

— Вот и ладно. Зачем же тебя, Евгений Евгеньевич, в свой выходной день вызывал следователь Алексеев? По порядку и подробно.

— По делу номер тысяча восемьдесят два, — ответил подследственный и мазнул глазами по лежащей на столе папке, — дробь двенадцать.

Роман Павлович и сам невольно поглядел на номер дела: 1082/12. Так, выходит умный?

— По твоему, значит, делу?

Показалось, не показалось, тонкие губы Еськова на миг тронула почти незаметная усмешка. Подняла уголок рта и тут же опустила вниз. А глаза... смотрят и наблюдают — заметил ли следак, а если да, то какотреагирует? Внутри у Романа Павловича задрожала натянутая нитка раздражения, что совсем уж никуда не годилось — терять контроль над собой, терять его и над ситуацией. Поэтому он лишь чуть приподнял брови, словно ожидая ответа, а раздражение запихнул куда подальше.

— По моему, — ответил Еськов.

— И чего же непонятного есть в твоём деле, а? Не подскажешь? Что неясного в нём?

— Все неясно.

Так, ну тут по крайней мере все как обычно. Из «таких» никто ещё не признавался в том, что виновен. Это новички, или «бытовшики» ещё колятся сразу, пишут явку с повинной. А этот, хоть и не привлекался ранее, только уж чересчур продуманный: на все готов ответ. Не боится? Думает, справка поможет?

— Ты мне ботву свою не гони, — сказал Ребров, — Тут доказательства стопроцентные, я одним глазом глянул и то сразу видно: ни один судья не оправдает с такими. И дела твои ясней ясного, Еськов. Лет десять как минимум, а максимум — одиночка на всю твою жизнь. Оставшуюся. И справка твоя только потереться годится, с этим все ясно? А вот мне чего было нужно Олегу Станиславовичу от тебя, неясно. Вот ты о чём скажи.

— Правды, начальник, ему надо было, — лицо у «маньяка» серым пятном выделялось на идиотском красноватом фоне. — Он сам захотел узнать всю правду.

— Сам?

Еськов кивнул и поспешно поправился:

— Да, начальник, следователь... прежний... меня попросил. Я и сказал.

Роман откинулся на спинку стула, тот не шелохнулся — привинчен. Расставил руки и побарабанил пальцами по столу. Раздражитель, рассеивающий внимание, лишний раз заставляющий понервничать. Лишний раз показывающий — кто тут вопрошающий, а кто — всего лишь допрашиваемый.

— И чего, все узнал? — спросил он, разрывая наступившую тишину.

Еськов повернул было голову, намереваясь покачать отрицательно, но наткнулся на взгляд Романа, вздохнул и глухо пробубнил себе под нос, едва слышно.

— Нет.

— То есть, как нет? Что ж это за правда такая?

— Правда одна, начальник, — Еськов опять чуть ухмыльнулся.

— Так чего же ты её так долго рассказываешь, а, Еськов? — Ребров в упор посмотрел на сидящего напротив, — Что же тебя даже по воскресеньям сюда таскают, в свои выходные дни? Может и мне её расскажешь?

Подследственный вздрогнул, словно его ударили. Ребров от удивления тоже чуть не дернулся и, чтобы скрыть замешательство, кашлянул.

— Там написано все, — сидящий напротив кивнул на папку.

Ладно, написано, допустим, но что ты тогда так нервничаешь, гражданин «маньяк»

— А какую же ещё правду тогда хотел Алексеев? Если сам все и написал? Еськов молчал.

Все вы так. Правдолюбцы, зла не хватает. Перед судом, да перед корреспондентами с телевидения: жизнь довела, тяжелое детство, а тут ещё оговорили-подставили-принудили... Скрыли правду, показали вранье... Только и мы знаем таких, как ты, Еськов Е. Е., шестьдесят шестого г.р., плавали.

— Ладно, Евгений, — продолжил Роман Павлович, — Пусть вызвал тебя Алексеев за правдой. Не думай, что поверю тебе, копать пока не хочу.

Пока, заметь! Сейчас мне нужно, чтобы ты как можно подробней рассказывал, что случилось в кабинете.

Еськов поднял руки, скованные наручниками, потер плохо побритую щеку.

— Ну, мы поговорили...

— О деле, — подсказал Роман, — Это я уже понял. А потом что случилось? Он выпил может чего-нибудь, или что? Курил?

— Нет, начальник, не пил он ничего. Сидел, ну как обычно... курил там... сигареты... это «Георгий», спрашивал... А потом помер, и все.

Роман хлопнул ладонью по столу. Мать! Так запросто сидит и говорит, словно про фильм какой, или про таракана. Помер и все! Будто не утром только, да с его участием, это произошло. Ну и гад!

— Помер, говоришь? Ну а ты, Евгений Евгеньевич, что ты то сделал?

— Я, это, подождал, может очухается, а потом смотрю — нет, ну я стал дежурного звать.

— Долго звал?

— Долго, минут пять, не меньше. Воскресенье же... начальник...

Роман прихлопнул по столу еще раз. Так, значит так. Вернее, не так, конечно, все. Но вот что все? Нутро чует — что-то не так, а голова не понимает. Недоговариваешь ты, козлиная рожа, ой не договариваешь. В груди у Романа Павловича горело. Ненависть, злость, непонимание? А как понять человека, на глазах у которого другой человек умирает... необъяснимо как... а тот сидит, и как ни в чем!

Не клеится сегодня разговор, понял Роман, и ничего он сегодня не узнает. Вот что сейчас знает, знал даже до прихода сюда, то и будет. А нового — ничего.

Достал из папки протокол опроса, даже не допроса, свидетель у нас, не обвиняемый... Наскоро записал показания, списал из дела личные данные «свидетеля», мать его так...

...в груди настойчиво звенело желание встать и дать ему по морде, худой интеллигентной морде, чтоб понял...

...пробежал глазами и протянул листок через стол.

— Подписывай где галочки.

— А прочитать хоть можно? — спросил Еськов.

— Думаешь, я на тебя еще чего вешать буду? Тебе и так хватит, не бойся.

На лице у сидящего напротив промелькнул маска злости и ненависти. На секунду, но Роман заметить успел. С чего бы это, неужели и вправду думает, что не за что? Или уже озлобился по ихнему, по зычаровски? На всех ментов вообще, только за то, что мент?

Ребров крикнул дежурного. Сержант сидел недалеко, заглянул почти сразу. Еськов поднялся и направился к двери. Худой, нескладный, как велосипед или вешалка-плечики: вроде и широкие, а повернешь — ни черта, тоненькие планочки. Как такой смог троих?.. Взрослых, здоровых мужиков. И одного еще связанного.

— Стой! — окликнул уже почти скрывшегося Еськова Роман. — Не для протокола. Сам как думаешь, отчего Алексеев умер?

Вопрос, контрольный. Вроде уже все — протокол подписан, допрос закончен. Подследственный расслабился и спокойно готов идти в камеру,

тут-то его и надо... подсекать. Может и сболтнет чего... «Маньяк» обернулся, посмотрел прямо в глаза Реброву. И вновь по лицу скользнула усмешка, смешанная с ненавистью: уголки рта вниз, а левый еще и чуть изгибается, вокруг носа отчетливые морщинки, будто оскал звериный.

— Просто... кончился он, начальник. Не выдержал...

Шаги по коридору.

Утро выдалось на редкость мерзким: дождь, мелкий и совершенно осенний, несмотря на середину августа. Ребров смотрел наружу из салона новенькой, пахнувшей свежим дерматином «двенашки» и понимал, что отчего-то именно сегодня его нисколько не радует новая машина. Хотя — дождь, а ему сухо и удобно. А — не радует, совершенно нисколько. Еще вчера, едва садясь в поскрипывающее искусственной кожей сиденье, едва прикасаясь к пластмассе руля, он чувствовал совершенно детский восторг, ощущение — вот, все не зря! Только если идти и не сворачивать, как он! Вчера вечером можно было списать отсутствие восторга на усталость и раздражение от испорченного выходного дня и вечера. А сегодня?

Ну.. Еще и с женой разругались из-за мелочи. Подумаешь, не улыбнулся и не сказал ни одного ласкового слова. Сам виноват — разбаловал... Вот и получай, забыл хотя бы мимоходом сказать комплимент, приобнять... все, скандал. И чего завелась?

Да нет, конечно, зря он на Татьянку, зря. Все из-за этого долбанного... Еськова. Вот ведь сволочь, мало ему Алексева, и за него тоже принялся. Самым натуральным образом: весь вечер заставил думать о себе. Роман поворачивал разговор и так, и сяк, прогоняя запись, пусть не совсем законную, на диктофоне. Вслушиваясь, припоминая изменения на лице, эти усмешки-ухмылки, брезгливость, ненависть... вот гад! Чего он хотел сказать этим своим «не выдержал?». Чего не выдержал Алексеев, почему? Ну и не выдержал, и чего... умер? Так вот просто, взял и? Глупости...

— Роман Палыч! Тебе это зачем? — удивился просьбе Реброва старший следователь, начальник отдела Тимошенко.

— Товарищ полковник, сам не пойму. Чего-то этот Еськов не договаривает, вот нутром чую, — Роман для убедительности пристукнул пальцем листок допроса, только что положенный им на стол. — Может и правда ничего не видел, ничего не заметил. Только... Скользкий он тип, чего-то темнит.

Тимошенко снял тонкие очки в золотой оправе, покрутил, покусал дужку и вновь надел. Вдохнул:

— Делать тебе нечего, Роман? Смотри, чтобы только без отрыва...

— Понял Василь Иванович. Я же просто поговорить. Мог бы и сам, но как-то через вашу голову...

— Добро, добро. Давай, ступай. А мне позови Богаткова, послушаю, чего там он накопал.

Роман Павлович прикрыл дверь, ручка как всегда заела, пришлось подтолкнуть ее вверх.

— Свободен? — спросил стоящий в коридоре Петр Дежнев, кивнув на кабинет.

Ребров кивнул в ответ:

— Только недолго. Он Илюху ждет, я сейчас пришло.

— Да на пару минут.

Илюха, Илья Борисович, если совсем уж,пил чай с конфетами «коровка». Роман бесцеремонно отобрал стоявшую на столе кружку, развернул конфету и, глядя в возмущенные глаза следователя, сочувственно произнес:

— А тебя, Богатков, ждет шеф. И очень ждет, — выделил голосом «очень».

— Гад ты, Ребров, — пожаловался Богатков. — Приду, нальешь нового!

— Не могу, Илюх, дела... Убегаю!

— Я и говорю — гад...

Стол и царапины, слабо видимые при эдаком освещении. Роман закурил и принялся обдумывать — как ему говорить? И о чем? Только сейчас он вдруг осознал, что ни черта не понимает: зачем пришел сюда. Первичный допрос он произвел, результаты лежат у шефа на столе вместе с остальными бумагами: результатами вскрытия, характеристиками, фото... Дело до конца непонятное, но они же не врачи, в конце концов. Даже те не понимают, отчего иногда люди так умирают. А он то — чего? Работу же сделал, быстро и «в соответствии с буквой закона». Какого тогда?

Сегодня в тридцать шестом было многолюдно, но в закутке с «пыточной» ходили мало, и шаги в коридоре Роман Павлович услышал сразу, будто ждал этого.

«К стене»...

В комнату заглянул круглолицый милиционер. Ого, младший лейтенант сегодня на дежурстве.

— Задержанный Еськов...

Ребров приглашающее махнул — заводи.

Одет вошедший Еськов был в тот же полосатый, с индейским каким-то орнаментом, свитер и мятые черные брюки, в которых приходил вчера. Отличался от вчерашнего разве тем, что побрился, негладко и неровно... Такой тут сервис: вода холодная, бритва... очень многоцветная.

— Здравствуйте, Роман Павлович, — сказал приведенный.

Ребова это приветствие сильно покорило, настолько, что даже мурашки пробежали по телу, приподняв волоски «гусиной кожей». Не показывая виду, одернул он себя.

— Садись, — указал на стул.

Еськов сел и положил руки в наручниках на стол. «Почему в наручниках?», — удивился Роман. Вчера еще понятно — воскресенье, ЧП, а сегодня-то? Особенно опасным или склонным к побегу сидящий напротив никак не выглядел. Скорее наоборот, хотя кто знает, чего там в голове у такого? Вчера самую вершинку всех своих чувств показал этот «айсберг», а и то хватило на полсуток размышлений.

— Чего ты всегда в железе? Натворил что-нибудь? — спросил Роман Павлович («Стыдно, дознаватель, стыдно — не знаешь с чего начать!»).

— Нет. Они меня тут все боятся, — ответил Еськов. — Думают, что это я что-то сделал со следяком.

И совершенно гнусно хихикнул.

— А что ты мог-то, а, Еськов? — пренебрежительно, стараясь унять поднимающуюся волну отвращения, спросил Роман.

Да что это с ним? Никогда такого не было, за двадцать лет! Да чем эта гнида тебя так цепляет-то? Мерзкий он, сам себе ответил Ребров. Подлый, мелкий и мерзкий. Но вопрос и вправду глупый какой-то.

— Вот и я говорю им, а кто мне верит?

— Ну а как тебе верить? Ты вон четверых завалил, и как смог сладить.

— Не суди, начальник, не судим будешь, — хмыкнул Еськов.

Ну, конечно. Это тоже — через одного: цитаты из Жития Христова, Корана, других умных книг, привычное дело. А вот резануло сегодня вовсе непривычно, жестко и... больно, словно на нерв в зубе мышьяк кинули.

— Ты пасть то прикрой, — бросил Роман, — Я тебя судить не буду, тебе и без меня накрутят по полной.

И — опять эта скрытая злая усмешка, мелькнувшая на худом лице Еськова. От которой, стыдно даже самому себе признаваться, сводит холодом желудок. Неприятное ощущение, еще не страх, а только предчувствие опасности. Глубоко скрытое в подсознании налетом собственной крутизны — кто я и кто он. Почти забытое.

— Понял... начальник, зачем звал? — сощурились глаза, оценивает, ждет... чего?

А и вправду чего? Зачем он вызвал сюда этого...

— Вот ты мне и скажи, — Ребров пристально посмотрел на «маньяка». — Может, чего сам поведает?

Еськов отрицательно покачал.

— Значит так? — Роман раскрыл дело номер тысяча восемьдесят два дробь двенадцать, — Вот ты пытаешься всех убедить, что невиновен, а посмотри-ка на свою правду... Следователь Алексеев, хороший человек, тут все записал, что ты ему говорил. Вот, к примеру, «Проник в помещение подвала дома номер семнадцать по улице Революции», было? Тебя и камеры записали из магазина, и свидетель есть... так, дальше «Нанес сорок ножевых ранений гражданину Остапчуку...», было? Было, нож твой, отпечатки твои...

— Не так было, — пробурчал Еськов.

— А как? Давай, говори, как было. Только не надо про подставу, ладно? Подстава... кому ты нужен? И факты — пришел, залез...

— Он хотел меня убить, — Еськов вдруг торопливо заговорил. Глаза без отрыва, не мигая глядели на Романа. — Он подстроил так, чтобы я пришел в тот подвал. Он позвонил и сказал, что если я не приду, то он... сделает плохо одному человеку. Я не мог не пойти! А там он не один оказался, там их четверо было. Но они не рассчитывали, что я могу...

Он так же внезапно замолк, оборвав себя.

— Можешь что? Выхватить нож и порезать их всех? А нож ты случайно с собой нес, да? Это правда такая, да?

Странно отталкивающее лицо Евгения Еськова, подсудимого по статье «Убийство» мгновенно напряглось, застыв маской гнева и ненависти. И —

как и всегда — всего лишь на миг: застыло, обмякло и приняло свое обычное глуповато-безразличное выражение.

— Ну говори, говори. Что тебе не нравится, а, Еськов? Я протокола не веду.

Подследственный усмехнулся и покачал головой.

— Все ведут, начальник. Все в этом мире ведут протокол.

Так, это уже интересно, философ хренов, это ты чего хочешь сказать?

— И ты?

Еськов посмотрел в глаза Роману, и дознаватель увидел в них нечто такое, от чего вздрогнул. Что за черт!

— Начальник, захотев узнать правду, уже не остановишься. Протокол пишется. Тебе это нужно?

Роман Павлович на несколько секунд даже потерял связь с реальностью. Так бывает, когда только проснувшись, еще толком не понимаешь — сон это или реальность. Стены навалились, сужая пространство и без того небольшого кабинета, лампочка под потолком выцветила все вокруг, оставив только тошнотворный кафель и пятно лица. Худого, Роман знал это, но никак не мог разглядеть его в наступившем... тумане?

— Что... ты сказал? — Ребров тряхнул головой, отгоняя наваждение.

Подсунул пальцы под галстук, ослабил узел, подумал и расстегнул верхнюю пуговицу. Вот хренотень! Не хватало еще в обморок грохнуться!

— Захотев узнать всю правду о человеке, невозможно повернуть назад, — с Еськова слетело его безразличие. Глаза Евгения Евгеньевича горели, губы дрожали, мышцы лица судорожно подергивались. — Неужели это так сложно понять? Ты хочешь узнать только то, что удобно тебе. Только то, что хочешь услышать. А копнуть дальше, до всей правды... Ты хочешь этого? Ты готов заплатить за это знание?

Узнать все... Роман Павлович Ребров, неужели именно этого ты добиваешься, заскребло под черепной коробкой, понять почему и зачем, познать, как... Да, рвалось, разбивая ребра, да, именно это! Всю свою следовательно-дознавательскую карьеру только это желание и поддерживало его, только оно и давало интерес к жизни, где так много всякого дерьма, где полным полно гнусных типов вроде того, что торчит по другому краю поцарапанной столешницы. Где даже такой гнусный поступок, как убийство — еще не страшное... а ведь есть и очень страшное, и ужасное, и чудовищное.

Кафель, кто только придумал такой, стоял перед глазами, заслоня абсолютно все, давил-давил прямиком через глаза в мозг. Роман Павлович понял, что сейчас натурально потеряет сознание. Вот и переутомление, вот и работа по выходным!

— Дежурный! — позвал он. — Уводи!

Еськов встал и зашагал к двери. Роман, чтобы вовсе не потерять лица (почему-то казалось, что теряет) встал и сложил руки на груди. Голова шла кругом, но он упрямо и твердо решил проводить... этого... стоя.

— Остановиться невозможно, — Еськов смотрел прямо в глаза.

Роман выдержал взгляд, стиснув зубы, чтобы не отвечать.

День тянулся и тянулся. Тащились мимо серые унылые бесполезные дела... даже не дела — делишки. Рутинные и абсолютно никому не нужные.словно дурацкий сумасшедший конвейер выпускал непонятную никому продукцию, аккуратно, тем не менее, складывая ее в ровные пухлые папки с надписанными номерами. Кто-то украл, кто-то убил, кто-то что-то... Обыденно... Что может быть интересного в обыденности? Ни-че-го.

Ребров сжал руками голову, с силой взъерошил волосы, кровь мгновенно бросилась на кожу, вызвав жжение. Хоть какое-то ощущение, вызывающее что-то кроме равнодушия и тоски. Отпроситься у Тимошенко? Пойти домой и залечь отоспаться, выпить пару рюмок, посмотреть футбол, или в баню.

Тоскливо откликнулось внутри — на фиг, ничего не охота.

Неужели?... да нет, не может быть... нет!

— Здорово, Ром. Слушай, ты чего какой? — в открытую дверь вошел Дежнев. — Ты нормально себя?

Ребров поднял руку: нормально, нормально.

— Слушай, мы тут с парнями по три сотки скидываемся, у Славы кто-то родиться должен на днях.

— Ну?

— Ты будешь?

На фиг.

— Нет.

Петр Дежнев с удивлением посмотрел на него, Роман в ответ.

— Ты чего-то точно не такой сегодня какой-то, Ром. Не думал, что ты такой бездушный. Давай-ка я завтра еще подойду, а ты отпросился бы и пошел домой отдохнул сегодня.

Как он ушел, Ребров не заметил, перед глазами плыл красноватый морковный кафель. Глупо врать самому себе, что это все не из-за... Него...

Правду...

Уф! Наваждение! Тянет, тянет, зовет... узнать все... надо бы... а сил нет.

Надо отпроситься, на фиг так.

Отпроситься? Нафиг.

Роман Павлович захлопнул дверь кабинета, но не стал печатывать его. А просто повернул пару раз ключ и направился к лестнице. Может его и окликали, может даже дежуривший... Шура Сепанов?... спросил о чем-то.

Нафигнафигнафиг. Все к чертям...

И отправился домой пешком. Первый раз за десять лет, как прикупил первую машину. Новая «двенашка» проводила хозяина холодным и безразличным взглядом блестящих фар.

Голова разболелась не на шутку, даже «Новоган» не помог, хотя вроде раньше только им и спасался. Серые тучи заполнили небо над городом, разом превратив все в некое подобие себя — мрачное, с различными оттенками серого — чуть красноватого, синеватого, желтоватого. Ползли по серому асфальту забрызганные серой грязью авто... Корявые деревья, известно какого цвета, роняли первые листочки того же колера. Пустая бесшумная квартира, из которой он ушел двадцать минут назад, а она... еще вчера... уже

вчера... какаяразницавчера. Ушла и ушла. Куда? Туда. Зачемпочемунасколькo... «Винстона» не было, да и какая разница, можно что есть. «Петр»?

Правда?

Давайте.

Он вдруг понял — есть у них и «Винстон», но его надо доставать из коробки, проверять по накладной цену и количество, а смена через полчаса и можно будет сократить время на пересчет... Правда? Ну да. Не суди...

— Опять к нам? — в коридорчике Ребров столкнулся с огромным Дубровским, — Зачастила, прокуратура. Чего опять?

— Да все то же, — не соврал Роман. К чему врать?

— К Еськову? — удивился следователь, — Что ж вас так на него тянет, болезных?

Ребров попробовал было отшутиться и не смог. Нечем отшучиваться, то есть — вообще. Ни слов, ни желания. Душа не лежит. «Бездушный», так сказал вчера Дежнев? Куда только делась, была же. Вроде.

— Правды хочу узнать, — ответил он.

— Не нравишься ты мне, — покачал головой Дубровский, — Палыч, ты прям как Алексеев говорить начал. Правды и правды. Какой на ... правды? В деле все уже разложено и доказано, б... суд через пару недель, чего надо?

— Олег, ты не нуди, — сказал Роман Павлович, протискиваясь мимо богатыря-следователя, — А лучше иди-ка и своими делами займись. Не лезь ко мне. Не судим будешь.

Затылком Ребров чувствовал, что Дубровский смотрит ему вслед. Недоуменно и с обидой, вроде как послали его. А, и по... с ним.

Шаги по тихому коридору. Привычное «к стене», знакомое «тршмайр, последсвенны...»

Краем глаза отметил силуэт, с трудом дождался пока напротив усядется малознакомая, но уже почти ненавистная личность.

— Говори, зачем? — Роман Павлович с ненавистью смотрел на интеллигентные черты. Прямо в блеклые и пронзающие насквозь глаза. Пугающие, пугающие... скрытой непостижимостью.

Кафель, полумрак, привинченная к полу мебель. Тихий шум за окнами, негромкий гул в здании отдела. Все нормально, все хорошо. Как обычно все. Бездушный. К чертям душу, зачем она нужна?

— Узнавать нелегко, начальник. Сперва вроде просто, есть как есть, а дальше. Вопросы сложнее и ответы сложнее. Так ведь? У вас тоже вопросы все сложнее с каждым разом. Ну и правда, она все сложнее и запутанней тоже.

— Зачем? — повторил Ребров, сжимая кулаки... разжимая — Я задал вопрос.

— Ты, начальник, задаешь вопросы, ты, прям, орудуешь ими как инструментом. Чтобы добыть, чтобы разобраться. Тебя же учили такому?

Роман вначале недоуменно вскинул брови, но почти сразу понял — о чем говорит... этот... урод! Или на что намекает, это даже хуже.

— А ты... выходит... — и замолчал, давая возможность продолжить. Сейчас и посмотрим, чего ты имеешь в виду.

— А я, выходит... В чем разница?

— От вопросов не умирают, Еськов, дурак, что ли вправду?

Еськов покачал головой и хмыкнул:

— Разве, начальник?

Роману захотелось ответить, возразить, так чтобы этот полудурок сам понял, какой он чудака на букву «м», но тут вдруг понял — а он ведь знает, что умирают. И ничуть не меньше чем от ножей и пуль. И от простых, несложных вопросиков, и от таких, после которых просто нельзя жить. Задаются простые, потом еще, посложней, потом...

— Разные вопросы бывают, где-то по коже, где-то глубже. И ты уже сам не можешь остановиться, надо все глубже и глубже, до нутра самого. Когда хочется все. Все! Ты ведь понимаешь, начальник?

В голове Романа запульсировал огромный вулкан, готовый вот-вот взорваться и разбросать мысли-лаву по комнатке. По долбанному розовому кафелю, по столу, заливая царапины-трещины. Чудовищные мысли-раскаленные камни, сжигающие вокруг себя все живое. Он даже уже не совсем понимал — что настоящее, а что он только придумал. И казалось, что он вот-вот поймет — поймет ВСЕ. Еще один... вопрос, всего один.

— Так ты хотел узнать правду? — спросил он.

— Не суди. Я не убивал.

— Улики, Еськов, улики! Ведь ты...

— Нет. Я лишь хотел знать правду, хотел знать ЗАЧЕМ...

Роман Павлович понял, то нет у него сил задать следующий вопрос. Нет их, нет смысла, нет охоты и цели в этой жизни, в которой все так... есть только одно желание — узнать. Какой бы она не оказалась, только бы настоящую. Пусто в... душе? Будто незримый магнит тянул всю его сущность, эту его самую душу, к своему отравленной субстанции минусовому полюсу. Да он и сам тянулся, зная, что впереди яд и смерть, но... нечто мучительно истончалось внутри, таяло без этого!

— И ты дал инструмент? — Роман знал это, — Зачем... так?

— Я указал путь, а инструмент... всего лишь инструмент.

— Но ведь есть другие, ты же говоришь...

— А я и не сказал, что этот был моим.

Блеклые глаза смотрели, пронзая Реброва насквозь, на кафельную стену... или дальше? Что они видели, что скрывали за своей мертвой коричневатой зыбью?

— Я спрашивал... Я не хотел судить. И не сужу их, я только спрашиваю. Или отвечаю.

Врешь! Врешь! Врешь?

— А вокруг все умирают?

— За каждый вопрос приходится платить...

Еськов потрянул руками так, чтобы наручники блякнули о столешницу. Это не случайно, безразличие и пустота, должно так, идет как идет. Его плата, выходит? А почему нет? Он выискивал нечто, он должен расплатиться... Перед кем? Перед? Судишь? Голова кружилась. Роман достал пачку (руки заметно дрожали), закурил. Клубы дыма причудливо расплылись по комнатке, превратив невзрачную тусклость в изысканную «зловещ-

ность». Темные и непонятные тени заплясали вокруг, дергаясь в завихрениях сизого дыма, напрыгивая друг на дружку и перемешиваясь между собой.

Судить... давным-давно задав себе вопрос — зачем он пошел в органы — Роман Павлович так и не смог найти ответа. Раньше казалось, что для того чтобы помогать справедливости. Чуть, поставляя, где надо и по возможности, свое плечо. Это если откинуть самые обыденные и меркантильные мысли. Деньги, минимальная, но власть... тут все очень непросто, грязно и ... не оправдывается оно. Гораздо легче заработать «бабки» или подняться «наверх» в иных местах, не мараясь о похабность и... вопросы.

— Платить? Чем... жизнью? Скажи, разве это оправдывает цель? — Роман выпустил еще один клуб дыма, прикрываясь от испытывающего взгляда. «Будто не я... а он», — выдавил смешок «про себя» Ребров.

— Жизнь-смерть, это еще не самое страшное...

Несмотря на духоту, холод продрал Романа от плеч до поясницы, выступил тяжелыми каплями на лбу, так прозвучали эти слова из уст скрытого в полутьме, мельтешении теней и дыме «маньяка». Он вдруг подумал...

— Что ты имеешь в виду? Алексеев? Он... что с ним?

— Он захотел узнать много, но... кончился раньше... душа кончилась. Мелкая она была, хотела много, а отдавать не хотела.

Роман затянулся, увидел, что сигарета закончилась, и зажег следующую; пальцы плясали, не слушались. Жутко и холодно. Нереально холодно отчего-то. И невозможно жутко. Вопрос рвался изо рта, но спросить он не мог. Не осталось... страшно, страшно.

— Кончился?

— Протокол пишется... Остановиться нет возможности. За каждый вопрос надо платить. Все очень просто: нет платы, не задашь следующий вопрос. Не задашь...

— Кому платить? — слова вылетели раньше, чем Роман Павлович успел подумать о них.

Тени играли, вырастая из ниоткуда и скрываясь в никуда, выныривая и расплескиваясь по розово-морковным стенам. Роман подумал, что он сходит с ума, до того нереально было вокруг, до того происходящее не могло происходить! Он знал, что ответит Еськов, и уже жалел, что задал вопрос.

— Мне...

...Вопросы, вопросы, вопросы...

...С детства они лезут назойливыми мухами — кто? А потом — почему? Где? Зачем? Сто тысяч кто, сто тысяч где, сто тысяч почему. Сколько он задал вопросов в своей жизни? А? Отвечай! Да-да, именно за этим ты и пришел сюда, затем ты и стал дознавателем! Как все просто! Как все! Ты хотел задавать вопросы, только — чтобы ты! один! а тебе отвечали! В этом и цель твоя, и власть твоя, и деньги твои!

Нужна правда? Да? Сколько ты узнал правды, настоящей, настоящей?! Не той, которую хотел услышать, которую нужно было писать в отчетах и делах...

...дело номер тысяча восемьдесят два дробь двенадцать, начато...

...а той, которая...

...Алексеев, ты, ты тоже хотел узнать? Да? Отвечай!..

...Сковыривая ногтем кусочек кожи на яблоке, обнажая белую мякоть, хотим знать — что дальше. Встречая коричневую «битую», судим — плохое. И — ковыряем дальше.

О черт! Разве важно это? Разве ЭТО важно? Прочь! Узнать, нужно узнать.

Тишина, блеклая, глухая, мертвая. Тени, тени на стене, что пришли сказать вы мне? Может быть меня забрать? Я не дамся... вашу мать! Ребров не видел больше ужасного кафеля, он не обращал внимание на сумерки «шестидесятки». Глаза перестали видеть, уши слышать, нос — обонять. Он не думал, что можно крикнуть, позвать дежурного. Ведь позади Еськова раскинулись, стирая границы стен, черные будто бы крылья, едва помещаясь в тесной «пыточной». Разве это может быть, это...

— Неправда, — вслух сказал Роман Павлович, пытаясь голосом унять обуявший его ужас.

— Правда.

— В чем? — почти закричал Роман, — В чем твоя правда?

— Я хочу узнать сможешь ли...

Я? Смогу что? Снова вопрос, но нет, я не задам его тебе, тень на стене, не дождешься! Остановиться! Слова выдавились изо рта сами, он не хотел. Ребров сопротивлялся, а сил не было.

— Кто... ты?..

Шепот, тихий и страшный.

— Я тот, кто задает вопросы.

Правда... за семью печатями, за тридевятью землями, скрытая от глаз, утаенная от помыслов. Идти к ней, найти и остановиться у последней двери.

Роман ничего не видел, ничего не слышал. Он боялся, так страшно ему еще никогда не было. Он думал — и мысли неслись в голове со скоростью света. Их много. Слишком много чтобы понимать — о чем они. ТЫ захотел узнать правду, и теперь ты...

...как Алексеев...

стоишь перед последним замком, ключ в руке, вставь его в скважину, поверни, узнай. Давай!

Ключ всего лишь инструмент, от него нельзя умереть.

Ключ — это вопрос, последний вопрос — последний? Задай тот, что будет последним. А разве тогда... попробуй... Нужный... Правильный... Последний...

— Разве ты... есть?

Светящийся нереально прозрачный розово-морковный кафель на косых плоскостях туннеля уходящего в невообразимую даль, где в конце?.. начале?.. вспыхивал то ли солнечный свет, то ли горел огромный костер... стены распаиваются, уносятся все дальше и дальше. Темная?.. светлая?.. фигура исчезает, растворяется, смешивается, растворяется в темноте?.. свете?.. что он сказал?.. не сказал?..

Шаги прогрохотали по коридору, разорвав тишину, так что Роман Павлович даже вздрогнул. В воздухе плавал табачный дым, вися прослойками, словно перистые облака. Ребров с отвращением посмотрел на окурки в пальцах: пепел застыл длинной загогулиной, дрожащей и норовящей осыпаться невесомой пылью на изрезанную жизнью спину стола. Что за черт, он что, заснул?

«К стене лицом»

— Товарищ майор, подследственный Тишин...

«Кто?» — удивился Ребров и посмотрел на лежащее перед ним дело. Номер 1082/12.

Нечто неуловимое, осколок воспоминаний? deja-vю? мелькнуло в голове. Вот черт, это еще что за...

Роман мотнул головой, загоня непонятное царапающее чувство глубоко внутрь. «Соберись, ты на работе!» Ты дознаватель! Тебя ждет свидетель ЧП. Ты должен заняться им.

Ты — тот, кто должен задавать нужные вопросы.

Не судить, но докопаться до правды.

Настоящей.

Об авторе

Родился в 1976 году в провинциальном городе Петровске. Работает в администрации Петровского МР специалистом по защите данных. Первая публикация — рассказ «Я там был» состоялась в журнале Б. Стругацкого «Полдень XXI век» в 2006 году. С тех пор опубликовано чуть более полусотни рассказов в журналах «Знание-Сила. Фантастика», «Уральский следопыт», «Полдень XXI век», «Эдита», «Меридиан» и других; сборниках издательств «Эксмо», «Аэлита», «Шико», «Книжного Клуба «Семейного досуга» и других.

Дмитрий Шатилов

Когда покров земного чувства снят

Отец умер к полуночи, а воскрес перед рассветом, в час утренних сумерек. Когда я проснулся, он сидел за кухонным столом — маленький, худой, туго обтянутый кожей, с редкими волосами и большими ушами, которые в смерти, казалось, сделались еще больше. Перед ним стояла чашка — пустая, ибо мертвые не едят и не пьют. Я накрошил в тарелку черного хлеба, залил вчерашним молоком и сел напротив.

— Что ты, отец? — спросил я его, но он ничего не ответил, только покачал головой. Мертвые не говорят — таков закон Леса; о том, что им нужно, мы можем лишь догадываться, трактуя жесты и читая по глазам. Руки отца лежали на столе — узловатые, тощие, в синих венах. Указательный палец на правой легонько подрагивал — тук, тук, тук-тук. Живой, отец любил барабанить по столу: быть может, сейчас, перейдя черту, из-за которой нет возврата, он делал это именно для меня, словно желая сказать: смотри, я никуда не делся, я всегда буду с тобой.

Да, руки еще вели себя по-старому, но вот глаза — глаза его изменились, обрели двойное дно. Как и всегда, он смотрел на меня ласково и чуть насмешливо, вот только за обычным этим выражением просвечивало что-то другое, какие-то спокойствие, понимание, ясность — словом, то, что этому взбалмошному рыжему человечку, любившему кричать, спорить, ругаться и переживать из-за чепухи, при жизни было совсем несвойственно.

Метаморфоза эта опечалила меня. Я не боялся отца — все мертвые ожидают перед тем, как навсегда уйти в Лес — но этот неуловимый, загадочный свет в его глазах, он говорил слишком ясно, открыто, беспощадно: все прошло, боль кончилась, он уходит, а ты остаешься здесь.

Ком подкатил к горлу, мне захотелось сказать отцу «Прости меня, пожалуйста, прости!», хотя это он покидал меня, а не наоборот. Кто придумал этот извечный закон? Для чего Он на краткое время возвращает нам во плоти бессловесных, любимых наших, еще не позабытых мертвецов? Что ему нужно от нас? Наши слезы? Раскаяние? Сожаление? Любовь? Я не знал. Отец сидел передо мной, я мог дотронуться до него, обнять, уткнувшись носом в плечо, но все это было напрасно, исправить ничего было нельзя, и мне оставалось лишь плакать и радоваться сквозь слезы, что позади остались тяжелый хрип, рубашка, мокрая от пота, таз с кровавыми пятнами, агония и финальный перелом; что путь очистился, и впереди — Последнее Дело и дорога в окутанный белым туманом Лес.

Что он такое — этот Лес? Откуда он взялся и каково его назначение? В старых каменных табличках, по которым мы учимся читать и писать, говорится, что Он был всегда, что именно оттуда пришли первые люди, и именно там, среди мшистых елей, блуждают в вечном забвении те, кто некогда нас оставил. Правда это или нет — неизвестно. Мы провожаем мертвых до опушки, но следом не идем никогда.

Лес начинается сразу же за полями пшеницы, он окружает город сплошным кольцом, зелено-голубым колючим частоколом. Дело ли в неведомой силе, что исходит от вековых деревьев, или в негласном запрете, бытующем испокон веков, но и легкомысленные тропинки, и увесистые следы шин — все пути поворачивают, словно пасуя, перед этой глухой, грозной, молчаливой стеной.

Лес ограничивает наш мир, делает его простым и понятным. Все, что в городе — все знакомое и родное. Все, что там, в Лесу — непостижимое, неведомое. Лес для нас — это Тайна, Загадка. По нему проходит граница нашего миропонимания. Он воплощает собой рождение и смерть.

В сущности, достоверно о Лесе мы знаем только одно — то, что к нам он странным образом равнодушен. Речь идет о Последнем Деле: когда человек умирает, Лес на короткое время возвращает его к жизни, возвращает измененным, исправленным, зачем-то — немым — чтобы мы, живущие, помогли мертвецу обрести что-то важное, без чего он не сможет отправиться в вечный поиск под сенью хмурых еловых лап.

Полдни в нашем городе тихие: не слышно рева машин, скрипа качелей, детского смеха. Все вокруг словно спит в мягком солнечном свете: лишь курится труба пекарни да стрекочет из окна соседнего дома пишущая машинка. Я и отец — за три месяца болезни он словно сгорбился, стал ближе к земле — мы сидим на спортплощадке, на нагретых шинах, вкопанных наполовину в землю. Я только что сделал «солнышко» на турнике — совсем как раньше, когда мы тренировались вместе, и теперь думал: что же это — самое важное для моего мертвеца, что он возьмет с собою в последнее странствие?

— Помоги мне, отец, — попросил я. — Я ведь живой, я не знаю, что нужно. Что это — слово?

Он покачал головой.

— Вещь?

Кивнул.

— Хорошо, — сказал я. — Я принесу тебе, а ты выбери.

Я сходил домой и вернулся с его любимыми вещами. Я принес тяжелые водонепроницаемые часы со стершейся позолотой, набор пластинок, удочку и крючки, старый солдатский ремень, выцветшую фотографию матери, складной нож, любимую клетчатую рубашку — и каждый предмет своей ушедшей жизни отец встречал кивком узнавания, и каждый, осмотрев, откладывал в сторону — с любовью, но и с укоризной: не то, не то.

Я смотрел на отца и боролся с желанием дать ему бумагу и попросить написать желаемое. Это запрещали правила: только жесты, только глаза, только мучительный перебор возможного.

— Для чего это — как ты думаешь, отец? — спросил я его, а на деле — себя, конечно же. — Если это должно нас как-то сблизить, то почему

теперь, а не тогда, когда ты был жив? Если же нет, то зачем? Что это — загадка смерти, облеченная в плоть? Нет же никакого смысла в том, чтобы тебе забирать с собою что-то. Ты вполне можешь пойти и налегке, разве нет? Да и что ты будешь делать с этой вещью там, в белом тумане, среди вечных деревьев?

Говоря все это, я смотрел на свой — не наш, теперь только мой город — летний, теплый, окруженный Лесом, окутанный вечной тайной воскресающих и уходящих прочь — как вдруг на плечо мне легла рука отца. Я обернулся — глаза его смотрели понимающе, но строго — и устыдился своих наивных вопросов. Загадка Леса не требовала разрешения, она просто была, и мне в свою очередь оставалось лишь подчиняться ей, как все мы подчиняемся неодолимым силам — времени, полу, кровному родству.

— Хорошо, — сказал я. — Что тебе нужно — мы поищем еще. А пока — давай вернемся домой.

Вечером похолодало, из Леса повеяло хвоей, заморосил дождь, по улицам пополз белый туман. Отец не вернулся на смертное ложе, и, лежа в кровати, я слышал, как он бродит в своей комнате — босыми ногами по струганым доскам. Шаг, другой, остановка, снова шаг, круг за кругом — так память блуждает по знакомым местам, но не находит, за что зацепиться.

Наутро я думал продолжить поиски, но оказалось, что отец уже нашел. Мне стало стыдно — я словно сделал что-то не так, провалил испытание, не выполнил поставленную передо мной задачу, тем более, что вещь, которую он теперь держал в руках, принадлежала некогда мне. Это был его подарок, красный резиновый мячик, я играл с ним, когда был ребенком. Воспоминание: прыг-скок, мяч звонко ударяется об асфальт, пружинит в небо, падает, подпрыгивает, катится под машину, я лезу за ним, пачкаюсь, мать ругается, отец смеется — а я счастлив, мне ничего не нужно, кроме этого лета, этого дня, этой минуты.

Мячик потускнел со временем — сказались игры, лужи и, наконец, чердак, куда он отправился в день, когда мне подарили взрослый, футбольный, черно-белый мяч. Там он лежал десять лет — долгих десять лет в темноте, под протекающей крышей, среди пыльных, давным-давно забытых вещей. Сказать по правде, я почти не вспоминал о нем — все же это была детская игрушка, а о том, чтобы как-то продлить свое детство, я никогда не мечтал, пускай оно и было счастливым и безмятежным, то есть таким, каким ему полагается быть.

Мяч валялся на чердаке, а я жил своей жизнью. Каждый из нас был сам по себе. Но теперь этот маленький кусочек прошлого лежал в руках моего мертвеца, и значение у него было иное — не просто вещица, но якорь, закинутый в старые-добрые времена, ниточка, которая свяжет отца с домом.

Это был удар, и удар болезненный, в самое сердце — я скорчился бы от боли, когда бы не был внутренне готов. Лес забирал отца, но, словно в насмешку, напоминал, что он по-прежнему любит меня, что я по-прежнему для него важен.

Нет, это была даже не насмешка, а просто слепое равнодушие чего-то неизмеримо более огромного, что устанавливает законы жизни и требует их соблюдения — не важно как, пусть и ценою боли, горечи, слез. Нас было двое против него — я и отец — а теперь я оставался один.

Никто не следовал за нами, никто не хотел разделить мою ношу и проводить отца в последний путь. Мы остановились на опушке, недалеко от Лесной стены. Под ногами у нас была жухлая трава, пахло осенью, сыростью. Я кутался в пальто, а отец — он стоял, как есть, в будничной своей рубашке, брюках, с мячом, крепко прижатым к груди, и взглядом, устремленным куда-то далеко, за деревья, к неведомой, но манящей цели. Он не дрожал — холод, казалось, обходил его стороной, холодом был он сам — человек, который вот-вот исчезнет.

Минута, и отец тронулся, одолевая последний порог. Только на расстоянии я понял, какой он маленький, как остро торчат под рубашкой его лопатки, как странно и жалко он горбится, обнимая мяч, и мне захотелось окликнуть его, вернуть, сказать: «Оставайся, ничего страшного, мало ли на свете немых, холодных, оставайся, будь со мной, тебе не нужно идти» — но он уже не принадлежал мне и с каждым шагом уходил все дальше, пока не ступил под еловый покров и не окутался белым туманом. Некоторое время я еще различал его силуэт — странно, но он словно бы сделался больше, он словно вырос, мой отец — таким я, наверное, видел его в детстве — высоким, сильным, защитой, горой. Наконец, исчез и силуэт. Все кончилось, и я вернулся домой.

Чувства мои были двоякими — тоска и радость, тягость и облегчение. Я рад был, что отец больше не страдает, и печалился, что он ушел навсегда; я ценил ту возможность объясниться после смерти, что дал нам Лес — и все же лучше бы он не терзал меня жестокими чудесами. Я не видел в мнимом воскресении надежды, продолжения, иного, кроме путешествия в Лес — но поди объясни это сердцу, которому одного присутствия близкого человека достаточно для того, чтобы верить — он будет всегда.

В молчании, под шорох стенных часов сел я за поминальную трапезу. Я сидел, сложив перед собою руки, и думал: где ты сейчас, помнишь ли еще меня? Это был одинокий ужин под знаком отца — я все еще чувствовал его подле себя, но как бы за неким покровом, из-за которого он по-прежнему наблюдает за мной, но уже не может ответить, подать знак.

Мир вещей — кухня, дом, город — словно осиротел, и мало-помалу сиротство его просачивалось и в меня. Вещи принадлежали мне, но я не испытывал от этого радости. Отец ушел, и сын внутри меня умер. Я стал кем-то другим — тем, кем никогда еще не был — и мне надлежало свыкнуться с этим.

Я сидел на темной кухне и чувствовал, как меня овевает ветер времени, взросления и смерти — холодный, загоняющий душу в самые дальние уголки тела.

Об авторе

Родился в 1988 году в Красногорске, Московская область. В 2010 году окончил Московский государственный областной университет, учитель истории, аспирант. Работает продавцом автозапчастей. Публикации: 4 рассказа в журнале «Великоросс», 1 рассказ в сборнике «Русская фантастика-2016», есть еще где-то (точного списка не ведет). В № 1/2017 литературного приложения «Знание-сила: Фантастика» вышел рассказ «Язык Тилода».

Александр Змушко

Хронодискретность

В помещении, как всегда, было прохладно; прозрачный пол устилали серебристые ковры. Посетитель прошёл к одной из стоек, и аккуратно поставил кейс на густой ворс. Странное существо, напоминающее клубок из щупалец и глаза на стебельках, обратилось к нему:

— Специальный агент Моррисон?

— Да, это я.

— Приложите коготь к молекулярному сканеру для идентификации.

Миниатюрный алебастровый серп лёг на окошко дисплея. Аппарат загудел и выплюнул пластиковый прямоугольник

— Подтверждение получено, — сказал компьютер бархатистым голосом. — Ваше имя — Джеймс Анхель Моррисон, специальный агент, отдел по предотвращению преступлений. Вы можете пройти в комнату к умершвлённой.

— Благодарю.

Высокий демон в твидовом костюме церемонно склонил голову. Существо за стойкой поправило монокли и протянуло ему пропуск.

— Временная капсула номер 51. Код — «время смерти изменить нельзя».

— И снова благодарю.

— Как прошло ваше свидание, мистер Моррисон?

— Она оказалась суккубом. Я передал её отделу нравов.

— До чего прискорбно.

За чешуйчатым демоном встали в очередь: высокая девушка, облачённая в шляпу фокусника (и ничего более), кентавр в джинсовке и пожилая дама с шестиногой таксой. Дама беспрерывно ворчала, причём звуки доносились у неё откуда-то из живота. Джеймс улыбнулся:

— Пустяки. Не буду вас задерживать. Я пройду к безвременно почившей?

— Разумеется. Удачи вам, мистер Моррисон.

Демон улыбнулся, продемонстрировав тройной ряд зубов. Зубы блестели — он пользовался самой дорогой зубной пастой. Подмигнув гномине Фрейе из аналитического отдела, Джеймс ступил на самоходную дорожку — и та привезла его к высокой двери из полиуретановой стали. Зашипели пневмоприводы, и блестящие створки медленно разошлись. Поправив ярко-фиолетовый галстук, он деликатно кашлянул и ступил в святую святых — комнату для допросов.

За столом сидела высокая девушка. Она устремила на него взгляд, полный надежды. У неё был высокий ирокез, густо подкрашенные глаза, пирсинг на левой скуле и нагая грудь. Демон одарил её ослепительной улыбкой.

— Итак, это вы — пострадавшая?

Она опустила голову.

— Нам необходимо ваше сотрудничество, иначе мы так и не найдём убийцу.

Она прочистила горло.

— Это было бы весьма прискорбно, не так ли?

Демон выдвинул стул и расположился на нём.

— Мне бы очень хотелось помочь вам, мисс. Увы, у нас немного времени.

Она отчаянно потёрла лицо ладонями.

— Я ни черта не помню. Мы так надрались тогда в этом баре... В остальном — была обычная неделя.

— И, тем не менее, в ячейке от 15 февраля оказался труп.

— Да, чёрт возьми! — воскликнула она. — МОЙ труп!

Демон глубоко вздохнул.

— К сожалению, это именно так.

Он взял её за руку.

— Поверьте, я понимаю. Мы можем задержать вас лишь на два часа. После чего жизнь потечёт своим чередом...

Она всхлипнула. Тушь потекла, словно громадные чёрный слёзы, превращая щёки в готический арт-брю.

— О боже! Я хочу, чертовски хочу! О великий Ктулху и все сёстры его! Вы хоть видели ЭТО?! Снесена половина головы. Мозги на блузке. Руки переломаны. Вы представляете, каково на это смотреть?!

Он успокаивающе погладил её пальцы.

— Я всё понимаю. Видеть свою смерть всегда нелегко.

Девушка взбеленилась.

— Ни шиша вы не понимаете!!! Я бы всё отдала, чтобы найти убийцу! Предотвратить это!

— Отчего же, — мягко сказал он. — Для этого мы и существуем. Отдел по предотвращению убийств. Только представьте, каково жилось до изобретения дискретного времени? Раньше люди каждый день ходили на работу. И если уж убийство совершалось, мы ничего не могли сделать, чтобы это изменить. Теперь, когда жизнь стала хронодискретной, а временные петли — реальность, у нас появились возможности, о которых можно только мечтать.

Джеймс говорил без напора, излагая прописные истины.

— Поверьте, мне чрезвычайно жаль, что вам присвоили статус формально упокоенной. Синди Кокс обнаружил ваше тело в воскресенье, 8 часов вечера. Вы отработали свою обычную смену в баре «Выпей и стошнит», после чего вышли на проулок «Мясницкое авеню»...

— И спустя два часа Фрекель нашёл труп! Да я знаю, знаю! Уже просмотрела новости от «Морги интернейшенал».

— Временная петля должна замкнуться. Это обозначает, что спустя два часа мы должны отправит вас в ячейку «А67», которая локализует вас

в 6 часов утра 5 минут 15-го февраля. И тогда мы окажемся бессильны. Точка раздвоения будет пройдена, события станут неизбежными. Однонаправленными. Хронопоток подхватит вас и будет нести, пока не свершится неизбежное.

— Половина моей головы, — всхлипнула она.

— Но в данный момент ещё существует возможность переключения в альтернативную реальность. Мы должны обнаружить ключевой момент, точку бифуркации, которая позволит нам изменить события, пока не поздно. Вы всё ещё можете оказаться живы.

— Я уже видела некролог..

— Относитесь к этому стоически. У нас есть два часа, чтобы решить эту задачу.

— Ну почему, почему я не могу просто не прийти в эту чёртову ячейку?

— Вы ведь знаете это сама, миссис Мориссон. Если вы разомкнёте временную петлю, это, подобно спусковому крючку, запустит временной парадокс, дестабилизирует пространственно-временной континуум и уничтожит вас и ваше личное пространство, подобно чёрной дыре. Вы читали книжку Стивена Кинга про лангольеров? Произойдет нечто подобное. Они сожрут вас, эти маленькие злобные монстры.

— Жизнь несправедлива.

— Но смерть куда неприятнее.

Девушка сделала глубокий вдох, пытаясь успокоиться.

— Как там наши дети?

— Отправились на экскурсию, в прошлое. Во времена тираннозавров и прочей мути в стиле Стивена Спилберга.

Она нежно погладила демона по руке.

— Я видела фото с нашей свадьбы. Впервые мне показали его, когда мне было пять лет. Мы так чудно смотримся вместе. Ты — лучшее, что у меня будет. Ну как, ну как же я могла так вляпаться?!

В камере на миг воцарилось молчание. Наконец, демон тоже вздохнул.

— Я знаю. Я тоже люблю тебя, Джесс. Между прочим, неделю назад я вернулся с Гаваев. Там мы плавали в мелких бухтах и ели мороженое, а наши дети осваивали основы трансцендентной экономики. Мне вдвойне больно будет тебя потерять. Я ещё не побывал на нашей свадьбе, из-за хронодисCRETности, но я помню чудную ночь в отеле, когда ты выкрикивала все девяносто девять имён Азатота, изнемогая от страсти.

Он вонзил когти в полированный стол.

— Давай сделаем то, что можем, постараемся, Джесс? Я ведь я никогда никого не встречу, замечательнее тебя.

— Сделаем, Анхель, — прошептала девушка. — Прости меня. Я готова.

Она шмыгнула носом и утёрла слёзы батистовым платочком, превратив щёки в авангардное полотно из белил и туши.

— Давай найдём убийцу и предотвратим преступление, чтобы быть вместе! Демон улыбнулся.

— По рукам!

Об авторе

Живет в Минске, литературный псевдоним — Саша Тэмлейн. Публикации: роман «Конкурс «Мисс Галактика» (АСТ, июнь 2014 г.), рассказы «Конфета» («Полдень XXI век», сентябрь 2012 г.), «Долгая ночь» («Уральский следопыт», 2013 г, № 2), «Ирреальное объяснение» («Юный техник», 2013), «Принцесса и пастух» («Космопорт», 2013), «Призраки забытого» («Авторский стиль», 2013), «По Ту Сторону Шкафа» (журнал «ФанСіты», 2013), «Пернатый кот» («Областная газета», октябрь 2012), рассказы «Ручная эльфийка», «Свобода слова», «Суккуба в гостях», «Время» («Виртуальные радости»). Рассказ «Девушка у горы Коя-сан» (сборник по итогам конкурса «Согласование времён-2012»). Художественные статьи: «ОБЖ: как выжить в объятиях монстра» (журнал «ФанСіты»), «Я написал фантастический рассказ: как опубликоваться?» (альманах «Гротеск бытия»), «Незаслуженно забытый гений Роберта И. Говарда» (альманах «Гротеск бытия»), а также ряд статей в научной периодике. В № 2/2016 Литературного приложения «Знание-сила: Фантастика» вышел рассказ «Брачный ритуал».

Ольга де Бенуа

Сбежавшие ноты

Посвящаю Люсьену де Бенуа

Осень пришла в Париж не сразу. Еще ярко светило солнце, и веселые горожане, жмурясь под его лучами, сидели на террасах бистро, потягивали эспрессо или пиво, читали газеты и болтали о каникулах на Сицилии или в Ницце. Девушки носили балетки и воздушные платья, длинноволосые музыканты в футболках и кедах играли на улицах легкий джаз, голуби важно прохаживались по мостовым, а довольные городские коты, свернувшись клубком, спали на каменных скамейках и деревянных лавочках. С набережной Сены, усыпанной листьями кленов, долетали голоса студентов, которые играли на гитарах и ели сыр, запивая его дешевым, но вкусным вином.

Музыка звучала повсюду, и это была музыка лета. Все сияло и радовалось жизни. Это было лучшее время в вечном городе: время любви, легкой тоски и ветра в лицо. Но дни становились короче, а ночи — прохладнее. Просыпаясь по утрам в смятых постелях, парижане ежились под утренним воздухом, кусающим их за плечи, торопливо натягивали свитера и спешили на кухню: выпить чашечку горячего кофе. Деревья скрылись в легкой дымке золотистого кружева, редеющей с каждым днем. Иногда очень быстро, крадучись, проходил легкий дождь, искрился и исчезал в лучах сентябрьского солнца.

Шарль-Луи был почти счастлив, что с ним бывало редко. В свободное от работы время он брел по улицам куда глаза глядят. Со своим старым плеером, в огромных наушниках, с книгой под мышкой, он заходил в кафе, выпивал горячее какао и снова отправлялся в путь. Он прожил здесь всю жизнь и знал город лучше любого старожила. Особенно ему нравилось кружить по улицам Латинского квартала, смешавшись с веселыми толпами студентов и туристов, и в наушниках у него звучали любимые мелодии, которые он иногда напевал себе под нос.

Кто-то решил бы, что Шарль-Луи — чудак, хотя и довольно безобидный. В своем неизменном сером плаще и широких фетровых штанах, с клетчатым шарфом на шее и выдавшей виды синей шляпой на голове, он казался персонажем, сбежавшим со старой открытки. Он заходил в букинистические лавки на Сен Мишель, листал подержанные книги, крутил в руках виниловые пластинки с забытыми джазовыми и рок-звездами прошлого

века и неизменно возвращался домой с огромной сетчатой сумкой, наполненной альбомами, дисками и нотами. Только здесь, в этом потрепанном, пыльном, подержанном мире искусства и музыки, Шарль-Луи был в своей стихии. Его знали все продавцы книг и часто, увидев еще издалека, доставали из-за прилавков припасенные для него мелодии или же выцветший от времени альбом с биографией малоизвестного музыканта. Дома он разбирал свои сокровища, долго гладил пожелтевшие страницы и подбирал на фортепиано старые песни.

В его крошечной квартирке на Мормартре было все, что нужно пожилому холостяку: потемневший от времени кофейник, полки с книгами, гитары, фортепиано с клавишами цвета слоновой кости и страдающий одышкой кот по имени Стравинский. Был и маленький балкончик, совсем крошечный, выходивший на мощенную камнями улицу. На балкончике стояли плетеное кресло, проржавевший самокат и пара засохших фикусов. Когда за окном лил дождь, Шарль-Луи сидел там под огромным зонтом, закутавшись в красный плед, и смотрел, как брызги дождя пляшут на каменных мостовых, и желтые фонари отражаются на блестящей серой брусчатке. Порой он заглядывался и на влюбленные парочки, прыгающие по лужам и танцующие под дождем.

Шарль-Луи думал иногда, что этот короткий период беззаботной радости скоро уйдет вместе с солнцем, и на землю придут холод, серость и туман. Но он прожил достаточно, чтобы знать: радость сменяется печалью, а печаль — надеждой, солнце заходит за тучи, чтобы выглянуть из-за них через миг, все в жизни проходит свой круговорот, и возвращается на круги своя.

Скрипичный ключ

Началась эта история довольно безобидно. Вот уже много лет Шарль-Луи работал в музее музыки на Ла-Виллет. Жизнь его, хоть и наполненная маленькими радостями бытия, была размеренна и пуста. Но в последние несколько недель все перевернулось с ног на голову. Случилось что-то странное, невообразимое, что никак не укладывалось в голове у старика.

Шарль-Луи готов был поклясться, что кто-то крадет ноты в музее. Тут и там на страницах в сборниках нот попадались пустые места, где-то не хватало скрипичного ключа, а где-то — и целой пьесы. Во всем этом будто скрывался чей-то недобрый умысел. Не могли же ноты исчезнуть сами по себе! Шарль-Луи понимал, что нужно немедленно сообщить о происшествии. Да только кто ему поверит?!

Ноты стали пропадать постепенно. Во вторник музейный смотритель заметил, что старые нотные тетради на полках выглядели как-то неважно, как будто с их страниц кто-то слизал диезы, бемоли и басовые ключи. Начали бледнеть ноты ля и си, а потом и вовсе исчезли, ми вальяжно раскачивались на нотном стане, будто на качелях, а потом покинули линейки и отправились в свободное плаванье по страницам. К среде исчезли и они. Напрасно всматривался он обеспокоенно в тетради сквозь запотевшие очки. Нот как не бывало. К выходным перед ним лежали чистые разлинованные листы с несколькими высохшими разводами от кофе. Шарль-Луи то и дело промокал с лысеющего лба капли пота. От волнения его бросало то в жар, то в холод. Что же делать, если в музее не останется ни одной

ноты? Разве такое бывает — музыкальный музей без музыки? Это все равно, что музыкант без души.

Шарль-Луи обожал музыку и даже сам играл на гитаре, фортепьяно и саксофоне. Все время разучивал новые мелодии — Баха, Шопена, Вивальди, Штрауса, Моцарта, Вагнера и Рахманинова — пытался и сочинять. В его доме, заполненном виниловыми пластинками, старыми гитарами и проигрывателями, нотам жилось уютно. Возвращаясь из музея, в котором ноты продолжали загадочно исчезать, он с облегчением всматривался в свои книги и тетради. Там все было в порядке. «Уж вы-то меня не покинете!» — говорил он. Кот насмешливо смотрел на хозяина и многозначительно молчал.

Стравинский был флегматичным существом, с черной шерстью, в которой уже начинала проглядывать седина. Шарль-Луи любил разговаривать с ним, а иногда и наигрывал ему старые песенки. Старик был уверен, что кот за семнадцать лет жизни научился разбираться в музыке и жмурил глаза, когда ему особенно нравился тот или иной пассаж. Но, вполне возможно, что Шарль-Луи ошибался, и кот снисходительно терпел музыку, как терпел одинокую болтовню хозяина, зной, холод и ветер, старое потрепывающее радио, будильники и надоедливых соседских детей.

Вскоре ноты начали пропадать из всех сборников, стоявших на полках музея и даже в хранилище. Шарль-Луи собрался с духом и решил известить заведующего музеем о происшедшем. Месье Рипс, грузный мужчина в вельветовом пиджаке, с круглой, как у скрипичного ключа, спиной и орлиным взглядом, слушал его сбивчивые объяснения с усмешкой и смотрел на старика с таким видом, как будто готов был сию минуту отправить его на пенсию. Под этим жестким надменным взглядом, в котором читались лишь раздражение и презрение, Шарль-Луи смешался и вовсе замолчал.

— Значит, пропадают ноты? — спросил насмешливо месье Рипс. — Вы больше ничего не могли придумать?

Он полистал пустые тетради, потряс их перед носом Шарля-Луи, как будто надеялся вытрясти из них ноту-другую. Шарль-Луи понял, что заведующий ему не поверил.

— Может быть, нам лучше спуститься в хранилище, — пробормотал Шарль-Луи, — вы тогда сможете своими глазами убедиться в пропаже. Ноты совсем разболтались и не сидят на месте. Вы сами увидите!

И он умоляюще посмотрел на заведующего. Но месье Рипс наотрез отказался спускаться в хранилище.

— Вам следовало бы отдохнуть, да и поменьше пить, — заявил месье Рипс. Ничего хорошего это заявление не предвещало. — Вы уже не можете отличить пустые тетради от старинных рукописей.

Шарль-Луи пробормотал себе что-то под нос в оправдание, пулей вылетел из кабинета заведующего и побежал на свой этаж, преследуемый насмешливыми взглядами коллег. «Подслушивали», — понял он. Щеки его горели от унижения, глаза лихорадочно блестели, на душе было пасмурно и тревожно. Что же теперь делать? Не началась ли в стране музыкальная эпидемия, способная лишить нацию голоса? И вся надежда была на него, Шарля-Луи, музейного зрителя, неудавшегося музыканта, композитора и музыкального критика, *bon à rien*, как говорят французы. Вся надежда

была на него, и он готов был бороться до последнего и, если понадобится, пасть смертью храбрых.

«Что же мне теперь делать? — спрашивал он себя снова и снова. И, наконец, решил: «Обращусь-ка я к Роджеру. Он человек бывалый, поможет».

Ре-диез

Роджер был его старым другом по лицу. Он тоже с детства увлекался музыкой, но совершенно забросил ее, когда женился и устроился на работу в полицию. Роджер знал все и всех и, самое главное, относился к Шарлю-Луи с уважением. Уж он-то не отмахнется от этой истории, как от назойливой мухи, он точно поймет масштабность намечающейся катастрофы. Шарль-Луи с нетерпением ждал перерыва на обед, чтобы позвонить ему. Он присел у фонтана в парке Ла-Виллет с сэндвичем и стаканчиком кофе, набрал номер друга. Тот ответил ему сразу и, почувствовав тревогу в голосе Шарля-Луи, согласился встретиться на следующий же вечер.

Шарль-Луи ждал Роджера на террасе кафе, нервно выстукивая пальцами мелодии. Неподалеку на лавочке расположились алжирские музыканты, целый оркестр, и, сверкая зубами, играли задорные песенки. Окружившие их туристы и прохожие улыбались, снимали представление на телефоны, хлопали в ладоши и бросали им в шапки мелкие монеты. Проходящие мимо парочки останавливались у кафе и слушали музыку с застенчивыми улыбками, прижимаясь друг к другу, как нахохлившиеся голуби. Неподалеку, причудливо кланяясь толпе и покачиваясь, приплясывал старый клошар с бутылкой портвейна. Вечер был хоть куда. У Шарля-Луи потеплело на душе, как это с ним обычно бывало, когда он слушал живую музыку, жмурясь под лучами заходящего солнца и прихлебывая вино. Роджер опоздал на полтора часа, но наконец пришел, как всегда шумный и импозантный. Он поздоровался с другом, опустился, облегченно вздохнув, в плетеное кресло напротив и с удовольствием расстегнул свой безразмерный плащ, выставляя на всеобщее обозрение огромное пивное брюхо. Он запыхался, ему, видимо, было жарко, и он жестом попросил графин с водой и кофе у проходящего мимо официанта. Солнце почти село, его лучи играли на стеклах террасы и на ярких рыжих волосах сидящей на террасе дамы в зеленом пальто. Шарль-Луи, засмотревшись на нее, размышлял о том, что он мог бы, если бы жизнь распорядилась по-другому, сидеть рядом с ней, потягивать вино и говорить о любимых книгах, касаясь ее тонкой руки. Он мог бы даже сыграть ей на саксофоне — мечты, мечты! — а она бы улыбалась ему, согретая в лучах солнца. Но она, конечно, даже не смотрела в его сторону.

— Прости, я опоздал, — сказал Роджер. Шарль-Луи с радостью смотрел на умное лицо своего старого друга, скрытое за круглыми очками в черепаховой оправе, и на душе у него стало легко. «Уж он-то точно знает, что нужно делать», — подумал он.

— В этом городе все опаздывают, — добродушно ответил Шарль-Луи. — Трафик, пробки, дела. Это я так и не разучился приходить вовремя.

Роджер рассмеялся.

— Что у тебя нового, дружище? Рассказывай!

И Роджер поудобнее устроился в своем кресле, беззаботно вытянув вперед огромные ноги в видавших виды ботинках. Он никогда не знал, куда их девать, и давно отказался от надежды подстроиться под мир, скроенный совершенно не по его размерам. Официант принес дымящийся кофе с подогретым молоком в глиняном кувшинчике, Роджер смешал напитки и выпил залпом.

— Люблю кофе! — воскликнул он. Шарль-Луи ничего не ответил, только кивнул.

Они поговорили какое-то время о погоде, последних новостях, жене и детях Роджера, вспомнили студенческие годы и проказы. Они жили в одном городе, но, как это часто бывает, виделись редко. У каждого была своя жизнь, свои заботы, свои привычки и любимые кафе. Оба заметно постарели, потолстели, стали тяжелее на подъем: годы брали свое. Но, говорят, что настоящая дружба с годами крепчает, как старое вино, так случилось и с ними. Всякий раз, как им удавалось урвать часок-другой у повседневности, они не могли наговориться. Они все болтали, и Шарль-Луи не решался перейти к делу. Он не знал, с чего начать, но Роджер и сам чувствовал, что какой-то мучающий друга вопрос крутится у того на языке, и наконец, когда были заказаны и съедены стэйки с картошкой фри и яблочные пироги, выпиты еще один кофе и бутылка вина, он прямо спросил у Шарля-Луи, что же его терзает.

— У меня в музее пропадают ноты! — выпалил Шарль-Луи. — Я пока еще не оценил масштаб бедствия, но чувствую, что это только начало.

Он покраснел и смешался.

— Пропадают ноты? — удивился Роджер. — То есть старинные сборники нот?

— Не только старинные, но и совершенно новые ноты. Вот посмотри! — Шарль-Луи протянул ему полупустую нотную тетрадь.

— Так ты имеешь в виду — сами ноты? — сообразил наконец Роджер и с тревогой посмотрел на друга.

— Вот-вот! В моем музее исчезают ноты, и я совершенно не знаю, что с этим делать и к кому обратиться. Никто мне не верит, все говорят, что я спятил.

У Роджера на какое-то мгновение появилось то самое недоверчивое выражение лица, которое Шарль-Луи уже видел у месье Ропса.

— Нет, только не говори, что и ты мне не веришь! — взмолился музейный смотритель.

Роджер взял себя в руки и внимательно осмотрел рукопись.

— Это правда, — признал он. — Исчезли почти все ноты, как будто растворились на бумаге. Кто знает, может, они были написаны невидимыми чернилами? Если хочешь, могу взять тетрадь на экспертизу. Разберемся, что к чему.

— Спасибо! — Шарль-Луи закивал с энтузиазмом. — Я знал, что ты поможешь!

— А сколько всего нот исчезло? — спросил Роджер.

— Почти все. Они то появляются, то исчезают. И никто, никто кроме меня этого не видит!

— Молодец, что обратился ко мне. Я подумаю, чем смогу помочь, но у полиции сейчас много дел и без пропавших нот. Сам понимаешь. Преступность,

террористы... Ладно бы, кто-то украл рукописи или музыкальные инструменты. Мы отвечаем за пропавшие предметы, а не за их суть...

— Но ведь ноты — это главное, а бумага — второстепенное, — возмутился Шарль-Луи.

— Совершенно с тобой согласен, — торжественно сказал Роджер, — но в вещественном мире, в котором мы с тобой живем, главное не содержание, а форма, и не ноты, а бумага, на которой они напечатаны. Если это в моих силах, я тебе помогу. А ты пока держи ухо востро и, чтобы успокоиться, веди дневник наблюдений. И, ради бога, больше никому об этом не рассказывай. Считай, что это конфиденциально.

Слово «конфиденциально» Шарлю-Луи понравилось. Оно сразу придало проблеме соответствующий вес, и он несколько раз повторил его про себя.

— Конечно, я никому не скажу, — проговорил он. — Может, только Стравинскому.

— Вот и отлично. Созвонимся на следующей неделе, — сказал Роджер. — Как, кстати, поживает Стравинский?

— Совсем стал тугим на ухо, но еще держится. В последнее время он полюбил английский рок-н-ролл 70-х годов.

— Не могу в это поверить! — рассмеялся Роджер.

Шарль-Луи горячо пожал ему руку, и они разошлись. В эту ночь музейный смотритель впервые за последние недели спал спокойно.

Adagio sostenuto

Так он стал вести дневник наблюдений. По вечерам, как только в музее иссякал поток посетителей, Шарль-Луи, уходивший всегда последним, занимал свой наблюдательный пост в пустом зале. Новостей от Роджера не было, а звонить ему он не решался. «Работает человек, — думал он. — Изю всех сил ищет сбежавшие ноты. А я ему позвоню и отвлеку от дела!» Глотнув для храбрости стаканчик вина, бутылка которого была спрятана в рабочем столе, Шарль-Луи отправлялся на выжидательную позицию, вооружившись метлой, будто ружьем.

«Сегодня пропали ноты из старинной рукописи XVII века, той, что была подарена музеем достопочтенным месье... — с горечью отмечал Шарль-Луи в своем блокноте. Неужели они все ничего не замечают?» И его сердце, хотя и болело от утраты, наполнялось понятной гордостью, ведь будущее музея, да что там, Парижа, Франции и всего человечества было в его руках. И он еще крепче сжимал свою верную метелку. Роджер все не звонил.

Как-то вечером, оставшись совершенно один, старик сидел неподвижно в углу в легкой полудреме, растворившись в сумраке уходящего дня, и вдруг с волнением увидел, как ноты, помогая друг другу и растирая затекшие от долгого ничегонеделания поясницы, начали спускаться вниз по витрине. Они скользили по стеклу с уханьем, гиканьем и нестройным звоном и скатывались прямо на пол, где их уже ждали товарки, сжимавшие в руках нотные станы. Ноты смешивались друг с другом, не думая ни о красоте, ни о гармонии, и не в силах сдержать свое возмущение при виде такой вопиющей бестактности, Шарль-Луи бросился к ним. В ряду нот возникло смятение, и они пустились наутек. Так началась погоня. Шарль-Луи мчался

за ними, запинаясь о стулья и витрины, а ноты, теряя голову, летели к лифту, потом по лестнице — вниз. Он с ужасом увидел, что они со всех ног улепетывали к двери, которую он, раззява, забыл закрыть на замок. Но нотам и в голову не пришло толкнуть дверь и выбраться наружу. Они удрученно застряли у выхода, легкие, будто бабочки, и музейный смотритель бросился к ним, потрясая своей метлой, словно копьем индейца.

— Попались, голубчики! — торжествующе крикнул Шарль-Луи. Ноты, охваченные паникой, стали бестолково кружить в воздухе, они сталкивались друг с другом, издавая то мелодичный звон, то легкую какофонию, а когда в общей давке наступали на басовый ключ, раздавались низкие звуки, как будто кто-то гудел в тромбон.

Однако радость Шарля-Луи была преждевременной. Когда он с урчанием охотящегося кота бросился на ноты, в ужас столпившиеся возле стеклянной двери, та распахнулась, и ему удалось поймать лишь грудку причудливо расчерченных осенних листьев. Ноты испарились, будто их и не было.

— Исчезли, ушли, покинули меня! — воскликнул Шарль-Луи, сел на пол, обнимая метлу, и заплакал. Он сидел так долго, не в силах справиться с накотившимися вдруг на него слабостью и апатией. «Может быть, мне и вправду все это только кажется? — думал он. — Может, ничего этого и не было». Наконец, он заставил себя подняться, поставил метелку в шкаф, потом обошел весь музей. Он с подозрением изучил оставшиеся ноты. Они выглядели совершенно невинно и даже не думали покидать свое место. Но кое-где на нотных станах зияли дыры, как будто корова слизала языком целые мелодии.

Он заснул в своем кабинете уже под утро, а когда проснулся, бросился в залы музея и обнаружил, что исчезли все мажорные мелодии, не осталось практически ничего!

Он позвонил Роджеру. Тот ответил:

— Знаешь, анализ рукописи ничего не дал. Такое ощущение, что она всегда была пуста. Мы продолжаем расследование.

— Дело еще серьезнее, чем я думал! — завопил Шарль-Луи в трубку. — Теперь начали пропадать звуки из музыкальных инструментов.

— Да такого просто не может быть! — воскликнул Роджер.

— Вот увидишь!

Роджер лично пришел в музей под видом обычного посетителя, чтобы не привлекать внимание. Он был наслышан о грозном месье Рипсе, и Шарль-Луи не мог не порадоваться его тактичности. Вместе они обследовали все помещения, даже склад. Все было в порядке. Все ноты были на месте, и Роджер с беспокойством смотрел на друга, который пытается доказать свою правоту, вытаскивал все новые дудки и разворачивал старинные документы.

— Знаешь, дружище! — сказал наконец Роджер. — Думаю, тебе пора в отпуск. Когда в последний раз ты отдыхал на море? Вот и поезжай!

Шарль-Луи пожал ему руку, проводил его до выхода, но на душе у него была тоска.

— Ты же еще вернешься? — спросил он, заглядывая Роджеру в глаза. — Дело ведь не закрыто, просто по-прежнему конфиденциально?

Тот кивнул, обнял его на прощание и долго не хотел выпускать из своих огромных любящих рук.

— Береги себя! — сказал он на прощание. — И знаешь, бог с ними, с нотами. Мир на музыке не сошелся клином, обойдется и без нее.

С этого дня исход нот принял чудовищный размах. Опустели не только все нотные тетради, пюпитры и даже картинки и репродукции с нотами, но и скрипки, древние инструменты, дудки, контрабасы. Сколько ни играй — из них не выдавишь ни одного звука. Да и у него дома все инструменты сначала расстроились, а потом вообще отказались играть.

— Как будто сговорились, — возмущался старик.

Шарль-Луи подумывал снова обратиться в администрацию музея, но немного побаивался. Вдруг там решат (а уж месье Рипс точно!), что он не справляется с обязанностями, и намекают, что ему стоит уволиться? Или же арестуют за хулиганство, а то и попросят показаться психиатру. Лишиться работы в музее Шарль-Луи не мог. В этом была вся его жизнь. Да и ставить под вопрос свое психическое здоровье ему не хотелось. Потому он решил написать самому президенту, объяснить ему все и попросить объявить в стране чрезвычайное положение. Он написал это письмо в самых изысканных выражениях, не забыв добавить «примите изъяснение в моем глубочайшем уважении», как это обычно делали банковские служащие, когда требовали с него деньги. Но, несмотря на безупречную орфографию и эпистолярный стиль, Шарлю-Луи, конечно же, никто не ответил. Правительство было занято экономическим кризисом и безработицей, раздуванием внешнего долга и очередными выборами. До музыки ему не было дела.

Безмолвный город

Шарль-Луи перестал спать. Ворочался с боку на бок, считая белых овец. Овцы были упрямыми, толпились, тыкались туда-сюда и категорически отказывались перепрыгивать через забор. Некоторые подходили к Шарлю-Луи близко, заглядывали в лицо своими печальными глазами и задумчиво блеяли: доремифасолья...

После того, как нота лишилась его любимая книга, подаренная на восьмилетие бабушкой, Шарль-Луи, чтобы уснуть, стал считать мелодии. В его полудреме ноты прыгали, летали в облаках, как заморские птицы, путешествовали по океану: скрипичный ключ, разряженный как пират Джек Воробей, командовал компанией, отправившейся на корабле на поиски Нового Света. Ноты ре и до болтались на мачтах, куря трубки и отказываясь издавать звуки, а ноты си сидели в кабаке где-то в Новой Луизиане и простуженными, охрипшими голосами требовали романсу.

Ноты спешно покидали город. Лишенный музыки город как будто потерял часть своей души. Смолкли бары, опустели мюзик-холлы и театры, в кино показывали пустые фильмы с вымученными диалогами и надоевшим экшеном, исчезли уличные музыканты и птицы, по радио стали передавать только бесконечные разговоры и сводки политических новостей. Шумный город, наполненный гулом автомобилей и смогом, криками торговцев и бизнес-ланчами, будто ничего не замечал. Он пустел изнутри, но продолжал существовать так, как будто ничего не случилось. Люди жили

без музыки, без улыбок, без надежды. Влюбленные, встречаясь, не знали, куда пойти и чем заполнить повисшую тишину.

Это было очевидно (но почему-то очевидно это было только Шарлю-Луи): наступил конец света, о котором вот уже тысячи лет грозно заявляли проповедники и пророки, и вот он пришел, и никому до него не было дела. Когда Шарль-Луи встречал знакомых музыкантов и пытался осторожно завести разговор о музыке, те с горечью сплевывали под ноги и говорили: музыка уже не та, не приносит денег, на нее не проживешь. Людям нравятся только однотипные, повторяющиеся мелодии, или же музыкальный шум. «Пора уходить, — говорили музыканты, — заняться серьезным, взрослым делом». И растворялись в толпе офисных клерков, бизнесменов и безработных.

Музыка, когда-то звучавшая в Париже со всех сторон, стихла, как будто ее никогда и не было. Улицы утратили свой шарм, перестал звучать детский смех. «А что такое смех? — думал Шарль-Луи. — Неконтролируемая мелодия». Опустили бары и рестораны. Вечный город, лишенный голоса, будто выцвел на солнце. Без музыки действительность за окном казалась грустной и линейной, как будто придуманной каким-то бездарным писателем. Но странное дело: никто кроме Шарля-Луи, этого вечного чудака с трепещущей, как у птицы, душой, будто и не замечал перемен.

Однажды вечером ему позвонил Роджер. Шарль-Луи лежал в постели больной, прижав к груди кота, и некому было подать ему воды. Его бил озноб, и он был так слаб, что то и дело проваливался в отрывистый сон, и во сне он сам был нотой, которой вдруг стало скучно на нотном стане и захотелось отправиться в кругосветное плавание. Видел он себя и маленьким мальчиком, который с замиранием сердца слушает мелодии старого скрипача на рождественской ярмарке. Вокруг него шум, гам, а он слышит и видит только скрипача, а все другое для него не существует. Именно тогда он решил стать музыкантом. Да ведь ему ничего не было нужно от жизни, кроме музыки! Когда-то, как это свойственно юности, он мечтал о великих свершениях, прекрасных мелодиях, головокружительном призвании и прочем. Где, когда он свернул не туда? Когда он смирился, погас и научился довольствоваться малым? Роджер, услышав его простуженный хрип, приехал с лекарствами и едой, заставил выпить горячий чай с ромом, чтобы Шарль-Луи хорошенько пропотел.

— Ты же понимаешь, что сводишь себя с ума? — спросил Роджер. — Да что же ты так помешался на этих нотах. Уходят, и пусть уходят! У нас есть дела поважнее. Отдыхай! Набирайся сил! Буду тебе звонить каждый вечер!

Когда его друг уходил, Шарль-Луи слабо улыбнулся ему.

— Как хорошо, когда ты не одинок, — сказал он. Стравинский, уплетавший принесенный Роджером паштет, был совершенно с ним согласен.

Парижский Нотолов

Шарль-Луи перестал бриться и есть, да и вообще заметно опустился. Коллеги никогда особо не стремились к общению с ним, а теперь и вовсе стали его чураться. Месье Рипс вызвал его к себе и предложил уйти на пенсию. «Мы ценим ваши заслуги, Шарль-Луи, — заявил он. — Вы хорошо поработали для музея, и теперь вам пора отдохнуть. Пусть работают моло-

дые. А вы путешествуйте, наслаждайтесь жизнью! Заведите себе хобби! И поверьте, нам вас будет ужасно не хватать!» Старик был на все согласен, он и вправду устал. Он собрал какие-то вещи, которые у него еще оставались на работе, и ушел домой, ни с кем не попрощавшись. «Я свободен, — сказал он Стравинскому. — Впервые в жизни совершенно свободен!»

На следующий день он проснулся в окутанном серым маревом сумраке раннего утра, выглянул в окно и увидел, что в городе пошел снег. Белые хлопья летели с неба, как легкие сонаты, и таяли на мостовой, и Шарль-Луи понял, что в город пришла зима и что все пропало. Он вышел из дома и бродил по будто уснувшему городу, в этой могильной тишине, наполненной пасмурными лицами одиноких прохожих, и забрел в старую церковь, чтобы погреться. В церкви звучала чарующая музыка. Видимо, сюда музыкальная эпидемия еще не добралась. Старик сидел, ссутулившись, на своей скамейке в углу, в полном одиночестве, и жадно слушал последнюю мелодию уходящего мира, в котором ему не было места. Так он сидел долго. Ему не хотелось никуда идти, ни о чем думать.. И вдруг он с благоговением увидел, что ноты, будто галдящие птицы, взмыли ввысь из органа и, кружась, растворились высоко-высоко под куполом. Шарль-Луи смотрел на них с умиротворением. Он был стар и устал бороться. «Музыке не место в нашем мире, — думал он. — Не осталось для нее места в наших сердцах, мы живем в печали и вечном шуме, вот мелодии и уходят в небытие. Они уходят к Богу, как и мы все». Он смотрел на последний танец нот, и на сердце у него была долгожданная тишина.

Как-то вечером Шарль-Луи возвращался домой пешком. Он совсем постарел и шел по набережной Сены, ссутулившись и не глядя по сторонам. Он прочитал в газете, что музей музыки на Ла-Виллет закрыли за ненадобностью. Кому нужен музыкальный музей, если музыки не существует, да и никогда не существовало? И вдруг он услышал волшебную мелодию, поднял глаза и увидел его, Парижского Нотолова, смуглого, худого, в сером плаще и черном берете, последнего музыканта на земле. Нотолов сидел на заснеженной скамейке и играл на дудочке, а вокруг него приплясывали хмельные и радостные ноты, как будто их кто-то дергал за воображаемые нитки. Казалось, никто кроме Шарля-Луи его не замечает. Старик видел, как со всех сторон, из всех щелей к дудочнику стремились белоснежные букашки, бабочки и птицы, звенели в воздухе мелодией, кружились как снежинки — все эти до, си, ре, ми. Спешили со всех ног скрипичные и басовые ключи, бемоли и диезы, путались и распутывались нотные станы. И в воздухе плыла такая дивная мелодия, что у бедного Шарля-Луи закружилась голова, как будто он слишком много выпил чудесного искрящегося вина. Он смотрел во все глаза на странного музыканта, и тот вдруг заметил его и, пристально глядя на него своими зелеными глазами, в которых будто плясали золотые мотыльки, поманил за собой.

— Пойдем со мной, — сказал Нотолов Шарлю-Луи, — пойдем со мной в Страну Нотного Листа, туда, где музыка растет из земли и неба, застывает в воздухе и сияет на солнце, как сталактиты. Там по утрам распускаются чудесные мелодии, яркие и нежные, как алый бутон, звонкие, как раскат

грома, или же легкие, как прикосновение ребенка. И все замирают при виде этого чуда, и слезы радости бегут по их щекам. Пойдем туда, где рассветы звенят на самые различные лады и вечера наполнены разговорами и песнями, туда, где люди живут в скрипках и фортепьяно и улыбаются друг другу при встрече. Пойдем со мной. Там ты будешь среди своих, там исчезнут все твои тревоги и печали.

— Так это ты, — прошептал старик, пытаясь дотронуться до него дрожащей рукой, и слезы брызнули у него из глаз. — Это ты!

Шарль-Луи сел рядом с ним на лавочку, и Нотолов еще долго нашептывал ему о своей чудесной стране и играл на дудочке, пока бывший музейный смотритель не уснул, убаюканный этой дивной мелодией, и во сне все время повторял: «Вот он, вот он — Мастер, который спасет и уведет все ноты за собой, в дивный мир, где царят гармония и счастье...»

— Но, — встрепенулся Шарль-Луи, — а как же Париж, как же Париж, лишенный музыки и грез? Я должен остаться, должен спасти город! Я должен!

Он сам не заметил, как соскользнул со скамейки вниз. В своей музыкальной дреме он слышал голоса сгрудившихся вокруг него людей, чувствовал мягкие руки какой-то женщины, касающейся его лба, потом — пронзительный визг сирены, и больше ничего. И он понял, что впервые в жизни безоговорочно счастлив, и хотел сказать им об этом и поблагодарить за заботу, а еще позвонить Роджеру и попросить позаботиться о старом одиноком коте в маленькой квартирке на Мормартре. Сквозь полузакрытые глаза он увидел последнюю ноту зимнего города, выпорхнувшую из его груди. И все смолкло.

Об авторе

(Рожд. Виноградова Ольга Валерьевна) родилась в 1985 году в сибирском городке Киселевске. Выросла в Ташкенте, куда ее в раннем детстве увезли родители. В 18 лет вернулась в Сибирь. Закончила отделение филологии НГУ (г. Новосибирск), а также Сорбонну и Манчестерский университет, где изучала международную коммерцию, экономику, менеджмент и право. Жила, училась и работала в России, Англии и Франции. Работала журналистом, переводчиком и фоторепортером, а также SMM, менеджером по маркетинговым коммуникациям и связям с общественностью. писатель, фотограф, автор проекта «Города и люди». С 2008 г. живет в Париже. Начала писать рассказы и стихи еще в детстве. Публиковала рассказы в литературных журналах («Ликбез», «Точка зрения», «Трамвай», «Зарубежные задворки»). В 2009 г. вошла в лонг-лист международного литературного конкурса «Русская премия» со сборником рассказов «Ящик Пандоры». В 2015 г. повесть «Спящие красавицы» также вошла в лонг-лист этой премии. С сентября 2016 г. решила полностью посвящать себя литературе, стать профессиональным писателем. В настоящее время заканчивает работу над сборником рассказов «Время дождя. Парижские истории», ведет блог о Франции, а также занимается авторским проектом «Города и люди»: берет интервью у творческих людей из разных городов мира, в которых они рассказывают о жизни, судьбе, творчестве и любимых городах.

Леонид Пузин

Вечное золотое стило

После творческого вечера был банкет, после банкета — такси, на котором две не совсем трезвые поклонницы доставили совсем нетрезвого Артёма Сойкина в «секретную», доставшуюся известному литератору от бабушки, двухкомнатную квартиру. На стареньком дребезжащем лифте подняли писателя на второй этаж, из кармана куртки выудив связку ключей, открыли входную дверь, не без труда довели спотыкающегося Артёма до широкой тахты и, сняв с рухнувшего и сразу захрапавшего сорокапятiletнего мужчины ботинки, стали гадать, что делать: развезаться по домам? Заночевать у него?

— Да ничего с ним не случится, — подводя итог сорокаминутной дискуссии, заявила давняя, ещё с университетской поры, подруга Артёма и его жены Нины крупная рыжеволосая Анна Глазычева. — Ты, Зиночка, как хочешь, а я сваливаю. Ещё чашечку кофе и домой — баиньки.

— А может ему надо «скорую»? — Побеспокоилась имеющая виды на восходящее светило российской словесности Зинаида Кравец — двадцатидевятилетняя журналистка из хорошей семьи, обеспеченная всем, кроме мужа.

— Что, Зиночка, пьяный мужик для тебя в диковинку? — съехидничала ревнующая к удачливой молодой сопернице Анна. — Ничего, привыкнешь, такова наша бабская доля. И хоть вы, молодые, теперь жутко эмансипированные, но всё равно... природу не переделаешь... ладно, Зина! Мой злой язык — прости, — сообразив, что в её возрасте открытое проявление стервозности, как говорится, себе дороже, пошла на попятный Глазычева. — Ты Артёма знаешь только четыре года, а я — больше двадцати пяти. Со второго курса. Ну да, последние лет десять, двенадцать он пьёт совсем немного, а таким бухим, как сегодня, я его уже Бог знает сколько не видела. Но до тридцати он напивался часто. Нинка в своё время здорово с ним намаялась. Не алкоголик, конечно, но... Хорошо — никогда особо не куролесил. Покочевряжится немного и спит. Так вот: никакой «скорой» ему не надо. Проспится — и всё тут. А завтра, с похмелья, будет виноватый и злой. Ты уж, если заночуешь, будь с ним поласковее. А вообще... с чего бы это вдруг на него нашло?... рюмку за рюмкой — как в молодости... ладно, Зинуля, я поехала... а ты?

Зинаида подумала и осталась.

Проснувшийся около шести утра Артём приятно удивился, обнаружив рядом с собой укрытую пледом молодую любовницу — не побрезговала

лечь с пьяным мужиком. Хотя, конечно — кроме, как на тахту, лечь ей в этой квартире всё равно было некуда. И если уставшая и тоже не совсем трезвая женщина не захотела спать сидя в кресле — ничего удивительного. Другое дело — осталась. Хотя...

Сойкину пришло на ум довольно-таки циничное сравнение Зинаиды с охотницей, а себя с лакомой дичью, но не совсем оправившийся от алкогольного отравления мозг устало заметил: кончай эту фигню. Вот сядешь за компьютер, тогда и давай волю своей мизантропии — человеконенавистник хренов! А сейчас, знаешь ли...

С трудом встав с тахты, Артём добрался до стоящего на кухне холодильника, достал из него бутылку немецкого пива, открыл и прямо из горлышка сделал несколько крупных глотков — полегчало. До такой степени, что писатель смог вспомнить не только вчерашний творческий вечер, но и почти весь банкет — кроме единственного момента: что же всё-таки подвигло его напиться до такого паскудного состояния? Почти — как в молодости. А ведь что-то такое было... иначе бы он, последние десять лет пьющий очень умеренно и только хорошие вина, не стал бы глушить водяру — рюмку за рюмкой... нет! Что-то определённо было, но... что?

Как мучительно Артём Сойкин ни напрягал память, но этот каверзный момент от него упрямо ускользал: обычные банкетные речи, шампанское за его гениальность, рюмка коньяку... и вдруг... то ли несколько нелицеприятных слов?... то ли двусмысленный сувенир на память... короче — вздор! Российского литератора, привыкшего к хамству редакторов и издателей, непросто прошибить самыми обидными словами. Тем более — глупым сувениром. А вот, подишь ты! Напился. И ведь, главное: вроде бы всё помнит — даже, как Аня с Зинойчкой везли его на такси и поднимали на лифте — а какой-то ничтожный моментик в середине застолья вылетел, хоть убей!

Допив пиво, Артём вдруг поймал себя на том, что страстно мечтает закурить — этого только не хватало! Двенадцать лет назад, когда к нему — молодому прозаику постинтеллектуалисту — пришло первое признание, видит Бог, какого труда стоило избавиться от этой ужасной привычки, и что же? Всё псу под хвост? Стоило проснуться с похмелья — лёгкие сами о сигарете вспомнили? А как же здоровый образ жизни? Твёрдое намерение встретить свой девяносто девятый день рождения, до той неблизкой поры осчастливив самую читающую в мире страну девяносто девятью томами бессмертной постинтеллектуалистской прозы? Да что там, постинтеллектуалистской — наедине с собой можно не скромничать — постгуманистической... чёрт! Прямо-таки смертельно хочется закурить! Куда сильнее, чем в первые три месяца после того, как он бросил... н-н-да! С похмелья ему этой попытки не выдержать... одна сигарета не повредит... да, но где её взять? Не тащить же ни свет, ни заря за куревом?... стоп! У покуривающей в тайне от него Зинойчки — должны быть. Нехорошо, конечно, без спроса шарить в чужой сумочке, но не будить же её из-за такого пустяка?..

Обнаружив вожделенную пачку сигарет, Артём Сойкин, прежде чем защёлкнуть изящное кожаное изделие, машинально заглянул в него и увидел тускло поблёскивающее ЭТО. И вспомнил всё — будто из его памяти извлекли ржавую занозу: конечно! В середине банкета, когда большинство

приглашённых было уже в изрядном подпитии, к нему подсел незнакомец — светлый, голубоглазый и, несмотря на эти яркие приметы, совершенно не запоминающийся — незнакомец как незнакомец. Разве что — с удивительно мелодичным, глубоким голосом. Однако произнесённые этим обволакивающим голосом дежурные комплименты тоже совсем не запомнились. Кроме окончания последней фразы: «...словом, Артём Викторович, от имени Союза Хранителей позвольте вручить вам этот скромный подарок — вечное золотое стилlo».

«Ведь так и сказал шельмец, «вечное золотое стилlo»! — закуривая, вспомнил Сойкин. — Дикая претенциозность, но...»

Почему-то на банкете эти слова нимало не оскорбили его изысканный литературный вкус: золотое — так золотое, стилlo — так стилlo. Тогда, поблагодарив незнакомца, Артём немного повертел между пальцами шариковую авторучку, гадая, жёлтый ли это металл или золотистый пластик, но скоро, утратив интерес — явно не «Паркер»! — передал изящную безделушку Зиночке и... налил себе водки! И ещё одну рюмку.. А когда Зиночкино любопытство побудило её обратиться с расспросами к незнакомцу, того уже рядом не было — стул слева от писателя вновь занимала отлучавшаяся куда-то Аня... Между тем, как Артём пил уже четвёртую рюмку..

И сейчас, увидев в Зинаидиной сумочке тускло мерцающую авторучку, писатель почему-то сразу понял, что в нарушении им заповедей здорового образа жизни повинен именно этот данайский дар — ох, не зря предупреждал Булгаков: никогда не разговаривайте с незнакомцами! И уж тем более — не принимайте от них подарков!

И если бы Артём внял этому мудрому предостережению и каким-нибудь образом избавился от сомнительного сувенира, то, возможно, и осчастливил бы читающую публику девяноста девятью томами постинтеллектуалистской прозы — увы, начиная с Адама и Евы, мало кто мог удержаться от пагубного любопытства.

Достав авторучку из Зинаидиной сумочки, писатель удивился её необычайной тяжести: нет, конечно, не пластик — металл. А вдруг, да и вправду — золото? Вздор, разумеется... скорее всего — анодированная бронза... но явно — не ширпотреб... явно — штучное производство...

Всё более заинтересовывающийся Артём снял колпачок, нашёл лист бумаги и попробовал авторучку — остался чёткий фиолетовый след. И вдруг Сойкину неудержимо захотелось что-нибудь написать. Нет, извините — не что-нибудь, а маленькую фантастическую новеллу. Короче — художественный текст. Написать от руки — чего он не позволял себе уже лет пятнадцать: действительно, современный текст карябать допотопным пером — по меньшей мере, не профессионально. Конечно, пишущая машинка — тоже не Бог весть что, но в начале девяностых до России докатилась волна всеобщей компьютеризации, постинтеллектуалистская проза расцвела, а Артём Сойкин почти разучился писать авторучкой. Так — адреса, телефоны, коротенькие заметки на память... и вдруг — на тебе! Зажатое в руке золотое стилlo вот-вот само побежит по бумаге! И побежало бы — не будь похмельного тремора. А также — тяжести в голове, мути в желудке и прочих полубытых «прелестей» абстинентного синдрома.

Слегка испугавшись, Артём положил авторучку на стол — писательский зуд в пальцах сразу пропал: то-то же! «Мы писали, мы писали, наши пальчики устали», — он что, первоклассник? Или студент отличник на лекции по истмату? Ведь уже в девятнадцатом веке самые продвинутые беллетристы пользовались услугами стенографисток! Тот же Достоевский. А в двадцать первом? Нет, мазохисты, которым нравится, когда их пальцы сводит болезненная судорога, случаются и сейчас, но он не из их числа! К тому же — профессионализм! Ведь всему свету известно, что в постгуманистическую эпоху полноценный текст может быть изготовлен только на компьютере — и надо же! Вечное, видите ли, золотое стило — будь он не ладен этот голубоглазый делегат от Союза Хранителей! Кстати — хранителей чего? Ведь в наше время развелось столько союзов и партий... особенно — охраняющих священные традиции великого русского народа... пекущихся о духовном здоровье и нравственной чистоте нации... не приведи Господь!

На мгновенье литератору Сойкину сделалось по-настоящему страшно, но он тут же взял себя в руки: вздор! Абстинентный синдром, и только! Наши новоявленные «хранители» публично секут неугодные им книги, а не дарят их авторам волшебные авторучки... волшебные? А ведь волшебство бывает со всячинкой... с какой стати, несмотря на похмелье, его пальцы так и потянулись к лежащей на столе маленькой золотой фиговинке? Спрятать её — и побыстрее!

Артём встал, осторожно взял авторучку, отнёс её в служашую рабочим кабинетом комнату унаследованной от бабушки квартиры, опустил в ящик письменного стола, запер его на ключ и вернулся в кухню — уф! «Бойтесь данайцев, дары приносящих!»

Однако, убрав с глаз долой опасный сувенир, вырвать его из сердца Сойкин не смог — мысли писателя постгуманиста продолжали вращаться вокруг золотой авторучки: чёрт! Пора положить конец этому безобразию!

Понимая, что от пива толку сейчас не будет, Артём достал из буфетного шкафчика початую бутылку французского коньяка и, не смакуя, одну за другой выпил три больших рюмки; заодно — грешить так грешить! — выкупив ещё две Зиновкиных сигареты. Напряжение спало, писатель переоделся в спортивное трико, достал из ящика комода тёплый плед и устроился на тахте рядом с так и не проснувшейся за всё время его похмельных страданий любовницей.

Когда в двенадцать дня Сойкин пробудился во второй раз — Зинаиды в квартире не было. Оставленная на кухонном столе записка извещала, что она дико извиняется, но по сотовому ей позвонили из редакции — так что... вернётся, словом, после шести. Для Артёма это сейчас не имело особенного значения: похмельная маета, что в одиночестве, что вдвоём — без разницы.

Однако, выпив крепкого кофе с коньяком, писатель-постгуманист почувствовал себя удивительно бодрым — надо же! Никакого похмелья. И, что вдвойне отрадно — ни малейшего желания закурить. Более того: Артём Викторович вдруг почувствовал неудержимую тягу к письменному столу — чего вообще никогда не случалось прежде, даже и в ранней молодости: с похмелья Сойкин работать не мог. Имеется в виду — работать творчески. Когда после университета он служил в газетной редакции, отбывать часы, разумеется, приходилось мучиться, но чтобы самому?... по собственному желанию истязать себя за письменным столом?... он, извините, не страстотерпец! В святые

не рвётся! И вдруг... чёрт! Неужели он прямо сейчас от кухонного стола перейдёт к письменному? От кофе с коньяком — к компьютеру? Нет, невозможно! Но и сопротивляться неудержимому желанию писать тоже нет сил. И?..

...и Артём Викторович встал из-за кухонного стола, перешёл в рабочий кабинет и включил компьютер. Вывел на дисплей свой последний незаконченный текст, пробежал глазами несколько страниц и застрял на фразе: «Ногти его горячо любимой мамы росли в мясо крепче, чем думал Алексей».

Позвольте, как это — росли? А раньше их там что — не было? Или написать: держались в мясе? Нет... аморфный глагол «держались» лишает фразу необходимой упругости, а главное, следующее предложение, — поэтому, не без труда вырвав первый ноготь и захватив никелированными щипцами второй, Алексей Николаевич посетовал на отсутствие необходимого опыта, без которого справиться с поручением Эгрегора и установить причастность его мамы к мистическим тайнам Бермудского Треугольника будет очень нелегко, — повисало в воздухе, лишаясь необходимой опоры. В самом деле: вырывать то, что держится, совсем другое дело, чем вырывать вросшее — нет ощущения разрываемой плоти. Всё равно — что вырывать гвозди. Тогда, может быть, «выдернув»? Совсем плохо. Типичный молодёжный стёб. В духе заголовка той газеты, в редакцию которой поехала Зиночка: «Чтобы не зажариться заживо, женщины разбивались об асфальт», — тьфу! Его — постинтеллектуалиста — на такую дешёвку не купишь! Никаких подхихикиваний — всё должно быть просто, серьёзно, буднично. И потом — как это, «держались в мясе»? Тогда уж — «за мясо»? Полная чушь! Или — «сидели в мясе»?.. Лучше, но всё равно — ничего хорошего. Нет... чтобы скрежетали зубы, вырывать можно только вросшее. Связанное с организмом — живое. А то, что только держится и сидит — вырвется почти безболезненно. На бессознательном уровне нисколько не приобшив читателя к мистическим тайнам Бермудского Треугольника. Не проветрив его закисший мозг холодной струёй освежающего постинтеллектуализма. Так, чего доброго, можно докатиться до сопереживания со своими героями, и?..

...у Артёма вдруг заломило в висках, зарябило перед глазами, замутило в желудке, сдавило сердце — похмелье! Да ещё какое! Ну, вот — всё и объяснилось: теперь понятно, откуда эти сентиментальные сопли! Было чистым безумием в его состоянии садиться за компьютер. Да, после кофе с коньяком случилось мимолётное просветление и, пользуясь им, следовало выйти в скверик, подышать на лавочке осенней прохладой, а он? словно не зрелый литератор-профессионал, а намыливающийся в пророки студент-третьекурсник бросился к письменному столу! За что и схлопотал по полной программе. И поделом.

Отключив компьютер, Артём Викторович откинулся на спинку стула, решая, выпить ли ему сейчас бутылку пива или две рюмки коньяку, как вдруг писательские пальцы сами собой повернули ключ, выдвинули ящик и извлекли из него золотую авторучку — надо же! Все симптомы похмелья немедленно исчезли! Сойкин почувствовал себя здоровым до неприличия! Будто он, не просяживающий штаны невольник умственного труда, а не умеющий ни читать, ни писать чабан из высокогорного аула! Живущий не в пост, а в предгуманистическую эпоху. Для которого реальность и фантастика настолько переплетены между собой, что по отдельности просто не суще-

ствуют. И, соответственно, мифотворчество является для него не средством создания пропагандистских идеологем, а способом познания мира. Да — наивным, но честным. Без оглядки на совет старейшин, вождя, епископа, императора, партию, гипотетического читателя, издателя и редактора.

Нечаянно испив из погребённого под многотысячелетней толщей идеологических напластований источника чистого мифотворчества, Артём Викторович полностью потерял способность к рефлексии и, не мудрствуя лукаво, отодвинул клавиатуру компьютера, положил на её место лист бумаги, поднёс к нему подаренную авторучку, и золотое стило само понеслось от левого края к правому — чётким красивым почерком выводил строчку за строчкой. Сознание Сойкина в этом процессе принимало совсем небольшое участие: лишь фиксируя ярко вспыхивающие образы, сразу же передавало их пишущей руке — и летели, летели строчки. Нечто подобное случалось у Артёма только в глубокой юности, когда он ещё писал стихи, да и то — крайне редко.

Наваждение продолжалось около часа — очнувшись, Сойкин с изумлением обнаружил перед собой три полностью (с обеих сторон) исписанных листа бумаги. Однако! Никогда ещё абстинентный синдром не проявлялся у него столь причудливым образом!

Перечитав написанное, Артём Викторович изумился ещё больше: нет, это не его сочинение. Наивная — в духе Александра Грина — новелла о летающем мальчике. Наивная и очаровательная... Вот если бы ему — четырнадцатилетнему — да то литературное мастерство, которым он располагает сейчас... Тогда бы — возможно... Да и то — вряд ли... Насколько он себя помнит, и в том «нежном» возрасте у него уже была некоторая доля здорового цинизма... И вдруг — на тебе...

Сойкин сосредоточенно повертел в руках необычно тяжёлую авторучку — ох, не простой подарок! Ох, заковыристый. Литератору вновь, как ранним утром, сделалось не по себе, и он вновь сунул дар голубоглазого незнакомца в ящик стола, но тут же устыдился этого трусливого жеста: что за дурацкое суеверие! Достойное или малообразованной старухи, или шестнадцатилетней девчонки, а никак не закончившего МГУ зрелого мужика! Самопишущая авторучка — подумай... Пусть даже и золотая... А не развинтить ли?

Конструкция авторучки была предельно простой: веретенообразный корпус и съёмный колпачок — никаких пружин, никаких кнопок. Для замены пишущего стержня у подобных изделий должен быть винтовой разъём, но, сколько Артём Викторович его ни искал — не мог найти. Ни глазами, ни пальцами — пытаясь раскручивать то сзади, то посередине, то даже спереди, где разъёмы существуют у очень немногих моделей. Однако у этой авторучки нигде ничего не раскручивалось, что вызывало недоумение: пусть она не золотая, пусть латунная или бронзовая, но штучное изделие для разового употребления — пока не закончится паста — по меньшей мере, не разумно. Да и в качестве сувенира... дарить на выброс?... глупость какая-то... нет! Она непременно должна разъединяться! Но она не разъединялась. Где всё более раздражающийся Сойкин ни вертел её: сзади, посередине, спереди, по часовой стрелке и против — никаких результатов. Гладкое на ощупь, цельнолитое металлическое изделие. Которым... Которое...

Само по себе написало новеллу?!

Ещё раз перечитав незаконченный рассказ, Артём Викторович почти согласился с этой бредовой версией: да, он ничего подобного сочинить не мог. Хотя стиль вроде бы и его... и если убрать пару цветистых метафор... заменить несколько вычурных, на его вкус, сравнений...

...Сойкин опомнился, заметив, как его рука сама по себе сделала нужные исправления. Красным редакторским карандашом... каким, к чёрту, карандашом?! Всё той же, подаренной ему, авторучкой! Но почему — красным цветом? И каким образом? Да, многоцветные авторучки существуют уже давно, но в них, чтобы появился нужный стержень, следует нажать на соответствующую кнопку, а тут...

Артём задумался. Новелла — ладно. Хоть и не его менталитет, но литературный стиль — его. Стало быть, в состоянии постпохмельной прострации, не ведая, что творит, чисто теоретически сочинить сентиментальную сказку о летающем мальчике он всё же мог. Но эта кровавая паста... допустим, стержни в этой чёртовой штуковине меняются автоматически... по чьей, любопытно, воле?... похоже, что по её собственной... н-н-да! Вот и не верь после этого в чудеса...

Перечитав написанное в третий раз, Артём Викторович пожалел, что рассказ остался незаконченным. Оборвался на самом драматическом моменте: когда летающий мальчик, на рассвете стартовав с нависшей над городом горы, вдруг видит, что единственную пригодную для приземления улочку перегородил гружёный буковыми дровами грузовик с прицепом. А инерция заканчивается, парить всё труднее, а надеющаяся на него, как на посланца небес, презируемая соседями иноплеменница забыла слова возвращающей утраченные крылья молитвы. И вот уже колёсики лыжероллеров, чиркнув по горбатым в кузове дровам, нацелились на спасительную обочину, но приземлиться на неё мешает вставший под углом прицеп, а дальше откос становится слишком крутым — и...

Вот именно! Что — «и»? Летающий мальчик разбивается? Ухитрится извернуться и избежать гибели? Возносится над землёй на вдруг возвратившихся крыльях?

К сожалению, рассказ на этом обрывался, что доставляло Сойкину нешуточные страдания. Казалось бы: он — автор, и в его воле придумать любой конец... ан, нет! Ничего подобного! Чутьё подсказывало Артёму, что всякий придуманный конец будет искусственным, разрушит очарование наивной сказки, что органически закончить эту новеллу можно только исходя из её внутренней логики, которую он, к сожалению, не улавливает. Главная трудность заключалась в том, что хоть внешне рассказ казался алогичным, но эта алогичность не была логикой «разрушенных связей», «переставленных знаков», «соединений несоединимого» и прочих постинтеллектуалистских вывертов, с блеском используемых Артёмом Викторовичем в своих бессмертных творениях. Более всего она напоминала алогичность сна, отличаясь, однако, тем, что металогика этого рассказа только отчасти находилась в глубинах бессознательного. А вот откуда произрастало всё остальное, этого Сойкин уловить не мог. Конечно, он знал, что, помимо логики ума, существует родственная мистической художественной логике, но знать — это одно, а пользоваться — другое. Так вот: относительно окон-

чания недописанного рассказа, и логика, и интуиция Артёма Викторовича глухо молчали. И это всё более злило писателя постгуманиста: чёрт! Удружили ему — ничего не скажешь! Подарочек — называется! От почитающих, понимаете ли, его талант членов Союза Хранителей! И откуда только они взялись — эти сучьи дети?!

Не найдя ответа на сей, в данной ситуации чисто риторический вопрос, Сойкин встал из-за стола и из кабинета перешёл в кухню — хватит ломать голову над сочинением самопишущей авторучки! Ясно же — обыкновенное похмелье. Ну, может быть, не совсем обыкновенное — как-никак, а за десять лет он почти забыл о «прелестях» абстинентного синдрома — но всё равно: принять сто граммов коньяка и выйти на улицу. Погулять, проветриться...

Однако осуществить это благое намерение Артёму Викторовичу удалось не полностью: выпив коньяк, он вновь почувствовал неудержимую тягу к письменному столу и, не успев опомниться, через какую-нибудь минуту вновь сидел на стуле, большим, указательным и средним пальцами правой руки сжимая золотую авторучку и мучительно ломая голову над окончанием недописанной новеллы. Умом понимая, что внутренняя логика рассказа формально не противоречит ни одному из возможных окончаний — гибели, тяжёлой травме, спасению — и вместе с тем чувствуя: если он не найдёт максимально точные слова и не сумеет выстроить их в единственно верном порядке — ничего не получится: мёртвое окончание убьёт всю новеллу.

Господи! Ну, за что ему эти муки! Он, самым хладнокровным образом, не испытывая ни ненависти, ни сострадания, уничтоживший сотни своих литературных героев, готов разреветься из-за судьбы павшего ангелочка! Вернуть, вернуть ему утраченные крылья! Пусть взлетит над грешной землёй! Пусть осчастливит ожидающую его прекрасную иноплеменницу. И она, от летающего мальчика узнавшая своё истинное предназначение, пусть бережно закуёт его в цепи и с любовью начнёт выщипывать перья из ангельских крыльев и запихивать их в рот незадачливому летуну. И этот слегка парадоксальный финал превратит сопливую сентиментальную сказочку в хороший постинтеллектуалистский текст. Который, не краснея от стыда, он сможет предложить своему издателю. Победив, таким образом, провокаторов из Союза Хранителей. А главное — их дерзкую самопишущую авторучку.

Обрадовавшись этому удачному, как ему показалось, решению, Артём Викторович стремительно записал мгновенно сложившееся в его уме предложение — красным кровавым цветом. Ага, не нравится! Ничего, голубушка, хоть вся изойди кровью, а перья из крылышек этого сопливого ангелочка моя героиня выщиплет! Все — до единого. И запихнёт в его сладкоречивый ротик.

Следующее предложение — действительно — оказалось написанным не кровавой пастой, а натуральной кровью, но Сойкина это не смутило: кровотоки сколько угодно, сволочь! А всё, что я захочу, напишешь как миленькая!

Однако Артём ошибся — третьего предложения золотая авторучка не написала: выведенные его рукой буквы стали расплываться, сливаться в красные капли и, сползая к нижнему краю листа, пачкать кисть правой руки.

«Ах, так, — Сойкин разозлился по-настоящему, — не хочешь, падла?! Ну, и не надо! Обойдусь без твоей сучьей помощи!»

Артём Викторович включил компьютер, создал новый файл и в бешеном темпе набрал две придуманные им фразы — не обращая внимания на резкое покалывание в подушечках бегающих по клавиатуре пальцев. Однако, когда писатель-постгуманист стал набирать третье, кровавыми каплями расплывшееся по листу бумаги предложение, то его пальцы почувствовали не просто неприятное покалывание, а сильную боль: это ещё что за фокусы?! Электричеством дерёшься — да, гадина?! Через компьютер? А вот хрен тебе, сучка!

Сойкин нашёл деревянный карандаш и, осторожно касаясь им нужных клавиш, медленно, букву за буквой, стал набирать заколдованный текст. Первое слово — второе — третье... сильнейший удар по пальцам последовал на семнадцатом, завершающем непокорное предложение, слове «перо».

Вскрикнув от боли, Артём Викторович выронил карандаш и в панике выбежал из кабинета. На кухне, не сядя за стол, схватил бутылку коньяка и стал пить прямо из горлышка: вот, оказывается, как сходят с ума! Пишущая свежей кровью шариковая авторучка, зверски бьющая током клавиатура компьютера — чёрт! Да расскажи он об этих симптомах доктору, тот решит, что у него, в лучшем случае, белая горячка. А скорее всего — натуральная шизофрения.

Выпив где-то около стакана живительного эликсира, Артём Викторович немного успокоился и понял, что ему сейчас нельзя находиться в этой квартире. Быстро одевшись и обув тёплые ботинки, Сойкин положил в карман куртки бумажник, ключи, мобильный телефон и вышел на лестничную площадку. Запирая входную дверь, испуганный литератор подумал, что следовало бы выключить компьютер, но тут же передёрнулся, представив себе лежащий на столе, заляпанный кровью лист белой бумаги и, не вызывая лифта, стал спускаться по лестнице: пешёком — оно надёжнее. Не оборвётся трос, не ударит током взбесившаяся кнопка.

В скверике осыпались жёлтые тополя, прогуливались немолодые дамы с собачками, пили пиво великовозрастные детишки — по счастью для Артёма, отыскалась незанятая скамейка. Сев на которую, писатель-постгуманист почувствовал, как ослабевает выгнавший его из дома ужас — оттаивает ум, возвращается способность к суждениям и оценкам. Так что, набрав Зиновкин номер, он не стал требовать её немедленного возвращения, а всего лишь попросил не задерживаться в редакции сверх необходимого времени. Однако по голосу Сойкина любовница поняла, что у него не всё в порядке и обещала быть дома максимум через час. Вообще-то, если бы жена Артёма находилась сейчас в Москве, он бы предпочёл видеть её, но уже пять лет Нина с двумя дочерьми жила в основном в Англии, и привередничать Сойкин не мог. Оставались, конечно, друзья-приятели, но... не тот случай! В самом деле, из-за какой-то дурацкой авторучки не загудеть же, как в молодости, на несколько дней? Вечное, видите ли, золотое стило...

Вспомнив о выгнавшем его из дома кошмаре, Артём Викторович встал со скамеечки и решительными шагами направился к ближайшему гастроному — где, кроме коньяка и шампанского, купил пачку сигарет: во всём нужна мера. В следовании заповедям здорового образа жизни — тоже. А то ведь, чего доброго, на койку в психиатрической клинике угодишь

с отменно здоровыми сердцем, лёгкими, желудком, печенью, почками и мочевым пузырём.

Зинаида очень удивилась, застав Артёма у двери подъезда с сигаретой во рту — нет, тревога в его голосе ей не почудилась. С ним явно случилась крупная неприятность. Какая?..

Мысленно похвалив себя за мудро принятое решение не задерживаться в редакции, а, услышав панические нотки в голосе Артёма, сразу же поехать к нему, Зина не стала задавать никаких вопросов — всё должно разъясниться само собой. Нельзя давить на любовника, если надеешься выйти за него замуж. Даже — излишней заботливостью.

(Вообще-то, в глубине души Зиночка знала, что Нину Артём никогда не бросит, но ведь мечтать, как и надеяться, не запретишь...)

Когда Сойкин отпирал квартиру, руки у него заметно дрожали, и Зинаиде подумалось, что обычай пропускать женщину вперёд оказался сейчас для её возлюбленного как нельзя кстати — обернувшись в прихожей, она заметила, с какой нерешительностью писатель переступил порог. Правда, через несколько минут Сойкину удалось взять себя в руки, и, оставив любовницу на кухне, Артём смог войти в кабинет, из которого, гонимый страхом, недавно бежал — женщине совершенно незачем видеть заляпанный кровью лист бумаги.

Однако лежащий на столе белый прямоугольник был девственно чистым — исчезла не только кровь, но и две предыдущие, не расплывшиеся в процессе написания, фразы. Артём Викторович невольно перевёл взгляд на дисплей — оба предложения вызывающе мерцали красным цветом. Третье, набирая которое писатель-постгуманист получил болезненный удар по пальцам, отсутствовало.

С опаской дотронувшись до клавиатуры и убедившись, что на сей раз драть электричеством она не намерена, Сойкин стёр неугодный сверхъестественной цензуре текст, выключил компьютер и искоса посмотрел на невинно лежащую на рукописи незаконченного рассказа золотую авторучку: ну как, мол, одобряешь? Авторучка одобряла — Артём это понял по тому, что, избавившись от «неправильного» текста, сразу почувствовал: тревога и страх прошли. Полностью. Более того, всем нехорошим чудесам сразу нашлось рациональное объяснение: так сильно, как вчера, он не напибался уже лет двенадцать, и ничего удивительного, что отвыкший организм отреагировал столь парадоксальным образом — вот вам и пишущая кровью авторучка, и бьющая по пальцам клавиатура компьютера. Ну, а то, что ни с того ни с сего назююкался на банкете?.. значит, были глубоко скрытые внутренние причины! Думаете, легко нести бремя постинтеллектуализма? А если вспомнить о возложенной на Артёма миссии: о девяности девяти томах постгуманистической прозы...

Правда, почему-то сейчас только-только избавившемуся от страха Сойкину думать о восьмидесяти девяти ещё ненаписанных книгах совсем не хотелось. Равно, как и об уже написанных — десяти. Да, конечно, если не он, то кто же... и отказываться от своей миссии Артём не отказывается, но... не сейчас... возможно, завтра... возможно, через два, три дня...

Кое-как справившись с учинённым самопишущей авторучкой беспорядком, Артём Викторович собрался вернуться на кухню к любовнице,

но быстро приготовившая нехитрый ужин Зиночка как раз сама вошла в кабинет. И сразу же обратила внимание на исписанную бумагу.

— Ой, Тёмочка, а ты, оказывается, не разучился писать от руки! Да ещё — так красиво! Вот никогда бы не подумала. Или это, — Зинаида взяла со стола опасный подарок, — из-за авторучки? Я ещё вчера заметила, что она какая-то необыкновенная... А может, и вправду — золотая?..

— Может, и вправду, — эхом отозвался Артём, — а что необыкновенная — это точно. Знаешь, Зина... — Сойкину страшно не хотелось рассказывать о так напугавшем его фантастическом происшествии, но и совсем умолчать о нём он тоже не мог и поэтому решил предложить любовнице смягчённую и усечённую версию, — случилась странная вещь. Да ты, наверно, по телефону и сама поняла, что со мной что-то не в порядке... Нет, погоди, сначала прочти вот это... Насладись, так сказать, моим красивым почерком.

Шутка получилась жалкой, и Артём, передавая Зинаиде рукопись незаконченного рассказа, прекрасно это понимал, но сейчас ему было не до реноме остроумца. Пробежав глазами написанное, женщина перевела взгляд на любовника и задумалась, не зная, что сказать. Помедлила, собираясь с мыслями, несколько долгих секунд и заговорила неуверенным, ей обычно не свойственным голосом.

— Знаешь, Тёма... если бы ты мне не сказал, никогда бы не подумала, что это твой текст... хотя... что-то твоё в нём, конечно, есть... и если переделывать несколько фраз... ты ведь пишешь экономно, без излишеств и уж тем более украшения, а тут: «Но не было за его спиной могучих, цвета полной луны над Бискайским заливом, крыльев»... извини, но это в пору сочинительнице любовных романов, а никак не серьёзному писателю постинтеллектуалисту...

Исправления, которые авторучка сделала красным цветом, исчезли, и Зинаида не знала, как мало Сойкин оставил от всей этой красоты, но своим журналистским чутьём угадала верно: современный серьёзный писатель не мог позволить себе подобной вычурности. И не позволил. С удовольствием вычеркнул и переливающиеся оттенки, и луну, и, особенно, дурацкий Бискайский залив. Хотя... после неудачной попытки переделать романтическое чудачество в добротный постгуманистский текст, Артём Викторович уже не был уверен в правильности как Зиночкиной, так и своей первоначальной оценок: в конце концов, грань между красотой и красотью достаточно условна, а вот алогичность луны, невесть зачем взявшейся над Бискайским заливом, не та ли это высшая поэтическая логика, которую, не умея использовать, он всё-таки временами чувствует? Ведь не зря же дерзкая авторучка воспротивилась его исправлениям, сначала выделив их красным цветом, а затем и вовсе убрав? И ведь источать кровавую пасту она начала до того, как ему вздумалось, «спасая» сентиментальную новеллу, присобачить к ней постинтеллектуалистский конец!

— А вообще, — после небольшой паузы продолжила женщина, — жаль, что сейчас так не пишут. Даже — в провинции. Ну, ты, Тёмочка, понимаешь: я имею в виду серьёзную литературу. Нет, правда... печатать этот рассказ, конечно, нельзя... имидж, и всё такое... но, знаешь, Тёма, ты его всё-таки закончи — а? Хотя бы — для меня... как подарок на день рождения?

Ведь там же, по-моему, дописать совсем немного — всего несколько строчек. И пусть твой летающий мальчик разобьётся не насмерть — ладно?

— Ага, Зиночка, и героиня его выходит, и станет возить в инвалидной коляске, и вместе, выпрашивая милостыню, жить они будут долго и умрут в один день.

— Фи, Тёмка, какой ты противный! Сочинил такую прелестную сказку и тут же норовишь всё испортить! Нет уж, свои постинтеллектуалистские штучки оставь для высоколобых критиков и продвинутых читателей, а мне, обыкновенной женщине, — с этими словами Зинаида стала шаловливо ластиться к Сойкину, — организуй, пожалуйста, на День Рождения маленький happy end? Ну, чего тебе стоит — а? Ведь там же, правда, дописать осталось совсем немного... А переделывать, знаешь, не надо! — отлепив свои губы ото рта любовника, воскликнула вдруг прозревшая женщина, — не меняй ни одного слова! Как это я дура сразу не поняла! Вообще-то — конечно... испорченная журналисточка...

— Не менять, говоришь, Зиночка? — обрадованный неожиданной поддержкой, задумчиво переспросил Артём. — Она, — писатель указал на авторучку, — тоже так считает. И не только считает... понимаешь, Зина... только, чур, между нами...

Начав рассказывать о приключившихся с ним зловещих чудесах, Сойкин не смог удержаться в заданных самому себе границах и выложил женщине всё до последней постыдной мелочи — до того, как он отчаянно трусил, возвращаясь с ней в эту квартиру. Выговорившись, Артём Викторович испытующе посмотрел на возлюбленную и подвёл итог сказанному то ли горькой шуткой, то ли тревожным вопросом:

— Ну, и как, по-твоему, Зина — это у меня глюки с похмелья? Или я действительно начинаю сходить с ума?

Притихшая женщина, утешая любовника, нежно коснулась ладонью небритой мужской щеки, проникновенно посмотрела ему в глаза и заговорила негромким голосом, слегка растягивая слова.

— Знаешь, Тёма, не бери себе в голову.. Никакой ты не сумасшедший... Это, — Зинаида с опаской дотронулась до авторучки, — она... Нет, правда, она мне ещё вчера показалась какой-то странной... И дело не в том, что, может быть, действительно — золотая... Нет, тот деятель, который её подарил... Я его вчера видела только мельком... А ведь он не просто блондин и даже не седой — нет, настоящий альбинос... С неестественно огромными голубыми глазами... Знаешь... Сейчас, когда ты мне рассказал, я поняла — он не отсюда... Ну, не из нашего мира... Инопланетянин, ангел, дьявол — не знаю, но не из нашего мира... И его подарок... Ой, Тёмочка, я поняла! — нарушив плавную размеренность утешительной речи, вдруг воскликнула Зинаида, — тебе не надо ничего придумывать! Ну — никакого конца рассказа! Авторучка сама допишет! Ведь она же хотела! А ты стал ей мешать! Вместо того, чтобы, дождавшись вдохновенья, писать, как писалось до этого, стал сначала править, а затем сочинять заковыристый постинтеллектуалистский финал. Вот и схлопотал током по пальцам! Как непослушный мальчишка. И правильно. Дай поцелую твои бедные пальчики: большой, указательный, средний, безымянный, мизинчик — все, все! У, какая

противная у Тёмки голова! Заставила страдать ни в чём не повинные пальчики. Но ведь они уже не болят — правда?

— Да нет, не болят — обескураженный неожиданным поворотом женской мысли и тронутый её непритворным участием, рассеянно ответил Артём. — Да, в общем-то — и не болели. Только — в момент удара. Я ведь тогда вскрикнул в основном не от боли — от страха... Так ты, значит, Зина, думаешь, — высказанное женщиной предположение вдруг представилось Сойкину в неожиданном ракурсе, — авторучка сама допишет? Ну, ладно — допишет. А не допишет — Бог с ней. Плакать не буду. Незаконченный рассказ — подумаешь. Нет, мне вот что интересно... а не собирается ли это растреклятое золотое стилlo курировать всё моё творчество? Наказывая, как мальчишку, за неудачные, по его мнению, слова, мысли, образы, сюжетные повороты? Колотя по пальцам до тех пор, пока я не сделаюсь плакальщиком за всю Россию? Не вернусь, так сказать, к гоголевской «Шинели»? Из которой будто бы вышли все русские писатели... Нет, я сейчас эту чёртову авторучку!

На Артёма вдруг накатила волна дикого бешенства, и он с самыми истребительными намерениями схватил изящную золотую вещицу, но тут же вскрикнул и разжал руку: — Опять, сволочь, дерёшься — да?! Ну, погоди, гадина! Я тебя всё равно изничтожу!

Сойкин занёс ногу над упавшей со стола авторучкой, но Зинаида схватила его за рукав и потянула в сторону.

— Не надо, Тёмочка! Успокойся, пожалуйста. Ведь она — защищается. Понимаешь... мне кажется — она живая.

Сказав это, Зинаида наклонилась, осторожно подобрала с пола авторучку, положила её на стол и к жёлтой металлической фиговинке в шутку обратилась, как к разумному существу. Впрочем — не совсем в шутку.

— Прости, пожалуйста. Тёмочка больше не будет. Он, вообще-то, хороший мальчик — никогда не мучит и не убивает никого живого. Даже тараканов. Только — своих литературных героев. Но ты же понимаешь, это — другое дело... ну, во-первых — они не совсем живые... а во-вторых — как создатель — он имеет полное право делать со своими детьми всё, что захочет... ведь — правда? — видимо, последний постулат показался Зинаиде в нравственном отношении несколько сомнительным, базирующимся на нормах глубоко варварской этики, и она сочла нужным обратиться за поддержкой к предмету своего будто бы шутливого обращения. Авторучка, разумеется, ничего не ответила, и после короткой паузы женщина продолжила. — Ну, в общем, договорились — да? Тёмочка больше не будет покушаться на твою жизнь, а ты прекратишь лупить его током по пальцам? Ну, разве что — совсем легонечко... Когда он особенно разбездобразничается...

Произнеся последнюю фразу, Зинаида лукаво посмотрела на своего возлюбленного: мол, всё понял, противный мальчишка? Или нам с авторучкой твоим воспитанием заняться всерьёз?

За время этой отчасти шутовской, но в целом отнюдь не бессмысленной речи, Артём Викторович полностью успокоился и смог с должным юмором отнестись к заключительным словам любовницы.

— У, Зинка, у, вредина! Вам, противным девчонкам, дай только волю — оседлаете бедных мальчиков! Заставите их плясать под свою дудку. А вооб-

ще, — писатель с благодарностью посмотрел на женщину и переменял тон, — спасибо. А то это чёртово золотое стило меня совсем затерроризировало. Всё время кажется, будто схожу с ума... Или — уже сошёл... И ты — со мной за компанию... К чёрту! Чего она там замышляет, — Сойкин с опаской покосился на ловко прикинувшуюся неживой авторучку, — завтра! На трезвую голову. А может быть — после завтра. Или вообще — дня через два-три... ох, Зинка, и напьюсь я сегодня! По-настоящему — как в молодые годы. Только ты не отговаривай — ладно? Ведь сейчас мне напиться не грех — ты же понимаешь? Суровая необходимость...

— Да, Тёмочка, понимаю. Тебе необходима разрядка — мне вчера Аня рассказывала. И я с тобой тоже выпью. У меня от неё, — жест в сторону авторучки, — тоже крыша немножечко набекрень. Так что принять сейчас коньячку — святое дело. А её, — уже находящаяся в дверном проёме Зинаида обернулась и окинула взглядом письменный стол, — Тёма не бойся. В твоём самостоятельном творчестве давить она на тебя не будет. И вредить — тоже. Ну, может быть, иногда схлопочешь немного по пальцам... Но ведь, — Зиночка очаровательно улыбнулась, — непослушным мальчикам это на пользу — правда?

— Давить, говоришь, не будет? — задумчиво отозвался Артём Викторович, соображая, сколько коньяка и шампанского следует докупить сейчас, чтобы потом пьяному не бежать в магазин. — Эх, Зина, Зина, твоими бы устами...

Об авторе

Родился в 1947 году в Крыму в селе Красный Мак. В 1968 году закончил Ростовское-на-Дону художественное училище. Умер в Москве в 2014 году. Живописец, участник многих художественных выставок. Стихи и прозу писал с юности. Публиковался в журналах «Смена» (№ 6, 1990), «Искатель» (№ 9, 2006, № 8, 2007, № 9, 2011), «Порог», Украина (№ № 5, 11, 2007), «Я», США (август 2007), «Свет» (№ 11, 2007), в альманахе «Порог-АК», Украина (Выпуски №№ 1, 2, 5, 2008, № 15, 2011). В литературном приложении «Знание-сила: Фантастика» № 2, 2012 был напечатан рассказ «Надежда Град».

Пётр Ртищев

Потёмки

Вечеру люблю я возлежать на диване. Как только забрезжат звёзды в небесах, так накатывает на меня меланхолическое состояние духа. И тогда погружаюсь я в сладостную лень, хотя она, что известно наверняка, есть корень злу. Так я лежу, ощущая рёбрами своего брэнного тела всяческие упругие диванные неровности, и с грустью размышляю: какая сволочная штука — жизнь!

Год не заладился. В январе жену замучил гайморит, а чуть погода у меня разболелось колено. Оно опухло, и две недели я отлёживался. Времени достаточно для осознания простой истины: не бывает счастья в немощи. Да что там счастья, настроения хорошего не припомню в то проклятое время. Кто мыслит иначе либо из породы людей неумных, либо чего похуже. Теперь сентябрь, и я, оставшись в одиночестве, ибо жену отправил к Чёрному морю, пребывал в грустном расположении, свойственном любому русскому. Грусть и покорность судьбе обычные наши дела. А вот воли следовало бы занять у каких-нибудь немцев. Но отчего-то не спешим занять... Потому решил я себя развлечь бутылкой вина, и не беда, что причины выпить не сыскалось.

Так думал я, когда сделалась тьма. Не та, что над бездною, и без носящегося Духа, но силуэты бутылки и фужера на журнальном столике едва угадывались. Всё потому, что лампа на фонарном столбе после двухдневного мигания, наконец, потухла. Старина Планк порадовался бы. Мало того, что свет испускается в виде квантовых порций, так ещё и прерывист оказался в нашем дворе. Надо сказать, что двор наш претерпел изменения в последние годы, и не в лучшем направлении. В домах по соседству когда-то жили военные и сотрудники всевозможных институтов, растрачивающих себя поисками средств на погибель американцев и прочего супостата. Подобных заведений в окрестностях находилось предостаточно. Расплодились они в известное время одержимых поколений, к последнему из них относился и я. В конечном итоге борьба получилась так себе, судьба институтов — «ящичков» оказалась плачевной, публика состарилась, а вот потомство, оставленное ею, посредственным. Дрянь, а не потомство.

Я вышел на балкон. Распечатал коробку «Герцеговины Флор», закурил. Подумалось: «Хорошо бы всех нас, курильщиков, перевешать. Всякий человек есть беда для планеты, но курильщик — катастрофа. В океане окурков больше, чем рыб и прочей живности. Дожили». Докурив, я плю-

нул с высоты второго этажа в куст хризантем, в него же запустил изжёванную папиросу. Сильно раздражать меня стали потуги соседки из 51-й квартиры по облагораживанию окрестностей, тётки дёрганной, не в меру активной. Есть такой тип людей жить мешающих. Бегают по двору с паке- тиками, дерьмо собачье убирают. Этаким немим укором для всех прочих выступают. Будто бы собачки в нашем дворе когда-нибудь переведутся и чёрное дело своё оставят. Будто бы сознание хозяев тех собачек устроит- ся иначе, и они сами прекратят гадить меж чахлых городских деревьев. Не бывать этому. А потому суета соседская есть труд Сизифов. Бессмысленность же выношу с трудом.

Поглазев ещё какое-то время в пустоту и на высунувшуюся из-за обла- ков Луну, я вернулся в комнату. Возле столика мне показались сумерки особенно сгустившимися. В кресле угадывался некто, цедивший каберне из моего фужера.

— Это я, — сказал некто голосом Петровича из 48-й квартиры. — Электричество вырубилось во всём доме. Может, и во всей Москве нет света.

— На всей планете, — ехидно пробурчал я. С некоторого времени я обна- ружил в себе склонность к уединению, потому толковать с кем-либо не желал в эту минуту. Во всяком случае, не с этим омерзительным субъек- том, вообразившим себе знакомство со мною накоротке. — Ты как здесь образовался?

— Так не заперто, — простодушно отозвался он.

— Незванный гость, значит. — Пришлось тащиться в кухню за бокалом.

— На минутку я, — нахально заявил Петрович. Этот тип соткан был из неважного материала, ибо вышел он из мутных времён возвращающегося капитализма. Гнусное время разгара исторического процесса отделения производителя от средств производства (кому интересны нюансы, смотри- те 24-ую главу первого тома «Капитала» Маркса) не прошло бесследно. Повсеместно люди, освобождаясь от остатков стыда, приходили к упадку. Петрович исключением не стал. Собственно, и закваска, из коей он произ- рос, была особого, комсомольского рода. Оттого и вид имел он довольно поганый. В повадках его угадывалось нечто мышиное — всегда такое нерв- ное, настороженное существование. Само тело его, истраченное бестолко- вой, бессмысленной жизнью, могло вызвать сострадание своей тщедушно- стью, но не у меня. Я сильно не любил этого малого и даже побаивался. Какая-то тёмная сила сидела в нём. К тому же частенько пропадал он на довольно подозрительных сборищах. Подонки разного рода толковали об упадке культуры, а, значит, о катастрофе, что грядёт. А виной тому сме- шение рас. О снижении интеллектуального и духовного уровней самой значимой расы, к коей они себя причисляли, из-за смешения высших с низшими. Петрович мнил себя высшим, а потому болел душою за гигиену в национальном вопросе, дабы не допустить скатывания нации к недочело- векам. Одним словом, фашистом был сосед. Таким образом, в подъезде обитали два моих лютых врага: тётка из 51-й квартиры и Петрович.

Луна снова спряталась за облаками, потому Петрович скрылся за густой завесой ранней сентябрьской ночи.

— Куда жёнку подевал? — поинтересовался сосед. Любопытство такого рода меня не радует, но всё же я, как хозяин гостеприимный — черта, больше подходящая к человеку малодушному, промямлил:

— В Крыму она. Не в здешней же слякоти проводить последние осенние деньки. — И это вместо того, чтобы взять негодяя за шиворот и выволочь вон. Но правильные мысли редко воплощаются у меня в реальности.

— Разумно. А ты чего же?

Я промолчал. Внутри стремительно зрело раздражение.

— Нация должна принести жертвы, — не к месту донёсся из тьмы торжественный голос. Видимо подцепил на своих собраниях понравившуюся фразу и теперь решил блеснуть передо мной. — Пришло наше время, Паша. Тем, кому сорок, должны, наконец, сказать своё слово. Нынче так: или ты с нами, или...

— О чём это ты? — спросил я, и подумал, с чего это Петрович скинул себе десяток лет, ведь определился уже к дряхлецам, коим доживать свой век следует в тиши и несуетности, вот вроде меня.

— О том самом. — По движению воздуха я почувствовал, как сосед многозначительно потыкал пальцем в потолок. Туда, где, по его мнению, пребывали высшие иерархи России. То, что избыток тщеславия человека делает малосимпатичным — это одно, но вот то, что его недостаток разума способствует расцвету самых низменных мыслей, а то и действий — это уже совсем другое. Этого другого хорошо бы поостеречься.

— Гм, — сказал я, раздумывая, как реагировать на фантазии соседа. Ничего не придумал и только спросил: — Ты в своём уме, старик? Давно хочу спросить тебя: ты вообще-то, чем занимаешься? Не работаешь, не служишь, а живёшь. Научил бы меня, тоже так хочу.

Сумерки зашевелились, Петрович встал, и мне представилось, как фигура его преисполнилась оскорблением.

— Гляди, не промахнись, — зловеще процедил он и на ошупь двинулся вон.

2.

Неделя прошла в потёмках. Водопровод работал с перебоями. Улицы опустели, замусорились. Поезда в метро ходили не регулярно. В публике нарастало напряжение. В начальствующей среде зародились шатания. Я, было, начал приспособляться к новым реалиям, как неожиданно снова врубилось электричество. Из телевизора всякого рода оракулы, кликуши и прочие ждали конца, и, похоже, шанс дожидаться его вполне мог представиться. Затем их сменила неряшливо одетая дикторша. Взволнованно она говорила о чём-то несуслазном. Толпы дезертиров, бездельников и инородцев, сбившись в отряды, шли к Москве со стороны Тулы, Калуги и Рязани. По мере их приближения они организовывались в колонны и отряды. Невидимая рука управляла ими весьма умело. Мелькнула фотография вождя-смутьяна, что предположительно стоял во главе бунтовщиков. В лице этого типа читалось чувство умиления обрушившейся на него власти. «Александр Петрович Царьков» бежала строка под фотографией. Стало ясно, что злодей Петрович пустился во все тяжкие, и непосвящённо-

му было не понятно, как ему удалось, и на какие шиши, в столь короткое время взбаламутить прорву народа.

Меж тем дикторша, измученная заботами государства, тараторила, что вот, мол, правительство предпринимает меры и не допустит. После этих слов сомнения в том, что «не допустит», возникли и укрепились. В особенности, когда стало ясно, что глава государства отбыл в Сочи для поправки здоровья. Его долголетнее пребывание во власти оставило неизгладимый отпечаток в уме. Требовалась регулярная разгрузка от бремени. Его поведение некоторое время тому назад вызывало толки в кругах наблюдательных обывателей. Казалось, что оно больше подходит к жизни вора или ряженой куклы, угодной тайным всемогущим кукольникам. Правитель запутался в делах. Пора бы призадуматься о более справедливом устройстве страны, но здоровье требовало Сочи. И главное — второй год в природе стало не хорошо. Земля оскудела и не давала урожая. Хлеб неожиданно для жителей подорожал вдвое, и послышался ропот с мест, где ранее чиновничество сыскало себе поддержку. Москва пребывала в ожидании, хотя народ, как обычно, помалкивал...

Утро порадовало распустившимися хризантемами. Середина сентября их время. Впервые я с теплотою подумал о фурии из 51-й квартиры. Впрочем, мысли мои омрачала тревога за жену. И тогда я решил, что дожидаться неопределенного мне не следует, а вот ехать в Крым необходимо. Приняв решение, я почувствовал, как жизнь наполняется смыслом. Всякому известно, что плохое решение лучше никакого.

Машина мчала меня по пустынному городу. Жители притаились. В эти минуты Москва осталась без присмотра. Будто бы липкий туман страха опустился на столицу и загнал всех москвичей по квартирам-убежищам. Накапывал мерзкий холодный дождик. Вскоре я оказался на Симферопольском шоссе, непривычно свободном от машин. Только теперь я стал осознавать, что путь мой лежит через Тулу, где обосновались орды Петровича. Ехал на удачу, будь, что будет... Довольно быстро я проехал мост через Оку. Серпухов мелькнул где-то справа, значит, сотню вёрст одолел. На обочине показался человек в дождевике, форменных галифе и хромовых сапогах. Его жалкая крючковатая фигура одиноко стояла под струями усилившегося дождя. Я остановился. Через открытое окно в салон протиснулась голова в капюшоне:

— Заблудший путник, — сказала голова. — Полуэкт.

— Полу... Что?

— Имя моё такое: Полуэкт. Многожеланный с греческого.

— А, — сказал я. — Садитесь, подвезу.

Попутчик оказался кряжистым, лет пятидесяти субъектом с тяжёлым взглядом хитреца, решившегося на что-то очень нехорошее. Он размесился на переднем сиденье, повертел в руках сапёрную лопатку, что я вожу с собой для успокоения, ибо не мыслю применить её против лихого человека и, когда мы тронулись, сообщил со скорбным видом:

— Правое колесо гудит. Слышите? Подшипник того, поменять бы надо.

Я не слышал. Глуховат я к звукам, что рожают железки моей машины, не сподобил господь слухом способным отличать симфонию от какофонии. Помолчав некоторое время, я поинтересовался:

— Вам куда?

— Куда вам, туда и мне, — оживился Полуэкт. — К Царькову. Нынче правда у него, у Петровича.

— Я в Туле проездом, — голос мой был нетвёрд. — Мне бы в Крым, к жене. Гайморит у неё.

Ближе к Туле стали появляться машины. Все они ехали в попутном направлении. Впервые я увидел работающую заправочную станцию. Долив в бак бензина, я спросил у мрачного оператора:

— Как дорога? Тулу объеду? Мне в Курск надо, — зачем-то соврал я.

— Может, и объедешь, — сказал оператор. Подумал минуту и добавил. — А может, и нет.

Дальше я ехал без энтузиазма. Я подумывал изменить маршрут. Махнуть через Беларусь, затем Киев и только потом в Симферополь. Крюк изрядный, но этот путь выглядел безопаснее. Думалось мне как-то вяло, и я всё не решался повернуть обратно.

— В старину, — прервал мои сомнения Полуэкт, — один дьяк отечество наше сравнил с бездетной вдовой, что челядь грабит. Так и у нас. Как последняя династия большевистская прервалась, так никак с той поры челядь не остановится. И тащит, и тащит...

— Новых царей выбрали... — рассеянно отозвался я.

— Выборный государь на вроде выборных матери с отцом. Так не бывает. Отчего недоумение в умах произошло? Династия прервалась, новые начальники объявились, чуждый русскому человеку уклад хозяйствования установился, сама страна сжалась. Это классические условия для возникновения смятения в головах и катаклизмов в государстве. Так у нас уже было лет четыреста тому назад. Крутимся по одному и тому же кругу, никак не вырвемся. Да и царь у нас того, не убедительный. Жидковат, — Полуэкт помолчал и решительно добавил: — Гнойник созрел — пора вскрывать. Дело за хирургом, за Царьковым Александром Петровичем. Иного бог не дал...

Мне хотелось сказать этому наивному, уже немолодому человеку монархических воззрений, что знаю я этого Царькова очень хорошо. Сосед он мой. И папашу я его помню. Тот ещё жук. В те времена, когда «большевистская династия» вела свой кроткий народ к «светлому будущему», он тёрся среди прочих ленинцев партийно-хозяйственного актива Ворошиловского района Москвы. Множилось и расширялось в те времена жизненное пространство их семейства квартирами и прочими благами. Теперь сменились начальники, но лица в коридорах властных, мелькали всё те же, не случайные. Потому верилось с трудом, что Петрович-избавитель — это стихийный проект, продукт народного гнева. Но говорить всего этого я не стал, оспаривать одержимого дело гиблое. И ещё подумалось о четырёхсотлетней петле, что вновь вернулась в нашу эпоху. О том, что так называемый «железный век» наконец кончился и грядёт век «золотой». Что ещё полсотни лет барахтаться нам всем в этом времени, наблюдая дальнейшее

вырождение народа. И нравственного, и физического, и умственного. Это если теория упадков-подъёмов, что сочинил дореволюционный генерал Мошков, верна.

Между тем подъехали к Липкам. Дальнейший путь перегораживал шлагбаум. Трое в лохматых папах, что топтались возле него, оживились. Один из них, с виду крепкий малый с разинутым ртом, снял карабин с плеча и приблизился к машине. В испитом лице, усеянном папилломой, обозначилось радостное удивление. Он весело объявил:

— Приехали, станичники! — в открытое окно пахло перегаром. — Слазь с телеги. Или жизнь недорога?

Бандит ловко подцепил меня за шиворот и выволок на дорогу. Сам же уселся в водительское кресло, бурча что-то гаденькое себе под нос. Винтовку закинул на заднее сиденье, небрежно бросил Полуэтку: «Не задерживай, дядя, а то рассержусь». Взялся за ключ зажигания...

Дальнейшее представилось мне бредом. Полуэкт, в мгновение побледневший, коротким ударом всадил сапёрную лопатку в шею негодяя. Кровь хлынула на приборную доску, лобовое стекло и на самого Полуэкта. Она фонтанировала, заливая салон. Происходящее не могло быть не ложью, но общего с действительностью мой мозг уловить затруднялся. Ослабший разум потерял способность распознавать логические ошибки, коих накопилось уже достаточно. В самом деле, здравого объяснения затеянного мною путешествия нет. Время смутное, тревожное, даже опасное, и жена чёрт знает где, но «дорога всегда лучше привала» (Сервантес), так рассудил я. И теперь трудно верилось в реальность, наблюдая некоего типа с папилломами на лице. И потому срочно требовался опыт способный отделить реальность от вымысла. К примеру, опыт, предложенный Кантом. Сотню талеров отличить от воображаемых возможно только практикой. Тогда разница монет станет очевидна прочим людям. Конечно же, есть риск, что поколотят или ещё хуже сведут в околоток, но иного способа нет вернуться в реальный мир. Стало ясно, что мне нужен кто-нибудь, кто подтвердил бы моё существование и существование воровских людей в лохматых бараньих шапках. Этаким арбитр. И тогда Полуэкт дико заорал:

— Тащи гада! — лицо его, перепачканное кровью, побагровело и сделалось жутким.

Я потянул, и на обочину вывалился здоровенный детина. Выглядел этот тип вполне реалистично. Он дико вращал глазами и силился что-то сказать, отчего черенок лопатки обретал некоторую подвижность. И тут в моём колене хрустнуло. Проклятый мениск! Очень вовремя. Я бросил взгляд на мерзавцев у шлагбаума, и с удовольствием отметил их состояние ступора. Я тоже не отличался быстротой соображения, пока до меня не дошло зловещее шипение Полуэкта:

— Чего стоишь? В машину!

Будто бы воздушная волна подхватила меня. Я плюхнулся в тёплую кровяную лужицу, ловко развернул машину и помчался прочь в направлении Москвы. За окном мелькала Россия. Её сосёнки вперемешку с берёзками. Над чахлым леском, растянувшимся вдоль дороги, висело серое русское небо. И по-прежнему сверху из мрачных тучек лился дождь, омывая отечество наше.

Бухнул выстрел. Пуля застряла где-то в кузове, вторая сшибла правое боковое зеркало. Но машина уже набрала скорость и через секунды мы были в безопасности. Не снижая скорости, я довольно скоро доехал до Оки. Остановились.

— Это правильно, — одобрительно заявил Полуэкт. — Надо бы помыть машину. Сосуд имеется на борту?

— Сосуд? Что это было? Поверить не могу... — частил я.

— Настоящая правда всегда неправдоподобна. Это не я, Достоевский сказал, если ничего не путаю. — Он вышел из машины, пошарил в багажнике, отыскал полиэтиленовые бутылки с водой и принялся смывать кровь. Когда закончилась вода, он сошёл к реке. Какое-то время он ходил туда-сюда, пока не покончил с этим делом. В этой простой работе он казался мне большим, сильным человеком, способным вернуть меня к действительности. И мне также захотелось ему помочь, но колено ныло, начало опухать, и я решил побережиться. К тому же я испытывал чувство безразличия к ещё тёплой чужой крови. — Что там, в мире делается? Вруби приёмник, что ли.

Я вдруг вспомнил, что не назвал себя, когда он представлялся «путником» и «Полуэктом».

— Павел, — сказал я.

— Понятно, — отозвался Полуэкт. Он нервно вертел в дрожащих руках мокрую вихотку и с тоской в голосе сказал. — Довелось мне, Паша, на старости лет в душегубцы определиться.

Между тем в эфире кончилось блудословие и обрадованный голос диктора новостей поведал слушателям, мол, Наум Говердовский — предводитель рязанских бунтовщиков, вступил в переговоры с представителями власти.

— Попомни мои слова, Паша, — обреченно сказал Полуэкт. — Найдутся казачки, что приволокут голову Петровича на алтарь отечества. Самые преданные казачки. Соратники!

Полуэкт безнадежно махнул рукой, взял карабин с заднего сиденья, повесил его на плечо и, не говоря ни слова, походкой смертельно уставшего человека побрёл в направлении Серпухова. В ту минуту мне думалось: хорошо бы поскорее сыскались те казачки, что Петровичеву голову и на алтарь отечества. С другой стороны, алтарь получается уж больно убогим, коли такое поганство на него надобно класть. Я долго смотрел в удаляющуюся ссутулившуюся спину и вдруг почувствовал приступ голода, быстро переросшего в тошноту. Меня рвало. Бесконечно и невыносимо. Желчью. Слёзы заливали глаза, мозг же воспалился, и я приготовился умереть.

Смерти не случилось. Тогда я сел в машину и поехал в Москву. Шоссе всё также было пустынным, и я без труда добрался до дома. Фонарь на столбе, несмотря на дневное время, светил как-то особенно ярко. Будто бы стремился испустить побольше фотонов напоследок, а потом уж будь что будет. В палисаднике копошилась соседка из 51-й квартиры. Она зачем-то ковыряла влажную землю садовой вилкой. Засовывала какие-то клубни в вырытые лунки. Веяло от неё в эту минуту отрешённостью. Ни пошлый мир, ни всякого рода страстишки не занимали её. Я отметил, что она ещё

ничего себе. Где надо у неё присутствует пухлость, где не надо — худосочность. Всего в меру. Она подняла голову, и я увидел раскрасневшиеся щёки, прилипшую ко лбу прядь волос, признаки осмысленности в глазах.

— Бог в помощь, Владимировна, — невольно вырвалось у меня. — Может, подсобрить чем?

Тётка окончательно разогнулась, недобрый взглядом окинула меня и протянула пачку полиэтиленовых пакетиков. Прилив необъяснимой радости накатил на меня. Я схватил их и, прихрамывая на левую ногу, ринулся во двор собирать собачье дерьмо. Краем глаза я увидел подъехавшее такси. Из машины стремительно выпорхнула моя посвежевшая красотка, чудом улизнувшая из уже смутившегося Крыма. И почудилось мне, что душа моя умягчилась, и мир обрёл свои обычные очертания, и захотелось ещё пожить. Такой вот не заладившийся год закатывался и мечталось, что в ближайшие 400 лет не родит земля наша соотича, подобного Петровичу.

Об авторе

Родился в 1959 году в городе Красноярске в семье военного (поэтому пришлось пожить в разных районах бывшего СССР — от Крыма до Омска). Высшее образование получил в Московском Электротехническом институте связи; кандидат технических наук. Четыре года отслужил в рядах ВС СССР; работал мастером (затем начальником участка) по строительству линейных сооружений городской телефонной сети, начальником цеха связи тропосферной связи на полуострове Ямал, инженером в НИИ им. Курчатова и др. С 1991 года руководил рядом мелких предприятий, занятых на поприще проектирования и строительства коммуникаций.

В 2005 году вышла книга прозы «Блуждающие во мраке» (в соавторстве с В. Бондарчиком). Рассказы публиковались в журнале «Знание-сила»: «Несостоявшийся вычислитель» в № 8/2006, «Таганрогская загадка» в № 3/2007, а также в литературном приложении «Знание-сила: Фантастика» — «В воронке хроноса» в № 1/2006, «Шпионское нашествие» в № 1/2007, «Заблудившийся крик Атлантиды» в № 1/2008, «Чирьевск» в № 1/2012, «Пакостник» в № 1/2013. В издательстве Art House media в 2008 году вышел сборник рассказов «Заблудившийся крик Атлантиды». В 2011 г. в литературном журнале «Дети Ра» были опубликованы рассказы «Болото» и «О хорьках и прочих».

Сергей Кузичкин

Воспоминание о белом журавлике

Мне было тогда лет восемь — не больше. Хорошо помню: в том году я окончил первый класс и родители отправили меня в деревню, как они выражались, «к старикам». Старики мои — бабушка и дедушка — были, как оказалось, не такими уж древними, а вполне еще крепкими людьми. Правда, бабушка уже и тогда была на пенсии, а дедушка работал лесником.

Итак, мне было восемь лет и то лето я проводил в деревне.

Поначалу мне очень нравилось вставать рано по утрам и, выпив кружку молока, бежать кормить кур и гусей, которых я поначалу побаивался. Гладил по молоденькой шерстке телочку Звездочку и играл с псом по кличке Трезор.

Нравилось ходить с дедушкой в лес, где я впервые в жизни увидел живых бурундучка и белочку. Нравилось вечером помогать бабушке загонять корову и кормить поросят и уже запоздно, выпив очередную кружку свежего молока, ложиться спать.

Но потом все это мне стало надоедать. Мальчишек в деревне было мало и особой дружбы я так ни с кем и не завел, а потому понемногу-понемногу начал тосковать по дому, по родителям, по оставшимся во дворе друзьям. Я даже поплакал как-то тихо ночью: до того мне захотелось домой. Не знаю, чем бы это все закончилось, только вот однажды я проснулся от равномерного постукивания в окно.

Я открыл глаза. На улице было уже совсем светло. Стоявший на комоде будильник показывал без четверти шесть. Бабушка суетилась возле стола — готовила завтрак и собиралась идти доить корову, но стук привлек и ее внимание.

— Игнатий, глянь, Игнатий! Никак журавель за окном. А белый какой!

— И хде? — спросил дедушка. Он сидел в кухне на табуретке и натягивал на ноги сапоги.

— А вона, во дворе у нас. В избу, что ль просится? Ишь, как в окно стучит.

Дедушка выглянул из-за перегородки и осторожно стал подходить к окну.

— Ну, дела! Белый, что снег! Журавель ведь, точно журавель. А крупный какой! — удивлялся дедушка, стоя напротив окна в одном сапоге.

— Журавлик! Где журавлик?!

Я соскочил с кровати. Ослепительно белый журавль стоял за нашим окном и, как мне показалось, с любопытством смотрел на нас. Помню, он

нисколько не испугался, когда я с кусочком хлеба выскочил на крыльцо, а потом стал приближаться. Журавлик спокойно взял клювом с моей ладони хлеб и я, не удержавшись, погладил его по мягким белым перышкам. Наверное, я ему понравился, потому что он в ответ потерся о мое плечо, а потом зашагал по двору, не обращая внимания ни на стоявших на крыльце дедушку с бабушкой, ни на мирно дремавшего в будке Трезора, ни на непоседливых воробышек, которые, несмотря на такую рань, уже копошились, собирая крошки возле собачьей булки.

Прошагав через весь двор, журавлик направился к огородам. Он легко перемахнул через изгородь и, приземлившись на другой стороне, посмотрел на меня, будто приглашая с собой. И я последовал его примеру. Перебежав огороды, мы выскочили на скошенные луга.

— Журавлик! Журавлик! Ура, у меня есть журавлик!

Встающее над лесом солнце ласково светило в глаза. Журавлик летел не очень высоко впереди меня, и я, пытаюсь догнать его, бежал босиком по колкой траве в промокших от росы штанах и радостно кричал.

Журавлик стал моим другом. Он поселился у нас на чердаке, по соседству с голубями. Я принес ему немного сена, и он сам устроил себе нечто наподобие гнезда. Голуби, как, впрочем, и все остальные, кто уже считался нашими домашними, вели себя по отношению к новому жильцу совершенно спокойно. По утрам журавлик будил меня стуком в окно, потом мы вместе умывались (он чистил перья), завтракали и отправлялись через огороды на луга. Там мы играли с ним в «догоняшки». Догнать журавлика было делом нелегким — он был очень изворотлив, но иногда, высоко подпрыгнув, мне удавалось легонько задеть его по лапке, и тогда радости моей не было границ. Устав, я с разбегу нырял в какой-нибудь стог сена и неподвижно лежал. Журавлик пристраивался рядом. Я смотрел на проплывающие по небу облака и думал о том, что как хорошо, что у меня есть такой друг, как журавлик. Мне уже нисколько не хотелось домой. И я представлял всех своих друзей здесь, играющих с журавликом.

Как-то незаметно для себя я засыпал.

Мне снился один и тот же сон. Мы летим с журавликом высоко-высоко в небе, обгоняя проплывающие облака. Облака расступаются, и перед нами появляется темная необъятная даль, со множеством маленьких, как звезды, огоньков. Мы летим среди этой темноты, и чувство страха и восторга одновременно переполняют мою душу. Мы приближаемся к одному из огоньков, который постепенно превращается в диск и становится все больше и больше. А потом я вижу город далеко-далеко внизу и чувствую, что начинаю падать. На этом мой сон почти всегда прерывался. Лишь один раз было продолжение и я видел людей. Они были полураздеты и за спиной у них виднелись крылья. Они улыбались мне, и я тоже улыбался, но вдруг почувствовал, что со мной нет журавлика и испуганно закричал. Когда же я открыл глаза и увидел его, спокойно чистящего перья, то подумал: «Как хорошо, что это был лишь только сон!»

Домой мы являлись под вечер. Бабушка всегда немного отчитывала меня и, покормив, заставляла помогать по хозяйству. Журавлик же залетал к себе на чердак и не показывался оттуда до самого утра. Так продолжалось

с неделю — до того самого дня, пока не явился невесть откуда тот человек в зеленом. У него была какая-то странная машина, совсем не имеющая колес. Он появился под вечер, когда мы собирались домой.

— Послушай, мальчик, это твоя птица? — обратился он ко мне.

— Моя, — ответил не совсем уверенно я.

— А твой дедушка лесник?

— Да.

— Все правильно. Внук лесника с белой птицей. Это как раз то, что нужно, — проговорил он и снова обратился ко мне. — Понимаешь, мальчик, мне очень нужна эта птица. Она совсем не то, что ты думаешь. Это вовсе не птица. Это представитель другой цивилизации, прибывший на землю, чтобы установить контакт двух миров, понимаешь? Во время полета у них что-то там произошло и он прибыл на Землю раньше намеченного срока на целых триста лет. Он прибыл в ваше время вместо нашего, а вы еще не способны для общения на таком уровне. Ты понимаешь меня, мальчик? Впрочем, имею ли я право называть тебя мальчиком? Ведь между нами солидная разница в возрасте...

Я молчал. Мне было жалко журавлика и слезы сами подкатывались к глазам.

— Ты ведь отдашь мне птицу, мальчик?

— Нет... Нет! Нет! — закричал я и заплакал...

— Мальчик, у меня нет времени на разговоры с тобой. Ты сейчас мал и наверняка не поймешь меня. Но пока я разговариваю с тобой, на половине планеты нет совсем электроэнергии. Она отключена, потому что я здесь, понимаешь?

Я, обняв журавлика за шею и опустившись на коленки, плакал.

— Ну, тогда пусть птица сама решает как ей быть!

С этими словами человек подошел к машине и что-то включил на приборной доске. В воздухе вначале заскрежетало, потом беспорядочно засвистело, но вскоре свист стал разлагаться на какие-то странные, похожие на музыку, звуки. Журавлик встрепенулся у меня в руках и пошел, нет, поплыл в их сторону.

— Журавлик! Журавлик! — закричал я и бросился следом.

Он повернулся.

— Ты уходишь, журавлик, уходишь от меня, да, журавлик? — спрашивал сквозь слезы я.

Он опустил голову.

— Пойми, так надо, — сказал человек в зеленом.

— Но ты вернешься, да? Вернешься ведь, журавлик?

И он, мой милый, мой умный журавлик, глядя в мои заплаканные глаза, кивнул!

А потом, как тогда, как в то утро нашей встречи, снова потерял о мое плечо.

— Может и вернется, — сказал человек в зеленом.

Я закрыл лицо руками, чтобы не видеть, как журавлик исчезает в проеме двери.

— Ну, бывай, браток, — так, кажется говорили в ваше время, — сказал опять «зеленый».

Я еще крепче прижал к глазам ладони.

Когда же через несколько минут опустил руки, передо мной никого не было. Только звучала еще в ушах та прекрасная музыка и кружилось в воздухе белое журавлиное перо...

Тогда я не придавал большого значения ни самому перу, ни изображенному на нем рисунку в виде двух положенных одна на другую вверх дном тарелок с вытянутыми краями и множеством точек внутри. Поклявшись никому не показывать перо до возвращения журавлика, я уехал с дедушкой на следующий день в город и спрятал перышко «в одно надежное место».

Прошел год, затем второй, третий...

В моей жизни появились новые заботы, радости и огорчения. Увлечшись то собиранием почтовых марок, то занятиями в спортивной секции, то еще чем-нибудь, я, взрослея, стал постепенно забывать эту историю с белым журавлем. Все чаще и чаще она казалась мне каким-то далеким сном и все реже и реже любовался я белым журавлиным пером. Но вот однажды, листая книгу по астрономии, я увидел очень знакомый рисунок, напоминающий две уложенные вверх дном одна на другую тарелки с вытянутыми краями и множеством точек внутри. Эта была схема нашей Галактики!

Я бросился к тайнику. Но... пера там не оказалось. И напрасно я перерыл все вокруг — оно исчезло и ни на другой, ни на третий, ни на четвертый день найти его я не смог.

Теперь я часто вспоминаю эту историю, пытаюсь припомнить все, до мельчайших подробностей.

Кто же был этот белый журавлик? Пришелец из другого мира? Живое существо или робот-разведчик, пытающийся найти разум во Вселенной и наконец нашедший его? А вот человек в зеленом комбинезоне — человек из будущего? А его машина — машина времени?

Обо всем этом можно теперь только предполагать.

Я задаю себе эти вопросы и очень хочу найти на них ответ. А пока в период перелета журавлей, приезжая в деревню, я забираюсь на чердак и долго-долго смотрю в небо. Я жду своего белого журавлика и верю, что однажды утром, покружив над лугом, он опустится во двор и, постучав утром клювом в окно, как и тогда, снова разбудит меня. И мы опять умчим с ним по огородам на скошенные луга и, как в далеком детстве, будем играть в «догоняшки».

Я верю.

Я очень хочу верить в это.

Об авторе

Родился в Тайшете Иркутской области в 1958 году. Работал журналистом в газетах Иркутской области, Алтайского и Красноярского края. Закончил Высшие литературные курсы в Литературном институте им. А. М. Горького в Москве. Сейчас редактор альманаха «Новый Енисейский литератор» (Красноярск). Публиковался в региональных литературных журналах и альманахах.

ЗНАНИЕ-СИЛА

Умный?

Читай журнал
ЗНАНИЕ-СИЛА!

www.znanie-sila.su

